

*Российская академия наук
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021 Том 65 № 4 Апрель

Основан в июле 1957 г.

Выходит 12 раз в год
ISSN 0131-2227

*Журнал издается под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН*

Главный редактор

А.В. РЯБОВ

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО, Москва), В. Андрефф (Ун-т Парижа, Сорбонна-1, Франция), В.Г. Барановский (ИМЭМО, Москва), А.Г. Большаков (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, Казань), Ю.А. Борко (Институт Европы, Москва), Л. Бреннан (Тринити Колледж, Ирландия), Ф.Г. Войтоловский (ИМЭМО, Москва), А.А. Дынкин (ИМЭМО, Москва), В.С. Загашвили (ИМЭМО, Москва), Н.И. Иванова (ИМЭМО, Москва), С.М. Кадочников (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Р.И. Капелюшников (ИМЭМО, НИУ ВШЭ, Москва), Э.В. Кириченко (ИМЭМО, Москва), Н.А. Косолапов (ИМЭМО, Москва), Ю.А. Красин (Институт социологии, Москва), В.Л. Ларин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток), Ли Юнцюань (Университет Китайской академии общественных наук, Пекин), К. Лиухто (Ун-т Турку, Финляндия), Г. Манготт (Инсбрукский ун-т им. Леопольда и Франца, Австрия), В.С. Мартыанов (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург), А. Мальхотра (Институт энергии и ресурсов, Индия), Е.В. Морозова (Кубанский государственный ун-т, Краснодар), В.П. Оболенский (Институт экономики, ИМЭМО, Москва), Г.М. Олевский (Латвийский государственный ун-т, Латвия), К. Росс (Университет Данди, Великобритания), А. Ротфельд (Варшавский ун-т, Польша), А.В. Рябов (“МЭ и МО”, Москва), Н. Симотомай (Ун-т Хосей, Япония), А. Стент (Джорджтаунский ун-т, США), А.В. Торкунов (МГИМО(У), Москва), Л.А. Фадеева (Пермский государственный ун-т, Пермь), П. Фердинанд (Уорикский ун-т, Великобритания), Фэн Шаолэй (Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай), К.К. Худoley (Санкт-Петербургский государственный ун-т, Санкт-Петербург), Ю.Г. Чернышов (Алтайский государственный ун-т, Барнаул), С.В. Чугров (МГИМО(У), Москва)

Заведующая редакцией Е.Е. РУБЦОВА

*Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23
Тел.: 8-499-128-08-83*

Электронная почта: metojournal@mail.ru, metojournal@imemo.ru

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
“Мировая экономика и международные отношения”, 2021

*Russian Academy of Sciences
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations*

**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL RELATIONS**
(Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya)

2021 Vol. 65 No. 4 April

Published since July 1957

Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 0131-2227

*The Journal is published under supervision of the Department of Global Problems
and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. RYABOV

Editorial Board:

AVTONOMOV V. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), ANDREFF W. (University Paris I Pantheon Sorbonne, France), BARANOVSKY V. (IMEMO, Moscow), BOL'SHAKOV A. (Kazan' (Privolzhskii) Federal University, Kazan), BORKO Y. (Institute of Europe, Moscow), BRENNAN L. (Trinity College, Ireland), VOITOLOVSKY F. (IMEMO, Moscow), DYNKIN A. (IMEMO, Moscow), ZAGASHVILI V. (IMEMO, Moscow), IVANOVA N. (IMEMO, Moscow), KADOCHNIKOV S. (Higher School of Economics, Saint-Petersburg), KAPELYUSHNIKOV R. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), KIRICHENKO E. (IMEMO, Moscow), KOSOLAPOV N. (IMEMO, Moscow), KRASIN Y. (Institute of Sociology, Moscow), LARIN V. (Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok), LI YONGQUAN (University of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing), LIUHTO K. (University of Turku, Finland), MANGOTT G. (University of Innsbruck, Austria), MART'ANOV V. (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg), MALHOTRA A. (The Energy and Resources Institute, India), MOROZOVA E. (Kuban' State University, Krasnodar), OBOLENSKIY V. (Institute of Economics, IMEMO, Moscow), OLEVSKY G. (Latvian State University, Latvia), ROSS C. (University of Dundee, UK), ROTFELD A. (University of Warsaw, Poland), RYABOV A. (MEMO Journal, Moscow), SHIMOTOMAI N. (Hosei University, Japan), STENT A. (Georgetown University, USA), TORKUNOV A. (MGIMO-U, Moscow), FADEEVA L. (Perm' State National Research University, Perm), FERDINAND P. (University of Warwick, UK), FENG SHAOLEI (East China Normal University, Shanghai), KHUDOLEY K. (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg), CHERNYSHOV Y. (Altai State University, Barnaul), CHUGROV S. (MGIMO-U, Moscow)

Office Manager E. RUBTSOVA

Address: 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation
Tel.: +7-499-128-08-83

e-mail: memojournal@imemo.ru, memojournal@mail.ru

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

2021, Том 65, Номер 4

Мир в начале тысячелетия

Глобализация мировой экономики: тенденции и противоречия <i>Г. Фейгин</i>	5
Регулирование антропогенной нагрузки на среду обитания <i>В. Фальцман</i>	14
Латинская Америка в сотрудничестве Юг–Юг на фоне противоречий глобализации <i>Л. Хейфец, К. Коновалова</i>	21

Проблемы безопасности в современном мире

Комплексы региональной безопасности (Опыт пространственного автокорреляционного и кластерного анализа) <i>И. Окунев, В. Виноградов</i>	30
---	----

Европа: новые реалии

Коронакризис в ЕС: нокаут или трамплин для интеграции? <i>Д. Чупина</i>	42
Ордолиберальные основы европейской экономической политики: мифы и реальность <i>Д. Трубников</i>	50
Экономика самопровозглашенного Косово <i>Е. Арляпова, Е. Пономарева</i>	58
Факторы формирования коалиционных правительств регионалистских и общенациональных политических партий в регионах Испании <i>Е. Филиппова</i>	71

Из истории ИМЭМО

О попытке создания теории международных отношений в ИМЭМО в 1970-е годы <i>Н. Косолапов, А. Алешин, А. Давыдов, С. Кислицын</i>	80
--	----

Большой Ближний Восток

Реформирование саудовской экономики: итоги и перспективы <i>А. Федорченко</i>	92
--	----

Миграции в современном мире

Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы <i>Л. Кононов, В. Леденева</i>	103
---	-----

Незападные политические теории

Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма <i>Д. Дегтерев</i>	113
--	-----

Современные проблемы развития

Религия, политика и цивилизационная динамика сегодняшнего мира <i>Е. Рашковский</i>	123
Кризис секуляризма в Индии <i>Д. Абрамов</i>	132

CONTENTS

2021, Vol. 65, No. 4

The World at the Beginning of Millennium

Globalization of World Economy: Trends and Contradictions <i>G. Feygin</i>	5
Regulation of Anthropogenic Load of the Habitat <i>V. Fal'tsman</i>	14
Latin America in the South-South Cooperation Against the Background of Globalization Controversies <i>L. Kheifets, K. Konovalova</i>	21

Security Problems in Contemporary World

Regional Security Complexes (Spatial Autocorrelation and Cluster Analysis Stimulation) <i>I. Okunev, V. Vinogradov</i>	30
---	----

Europe: New Realities

Coronacrisis in the EU: A Knock-Down or a Jump-Off for Integration? <i>D. Chupina</i>	42
Ordoliberal Foundations of European Economic Policy: Myths and Reality <i>D. Trubnikov</i>	50
The Economy of Self-Declared Kosovo <i>E. Arlyapova, E. Ponomareva</i>	58
Factors of Coalitional Governments Formation between Regionalist and Nationwide Political Parties in Regions of Spain <i>E. Filippova</i>	71

From the History of IMEMO

About an Attempt to Create a Theory of International Relations in IMEMO in the 1970s <i>N. Kosolapov, A. Aleshin, A. Davydov, S. Kislitsyn</i>	80
---	----

Greater Middle East

Reforming the Saudi Economy: Results and Perspectives <i>A. Fedorchenko</i>	92
--	----

Migration in Contemporary World

Adaptation and Integration of International Migrants: Theoretical and Methodological Problems <i>L. Kononov, V. Ledeneva</i>	103
---	-----

Non-Western Political Theories

Non-Western Theories of Development in the Global Capitalism Era <i>D. Degterev</i>	113
--	-----

Contemporary Problems of Development

Religion, Politics and Civilizational Dynamics in the Modern World <i>E. Rashkovskii</i>	123
The Crisis of Secularism in India <i>D. Abramov</i>	132

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

© 2021 г. Г. Фейгин

ФЕЙГИН Григорий Феликсович, доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, РФ, 191023 Санкт-Петербург,
ул. Садовая, 21;
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, РФ, 192238 Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15
(fgrig@list.ru).

Статья поступила в редакцию 01.11.2020.

В статье предложена авторская трактовка отличия понятия “глобализация” от иных терминов, характеризующих развитие мировой экономики (“интернационализация”, “международное разделение труда”). Систематизированы формы проявления глобализации с учетом долгосрочных тенденций начиная с 1970-х годов и особенностей развития в посткризисный период с 2010 г. Представлена интерпретация характерных черт современной модели глобализации с использованием корреляционно-регрессионного анализа и расчетов автора на основе введенных параметров. Проанализированы тенденции, отражающие соотношение феноменов догоняющего развития и поляризации в условиях глобализации. Показана взаимосвязь глобализационной активности стран и уровня ВВП на душу населения с использованием значений комбинированного индекса *KOF Globalization Index*.

Ключевые слова: глобализация, международная торговля, прямые иностранные инвестиции, международные портфельные инвестиции, региональная интеграция, глобализационная модель, догоняющее развитие.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-5-13

Термин “глобализация” приобрел огромную популярность в 1990–2000 гг. Однако после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. стали происходить процессы, свидетельствующие о явных изменениях глобализационного мегатренда. Появились радикальные оценки, вплоть до введения в научный оборот термина “деглобализация”. Высказываются идеи поиска иной модели, которая обеспечивала бы большую социальную справедливость в распределении мирового ВВП. Актуальными представляются исследование форм проявления этого феномена с учетом новых тенденций, проявившихся после 2010 г., комплексный анализ современной мирохозяйственной модели, а также рассмотрение проблемы межстрановой дифференциации доходов населения.

НОВЫЙ ТЕРМИН ИЛИ НОВЫЙ ФЕНОМЕН?

С момента появления термина “глобализация” в 1983 г. его новизна подвергалась сомнению [1]. Ранее были широко известны термины “интернационализация”, “международное разделение труда”, “международные хозяйственные связи”, у которых с новым термином нет “глухой стены”. Во второй половине XX в. мировая экономика все больше принимает форму единого целого. По оценкам Всемирного банка, уже к середине 1990-х го-

дов около 90% населения Земли участвовало в глобальных процессах [2]. Массовая вовлеченность субъектов в процесс осуществления международных хозяйственных транзакций, а также уровень их взаимосвязи и взаимозависимости стали, с нашей точки зрения, основными критериями, определяющими отличия феномена глобализации от иных форм международной кооперации.

В строгом смысле этот мегатренд есть становление хозяйственного миропорядка, который предполагает абсолютную гомогенность хозяйственных процессов [3]. Глобальная экономика интерпретируется “как единая система в планетарном объеме”, где рынки, менеджмент и институты полностью взаимосвязаны [4]. В качестве конечного результата процесса глобализации представляется миропорядок, для которого характерны идентичность условий ведения хозяйственной деятельности и уровень общественного благосостояния во всем мире, а также полное отсутствие каких-либо барьеров для трансграничного передвижения факторов производств и конечных продуктов [5].

Подобное состояние еще не достигнуто. Однако происходящие в последние десятилетия процессы можно рассматривать как движение в направлении повышения степени гомогенности в организации хозяйственного мироустройства. Поэтому использование термина “глобализация” на современном этапе представляется оправданным в контексте

перехода международных экономических взаимосвязей в принципиально новое качество.

ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ПОСТКРИЗИСНОГО ПЕРИОДА

Глобализация как мегатренд в полной мере стала реальностью во второй половине XX в. [6, 7]. Формы ее проявления могут быть систематизированы с учетом долгосрочного развития мирового хозяйства с 1970-х годов и некоторых новых тенденций, наметившихся уже после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг.

В период с 1972 по 2008 г. объемы экспортно-импортных операций постоянно увеличивались. Интенсивность торговли между отдельными странами росла, чему способствовал курс на либерализацию торгового порядка. Объем годовых экспортных операций в текущих ценах в 2008 г. превышал аналогичный показатель 1972 г. в 40 раз, достигнув почти 20 трлн долл. При этом годовой экспорт в 1980 г. по сравнению с 1972 г. вырос в 4.6 раза; в 1990 г. по сравнению с 1980 г. – в 1.9 раза; в 2000 г. по сравнению с 1990 г. – в 1.8 раза; а в 2008 г. по сравнению с 2000 г. – в 2.5 раза. С 2011 по 2019 г. объемы экспортных операций колебались в диапазоне от 21 трлн (2016 г.) до 25 трлн долл. (2018 г.) [8]¹.

До 2011 г. для многих стран был характерен рост уровня открытости (отношение суммы объемов экспорта и импорта к ВВП). Так, этот показатель увеличивался в период с 1972 по 2011 г. с 0.11 до 0.31 для США; с 0.35 до 0.85 для Германии; с 0.38 до 1.11 для Южной Кореи; с 0.06 до 0.51 для Китая. В дальнейшем рост уровня открытости для этих стран прекратился.

Одной из причин прекращения роста объемов мировой торговли после 2011 г. стали ослабление роли дешевого труда, используемого в бедных странах, и перестройка производственных цепочек в рамках ТНК. Несмотря на то что практически все страны в настоящее время вовлечены в международные торговые операции, более половины мирового экспорта осуществляет сравнительно небольшое количество крупнейших компаний-экспортеров.

В 2017 г. по сравнению с 1995 г. в мировом экспорте несколько сократилась доля США, Германии, Франции, Великобритании и Италии. Однако положение индустриальных стран продолжает оставаться достаточно прочным. Эти страны экспортируют около 2/3 товаров и услуг, что объясняется высоким уровнем конкурентоспособности компаний, зарегистрированных на территории этих

стран. В последние два десятилетия существенный прорыв совершил Китай. В 1995 г. его доля в мировом экспорте составляла 2.3%, а к 2017 г. выросла до 10.6%. Тем самым Китай превратился в мощного конкурента ведущих экспортеров.

Очевидно, что стабилизация объемов международных торговых операций после 2011 г. еще не свидетельствует об отсутствии прогресса в контексте глобализации в данной сфере. Однако пандемия *COVID-19* с высокой степенью вероятности окажет негативное влияние на динамику мировой торговли. По некоторым экспертным оценкам, в ближайшие время объем международных торговых операций может сократиться на 13–32% в связи с многочисленными ограничениями, обусловленными введением карантинных мер. Они затрагивают особенности сертификации экспортируемых товаров, процедуры растаможивания и т. д. Определенные изменения касаются и построения логистических цепочек [9]. Негативное влияние пандемии может усилить наметившуюся тенденцию прекращения роста объемов международной торговли и создать новые препятствия для ее роста в ближайшие годы.

Ежегодные объемы мировых прямых иностранных инвестиций (ПИИ) начиная с 1972 г. постоянно увеличивались, но с 2011 г. их рост фактически прекратился. Динамика объемов экспорта и прямых инвестиций с 1972 г. не совпадала: если рост экспорта на протяжении нескольких десятилетий был относительно стабильным, то динамика ПИИ волнообразна. Чередование периодов роста и сокращения объемов вкладываемых средств объясняется чувствительностью инвестиций к колебаниям экономической конъюнктуры и вариативной природой потребности во вложениях.

Основной причиной стабилизации объемов ПИИ с 2011 г. считается постепенное сокращение их доходности. Так, если в 2012 г. их средняя доходность составляла 8.1%, то к 2017 г. она понизилась до 6.7% [10]. На протяжении достаточно длительного периода (до 2007 г.) развитые страны были наиболее привлекательными для ПИИ. Это объяснялось наличием здесь устойчивой институциональной базы, развитой финансовой инфраструктурой и высокой емкостью национальных рынков. До 2008 г. их доля в мировых объемах при наличии определенных колебаний не опускалась ниже 74.1% (1995 г.). Начиная с 2008 г. она демонстрировала некоторую тенденцию к сокращению, но с 2015 г. вновь начала расти.

При выборе региональных направлений инвесторы стремятся к диверсификации прямых вложений. При наличии определенных преимуществ индустриальных стран следует указать на большую равномерность в международном рас-

¹ Здесь и далее приводятся статистические данные Всемирного банка, на основе которых проведены расчеты автора.

пределении данной категории инвестиционных потоков. В 2000 г. вкладываемые в ведущие страны Западной Европы (Германию, Великобританию, Францию, Италию) ПИИ составляли 387.7 млрд долл., в США – 321.2 млрд. При этом объемы прямых вложений в Китай, Индию, страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии не превышали в сумме 140 млрд долл. В 2017 г. в эти регионы было направлено более 400 млрд долл., в то время как объемы капитала, вкладываемого в США и ведущие страны Западной Европы, существенно не изменились.

При прогнозировании объемов зарубежного инвестирования в будущем необходимо учитывать динамику ВВП, характер изменения цен на различные виды товаров, приоритеты экономической политики отдельных стран. Пандемия *COVID-19*, бесспорно, негативно скажется на динамике капиталовложений, прогнозируется спад их объемов на 30–40%. Подобное положение дел имеет явно конъюнктурный характер. Не исключен и определенный вклад прямых инвестиций в процесс восстановления экономики после пандемии [11]. Однако если сокращение объемов ПИИ в связи с пандемией только лишь намечается, то фактическое прекращение их роста в посткризисный период представляет собой заметную тенденцию.

В 1970-е годы началась ликвидация административных барьеров на пути трансграничного движения капиталов. Существенное развитие получило международное кредитование. Рост капитализации компаний способствовал росту международных портфельных инвестиций. Если в 1970–1980-е годы объемы этих показателей были незначительны, то начиная с первой половины 1990-х годов их роль в мировой экономике существенно возросла. Объемы международных кредитов в этот период варьировались в диапазоне 370–1450 млрд долл. С 2003 по 2007 г. они стремительно росли и достигли 3.6 трлн долл.

В период мирового экономического кризиса объемы международных кредитов принимали отрицательное значение, а в 2010–2019 гг. не превышали 2.2 трлн долл., что значительно ниже предкризисного уровня. Максимальный рост международных портфельных инвестиций пришелся на середину 2000-х годов (3.2 трлн долл. в 2007 г.). В посткризисный период (2010–2019 гг.) объем международных портфельных инвестиций колебался в диапазоне от 0.8 трлн (2016 г.) до 2.4 трлн долл. (2014 г.) [12, 13].

Примечателен тот факт, что при общем сокращении и стабилизации международных потоков капитала в развивающихся странах (в частности, в Азиатском регионе) они существенно выросли. В посткризисный период банки Японии, Гонкон-

га, Южной Кореи и Тайваня значительно повысили свою международную кредитную активность в соседних странах. Кредиты в настоящее время предоставляются в первую очередь предприятиям из Китая, Малайзии, Индии.

Финансовая составляющая глобализации вызывает много дискуссий, в рамках которых отмечаются ее позитивные и негативные аспекты. Начиная с 2010 г. предпринимаются систематические попытки усилить глобальный финансовый контроль на уровне Базельского комитета и *G20*.

Современная стадия НТП характеризуется большим количеством инноваций, многие из которых стали результатом работы интернациональных команд специалистов. Волны НТП передаются из одной страны в другую. Однако здесь существует ряд проблем. Например, более половины зарегистрированных патентов закреплены за США, Японией и Германией, а около 90% патентов приходится на 10 ведущих стран. В глобальном инновационном рейтинге в первую десятку входят исключительно развитые индустриальные страны. Среди прочих государств в числе первых 20 в данном рейтинге находится лишь КНР (14-е место) [14].

Развитию глобальных хозяйственных транзакций способствует стремительное распространение инновационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и формирование глобального информационного пространства. Цифровизация различных сфер общественной жизни также характеризуется известной неравномерностью и межстрановыми различиями.

Индустриальные страны по-прежнему значительно превосходят остальной мир по количеству мобильных соединений на 100 человек и числу домохозяйств, имеющих компьютер и обладающих доступом в Интернет. По трем вышеупомянутым показателям развитые страны опережают развивающиеся в 1.5–3 раза. В 2017 г. базовые навыки работы с ИКТ в передовых странах имело 68% населения, в остальных – около 40 и в самых бедных странах – 22% [15]. Таким образом, несмотря на существенную и неоспоримую роль ИКТ как фактора глобализации, сохраняются ощутимые различия в их развитии и распространении.

С 1980 по 1990 г. ряд развивающихся стран начали проводить политику либерализации внутренних рынков. В конце 1980-х кризис внешней задолженности стал своеобразным стимулом для внесения корректив во внешнеэкономическую политику в сторону большей открытости. Первичные результаты такой либерализации неоднозначны. В связи с этим имеющие некоторую популярность в настоящее время идеи “нового национализма” относят и к развивающимся странам [16].

Глобализация проявляется также в процессе становления и развития региональных экономических и торговых блоков. К началу 2000-х годов между странами — членами ВТО было заключено более 150 региональных соглашений. Этот процесс получает крайне противоречивые оценки: варьирующие от трактовки регионализации как этапа глобализации до признания их в качестве “антиглобалистской” тенденции [17].

Развитие региональных блоков в последние годы сталкивается с явными препятствиями. В 2020 г. завершилась процедура выхода Великобритании из состава ЕС. В других блоках какого-то значительного прогресса в углублении интеграции также не наблюдается. Валютные союзы по образцу ЕС практически нигде не возникли (за исключением некоторых зон, где национальная валюта привязана к евро или доллару США). Более того, создание таможенного союза и единого рынка в АСЕАН, МЕРКОСУР и Андском сообществе сопряжено с определенными преградами [18].

Наконец, межрегиональные интеграционные проекты также еще не стали реальностью. Переговоры по Соглашению о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве до сих пор не завершены. Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве действует, но в 2017 г. из него вышли США. Все это свидетельствует о том, что развитие региональных экономических и торговых блоков как формы глобализации в последние годы сталкивается с серьезными трудностями.

С 2000-х годов наблюдается возрастание активности ТНК. В настоящее время на них приходится более 1/3 международных торговых операций, и они были главными инициаторами международных инвестиционных проектов. Только лишь зарубежные дочерние структуры ТНК производят более 10% мирового ВВП [19]. По состоянию на 2019 г. рыночная стоимость лидеров по данному показателю составляла более 900 млрд долл., что практически равно ВВП Нидерландов. Объем продаж колебался в диапазоне 400–500 млрд долл., что сопоставимо с ВВП Швеции и Норвегии. Прибыль составляла 40–45 млрд долл., что сравнимо с ВВП Коста-Рики, Латвии или Эстонии. Так, из первой сотни крупнейших ТНК более 80 зарегистрировано в развитых странах (большинство в США). Таким образом, и здесь очевидно явное доминирование ведущих индустриальных держав. Исключением стала лишь экономика Китая, где некоторые компании (прежде всего в финансовой сфере) вошли в число крупнейших корпораций мира.

Развитие международных образовательных программ привело к усилению международной миграции населения. Рост числа мигрантов характерен для развитых индустриальных государств,

куда выходцы из других стран стремятся попасть в поисках лучшей жизни. В 1990 г. здесь проживало 75.8 млн мигрантов; в 2000 г. — 101 млн, а в 2015 г. — 157.7 млн (лидерами по доле мигрантов в общей численности населения по состоянию на 2015 г. были Австралия (28.2%), Канада (21.8%), США (14.5%)). Определенную роль здесь играют международный статус английского языка, а также особенности миграционной политики. В странах с низким и средним уровнями доходов число мигрантов в 1990-е годы оставалось стабильным (71–75 млн) и только к 2015 г. несколько увеличилось (85.5 млн человек).

В конце 1980 — начале 1990-х годов начался распад мировой системы социализма, существование которой можно было рассматривать в качестве своеобразного тормоза на пути развития глобальных процессов, хотя бывшие социалистические страны до сих пор играют довольно скромную роль в современном глобализирующемся мире. На долю стран Восточной Европы в 2000 г. приходилось лишь 2.1% объемов мирового экспорта и 1.6% привлекаемых ПИИ. В 2010 г. аналогичные показатели были соответственно 3.7 и 2.3%; в 2018 г. — 4.4 и 3.6%. Похожим образом выглядит ситуация и в странах постсоветского пространства. Их доля в объемах мирового экспорта в 2000 г. составляла 2.1%, в 2010 г. — 3.5 и 9% в 2018 г.; а в объемах привлекаемых ПИИ — 0.4% в 2000 г., 3.7% в 2010 г. и 1.6% в 2018 г.

Таким образом, определенное движение в направлении формирования гомогенного хозяйственного миропорядка продолжается. Достигнутый уровень “глобальности” достаточно высок. Однако отчетливо проявляются и некоторые тенденции, которые можно рассматривать как препятствие на пути дальнейшего прогресса. Поэтому введение в научный оборот термина “деглобализация” представляется дискуссионным — небесспорным, но и не лишенным основания [20]. Происходящие в мировой экономике в настоящее время процессы свидетельствуют о том, что глобальный мегатренд если и не развернулся в обратном направлении, то несколько замедлился и находится на некотором распутье.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ: ЕСТЬ ЛИ РЕАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА?

На протяжении многих лет глобализация как мегатренд периодически подвергается критическим оценкам. Аргументация противников глобализма сводится не столько к отрицанию прогрессивности этого процесса как стадии в развитии мирового хозяйства, сколько к критике сложившейся модели [21]. В последние 10 лет популярность приобрел термин “альтернативная (другая) глобализация” [22]. В ее основе лежит гипотеза

о необходимости усовершенствовать нынешнюю модель, которую можно охарактеризовать как “глобальный капитализм”.

Характеризуя существующую до сих пор модель глобализации, обозначим некоторые ее важные признаки, содержащие в том числе и проблемные аспекты. Так, для нее характерна острая конкуренция в глобальном масштабе. В 1990-е годы распространение получил термин “гиперконкуренция”, что означает большую интенсивность конкуренции и непредсказуемость исхода конкурентной борьбы. Столкнувшись в таких условиях с проблемой экономики издержек, ТНК стремятся максимально эффективно использовать новые возможности формирования цепочек создания стоимости.

Вместе с тем этот процесс обуславливает и деиндустриализацию, проявляющуюся в сокращении рабочих мест в промышленности, в том числе и для высококвалифицированных рабочих в странах происхождения ТНК. Индустриализация стала причиной существенных структурных деформаций во многих странах. Наличие данной проблемы мотивирует к принятию контрмер [23].

Для современной мировой экономики характерны определенные дисбалансы в движении международных торговых потоков. Для некоторых стран (США, Индии), из года в год демонстрирующих отрицательное экспортно-импортное сальдо, суммарное превышение импорта над экспортом в последние десять лет было достаточно велико. Так, чтобы сбалансировать это сальдо, США должны осуществить экспорт в объеме, в 1.99 раза превышающем его среднегодовое значение в 2010–2018 гг., при отсутствии импорта. Напротив, некоторые страны (Россия, Германия, Китай) за последние десять лет достигли существенного превышения суммарного экспорта над суммарным импортом. Торговые связи ряда других стран (Австралии, Франции, Японии) более сбалансированы.

Перетекание финансовых ресурсов международных торговых операций еще не означает, что страна, демонстрирующая регулярное превышение импорта над экспортом, не имеет шансов на достижение устойчиво высоких темпов экономического роста. Необходимо учитывать и такие факторы, как структура экспортно-импортных операций для отдельных стран и волатильность цен на сырьевые ресурсы. Поэтому абсолютизировать значение чистого экспорта как фактора экономического роста все же не следует.

Вместе с тем отсутствие чистого экспорта в течение ряда лет – тревожный сигнал для экономики страны. Реакция на него выражается в применении протекционистских мер. Характерным феноменом в данном контексте стала торговая война между США и Китаем, начавшаяся в 2018 г. Фактически речь шла

об установлении обеими сторонами сравнительно высоких ставок таможенных пошлин на широкий перечень наименований ввозимой продукции.

Обострение торговых противоречий между этими двумя странами неслучайно. Китай и США – две крупнейшие на сегодняшний день национальные экономики. Экспортно-импортное сальдо регулярно оказывалось положительным для Китая и отрицательным для США. В период с 2010 по 2017 г. Китай экспортировал в США товары и услуги в объеме от 364.9 млрд долл. (2010 г.) до 505.5 млрд (2017 г.). При этом импорт Китая из США колебался в диапазоне от 91.9 млрд до 129.9 млрд долл. [24].

Торговая война между США и Китаем – наиболее яркий пример фактического отказа от принципа последовательной либерализации международного торгового порядка, который можно назвать важнейшим элементом современной глобализационной модели. Подписанное в январе 2020 г. торговое соглашение между двумя странами свидетельствует о том, что они по-прежнему являются крайне значимыми торговыми партнерами друг для друга и находятся в состоянии сильной взаимной зависимости. Дальнейшие сценарии взаимоотношений этих двух стран, а также других крупнейших глобальных игроков пока представляются неоднозначными.

В период глобализации все также актуален вопрос о сохранении социальной дифференциации, которая в последние десятилетия не только не сокращается, но и зачастую увеличивается. Можно предположить, что современная модель глобализации создает существенные предпосылки для роста доходов сравнительно небольшой группы владельцев значительной части активов компаний, успешных функционирующих на глобальных рынках.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в мире с 1920 по 1980 г. доля активов, принадлежащих 1% населения, сокращалась, а затем начала увеличиваться [25]. Рост доходов 1% богатейших слоев населения с 1980 по 2016 г. превышал аналогичный показатель для всего населения в 1.7 раза для мира в целом, в 1.9 раза – для Европы, в 3.3 раза – для США и Канады, в 2.3 раза – для Китая и в 3.8 раза – для Индии. Если же взять еще более узкий слой (0.01% или 0.001% богатейших слоев населения), рост доходов оказывается еще более значительным.

Современное мировое хозяйство характеризуется несовершенством глобальной институциональной структуры при большом разнообразии наднациональных институтов. Некоторые из них по количеству стран-участниц и охвату международных хозяйственных транзакций (ВТО, МВФ, Всемирный банк, ОЭСР) имеют глобальный статус

и сходные целевые ориентиры. Главными частями программ их деятельности называются достижение устойчивого глобального экономического роста, развитие конкуренции, содействие проведению реформ в развивающихся странах, общее повышение там благосостояния населения.

Многие цели глобальных институтов фактически имеют декларативный характер, а арсенал располагаемых административных инструментов недостаточен для их достижения. Кроме того, в состав руководства глобальных институтов входят в основном представители развитых индустриальных стран. Соответственно, политика таких организаций не может полностью обеспечить баланс экономических интересов всех стран-участниц.

Наконец, будущий состав и полномочия глобальных институтов также остаются не до конца прозрачными. В частности, одной из причин неэффективности ВТО можно назвать запоздалую реакцию на современные вызовы, что, в частности, обусловлено особенностями процедуры принятия решений [26].

Несовершенство глобальной институциональной структуры проявляется также и в том, что в настоящее время еще в значительной мере не отлажен механизм взаимодействия институтов мирового, регионального и национального уровней. Неслучайно на повестку дня выходит вопрос о реформировании институтов в направлении повышения транспарентности их деятельности и совершенствовании функционального распределения обязанностей между отдельными комитетами [27]. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, членами которого в 2014–2015 гг. стали 57 государств, рассматривается как потенциальный конкурент МВФ и Всемирного банка. Можно предположить, что будущее процесса глобализации зависит от того, в какой мере удастся усовершенствовать деятельность самих этих институтов и усилить взаимодействие институциональных образований на всех уровнях.

Можно однозначно говорить о заметном несовершенстве глобального капитализма как модели глобализации, что становится предметом критики и служит основанием для усиления протекционизма. В то же время какие-либо возможности перехода к иной глобализационной модели в настоящее время не просматриваются. Попытки проводить протекционистские мероприятия имеют локальный характер и относятся к национальным государственным инициативам. При этом глобальные институты не настолько всесильны (и, вероятно, недостаточно мотивированы), чтобы инициировать сколь-нибудь значимые изменения сложившейся модели. Поэтому критические аргументы антиглобалистов и их призывы к переходу к “иной глобали-

зации” скорее декларативны и не отражают современные реалии организации хозяйственной жизни.

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ИЛИ ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ?

Термин “догоняющее развитие” означает постепенное сокращение дистанции между передовыми и отсталыми странами. Поляризация сводится к усилению дифференциации в экономическом развитии, которое, в частности, выражается в различии уровней доходов населения отдельных государств [28]. К моменту начала современной стадии глобализации индустриальные страны уже превосходили развивающиеся и, соответственно, имели преимущества в глобальной конкуренции. С другой стороны, некоторые развивающиеся страны обладают большими запасами сырьевых ресурсов и сравнительно дешевой рабочей силой.

Эффект догоняющего развития традиционно связывается с более высокой доходностью инвестиционных вложений, характерной для развивающихся стран [29]. Кроме того, эти страны могут закупать уже готовые технологические достижения, а не тратить средства на их разработку и тем самым обеспечивать более высокие темпы экономического роста.

Успешными примерами догоняющего развития стали четыре восточноазиатских “тигра” — Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южная Корея, которые после Второй мировой войны сначала существенно сократили, а затем почти полностью преодолели отставание. Соотношение доходов населения в странах с высоким уровнем и странах с низким и средним уровнями доходов (терминология ВБ) в 1970–1990-е годы варьировалось в диапазоне от 12 до 21 раза, а с 2013 г. стабилизировалось приблизительно на уровне 9 раз. По паритету покупательной способности оно сократилось с 7.2 (2000 г.) до 4.3 раза (2018 г.). Доля населения, проживающего в странах с высоким уровнем дохода, демонстрирует тенденцию к некоторому сокращению, к 2018 г. она составляла около 16%.

Автором проведено эмпирическое исследование взаимосвязи уровня глобализационной активности отдельных стран. Для ее оценки использован *KOF Globalization Index* — интегральный показатель, разработанный Швейцарским экономическим институтом и характеризующий степень вовлеченности страны в процесс глобализации с учетом экономических, политических и социальных факторов² [30] и динамики ВВП на душу населения.

² Международная торговая и инвестиционная деятельность; международная миграция, туризм и образовательные программы; посольства, представительства в ООН, международные неправительственные организации.

Первые 25 позиций по значению индекса *KOF* занимают страны с высоким уровнем дохода. Для анализа были выбраны страны, имеющие места в рейтинге, начиная с 3-го десятка: Малайзия (27), Турция (47), ЮАР (58), Перу (61), Филиппины (74), Китай (87), Бразилия (96), Индия (101), Шри-Ланка (112), Алжир (121), Гамбия (136), Камерун (147), Бангладеш (159), Суринам (164), Гвинея-Бисау (178), Бурунди (182), то есть одна страна на 10 позиций в рейтинге. Анализ динамики ВВП показал, что практически ни одна страна, за исключением Китая, в период с 1972 по 2018 г. не сократила отставание от развитых индустриальных стран.

Только один пример – китайская экономика – представляет собой очевидное эмпирическое доказательство феномена догоняющего развития. Что касается других государств, то они до сих пор не смогли в полной мере использовать шансы, предоставляемые современной моделью глобализации, и обеспечить существенный рост относительных доходов своего населения.

Автором рассчитан коэффициент корреляции между значениями индекса *KOF* для выбранных стран и значениями показателя ВВП на душу населения ($r = 0.68$). Отчетливо (за небольшим исключением) прослеживается взаимосвязь: чем выше значение индекса *KOF*, тем выше уровень среднедушевых доходов. С одной стороны, более высокие среднедушевые доходы отражают уровень развития страны и характеризуют условия для большего участия в глобализационной активности. С другой стороны, участие в этих процессах может способствовать экономическому прогрессу, что отражается на уровне среднедушевых доходов. Последнее явно характерно для экономики Китая.

Доля беднейших слоев населения постепенно уменьшается, но и здесь присутствует межстрановая дифференциация. Число лиц, проживающих менее чем на 5.5 долл. в день, в странах с низким и средним уровнями доходов сократилось с 82

(1990 г.) до 55% (2015 г.). В развитых индустриальных странах доля столь малообеспеченных лиц крайне мала и в последние годы колеблется в диапазоне 1–2%. Тем самым в условиях глобализации происходит постепенное сокращение числа лиц, проживающих в условиях крайней бедности, что дает основание ожидать роста общественного благосостояния в мире в целом.

Несомненно, важную роль сыграли процессы, выражающие суть глобализации. Например, открытие филиалов иностранных компаний во многих странах приводит к созданию новых рабочих мест, стимулирует развитие конкуренции и тем самым способствует повышению эффективности производства и росту производительности труда. Таким образом, в условиях глобализации растет уровень доходов населения в целом, но значительная межстрановая дифференциация не позволяет сделать однозначный вывод о преобладании догоняющего развития над поляризацией.

Процесс глобализации означает усиление гомогенности хозяйственного миропорядка, вероятным результатом которого в отдаленном будущем будет превращение мировой экономики в систему с едиными условиями ведения хозяйства. Экономический кризис 2008–2009 гг. создал известные вызовы, которые проявились в замедлении роста объемов хозяйственных трансакций, очевидных трудностях в развитии региональной интеграции, обострении торговых противоречий и усилении протекционистских тенденций. Особенности современной глобализационной модели стали основанием для скептицизма, а также различных инициатив, направленных на совершенствование современного мирохозяйственного устройства. Но надо ясно понимать, что в настоящее время сложившаяся модель глобализации не имеет реальной альтернативы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Bernholz P. Globalisierung: ein neues Phänomen? Theurl T., Smekal C., Hrsg. *Globalisierung*. Tübingen, Mohr Siebek Verlag, 2001. 326 S.
2. *World Development Report 1995: Workers in an Integrating World*. World Bank. New York, Oxford University Press, 1995. 125 p.
3. Stierle M. *Globalisierung und Globalität: Schrittmacher, Merkmale, Reversibilität*. Berlin, INFER, 1999. 23 S.
4. Friedrichs J. Globalisierung – Begriff und grundlegende Annahmen. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. Bonn, Bundeszentrale für Politische Bildung, 1997, vol. 47, SS. 3–11.
5. Фейгин Г.Ф. *Закономерности глобализации и развитие национальных экономик*. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2009. 235 с. [Feigin G.F. *Zakonomernosti globalizatsii i razvitiie natsional'nykh ekonomik* [Patterns of the globalization and the development of national economies]. St. Petersburg, St. Petersburg state university of economy and finance, 2009. 235 p.]
6. Ambrosius G. *Globalisierung. Geschichte der internationalen Wirtschaftsbeziehungen*. Wiesbaden, SpringerVerlag, 2018. 479 S.
7. Gronholz M. *Kulturelle Globalisierung und internationale Kooperation*. Wiesbaden, SpringerVerlag, 2013. 344 S.

8. *World Bank Open Data*. World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/> (accessed 10.05.2020).
9. *COVID-19 and International Trade: Issues and Actions*. OECD. Available at: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-and-international-trade-issues-and-actions-494da2fa/> (accessed 10.05.2020).
10. *World Investment Report 2018. Investment and World Industrial Policy*. UNCTAD. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2018_en.pdf (accessed 10.05.2020).
11. *Foreign Direct Investment Flows in the Time of COVID-19*. OECD. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=132_132646-g8as4msdp9&title=Foreign-direct-investment-flows-in-the-time-of-COVID-19 (accessed 10.05.2020).
12. James E., McLoughlin K., Rankin E. Crossborder Capital Flows since the Global Financial Crisis. *Reserve Bank of Australia Bulletin*, 2014, June Quarter, pp. 65-72.
13. *World Investment Report 2019. Special Economic Zones*. UNCTAD. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (accessed 10.05.2020).
14. *World Intellectual Property Indicators 2018*. WIPO World Intellectual Property Organization. Available at: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2018.pdf (accessed 10.05.2020).
15. *Measuring the Information Society Report, vol. 1, 2018*. ITU. Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR-2018-Vol-1-E.pdf> (accessed 10.05.2020).
16. Bieber F. Is Nationalism on the Rise? Assessing Global Trends. *Etnopolitics*, 2018, vol. 17, no. 5, pp. 519-540.
17. Breuss F. Die Globalisierungs- und Erweiterungsstrategie der EU. *Wirtschaftspolitische Blätter*, 2018, no. 3, SS. 343-358.
18. Veiga P., Rios S. *MERCOSUR Experience in Regional Integration: what Could Africa Learn from It?* Available at: <https://www.policycenter.ma/sites/default/files/PCNS-PP1907.pdf> (accessed 10.05.2020).
19. *Multinational Enterprises in the Global Economy*. OECD. Available at: <https://www.oecd.org/industry/ind/MNEs-in-the-global-economy-policy-note.pdf> (accessed 10.05.2020).
20. Herrero A.G. *From Globalization to Deglobalization: Zooming into Trade*. Available at: <https://www.bruegel.org/2020/02/from-globalization-to-deglobalization-zooming-into-trade/> (accessed 10.05.2020).
21. Stiglitz J. *Die Schatten der Globalisierung*. Berlin, Siedler Verlag, 2002. 304 S.
22. Stadt Wien, Wirtschaftsuniversität Wien. *Gutes Leben für alle braucht eine andere Globalisierung. Werkstattbericht* 173. Available at: <https://www.wien.gv.at/stadtentwicklung/studien/pdf/b008513.pdf> (accessed 10.05.2020).
23. *Protectionism in the 21st Century*. Kommerskollegium. Available at: <https://www.kommerskollegium.se/globalassets/publikationer/rapporter/2016/publ-protectionism-in-the-21st-century.pdf> (accessed 10.05.2020).
24. Carfagno B., Ker M. *Trends in Trade: U.S. China Goods Trade 2012–2017*. Available at: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Trends%20in%20Trade%20Staff%20Report.pdf> (accessed 10.05.2020).
25. Alvaredo F., Chanel L., Piketti T., Saez E., Zucmann G. *World Inequality Report 2018*. Available at: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf> (accessed 10.05.2020).
26. Оболенский В. Камни преткновения на пути реформирования ВТО. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 8, сс. 13-20. [Obolenskiy V. Kamni pretkoveniya na puti reformirovaniya WTO [Stumbling stones in the way of WTO reformation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otosheniya*, 2019, vol. 63, no. 8, pp. 13-20.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-13-20>
27. Bhasin N., Gupta S. Reforms in International Monetary Fund (IMF). Challenges and the Road ahead. *Management and Economics Research Journal*, 2018, vol. 4, no. 1, pp. 19-29.
28. Fagerberg J., Shrolec M. National Innovation Systems, Capabilities and Economic Development. *Research Policy Elsevier*, vol. 37 (9), Oct. 2008, pp. 1417-1435.
29. Popov V. *Catching up: Developing Countries in Pursuit of Growth*. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/77cc/19959ae77fd85b8cc7e885197b10f49ff0fd.pdf> (accessed 10.05.2020).
30. *KOF Globalization Index*. ETH Zürich KOF. Available at: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (accessed 10.05.2020).

GLOBALIZATION OF WORLD ECONOMY: TRENDS AND CONTRADICTIONS

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 5-13)

Received 01.11.2020.

Grigorii F. FEYGIN (fgrig@list.ru),

St. Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russian Federation;

St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 15 Fuchika Str., St. Petersburg, 192238, Russian Federation.

The interpretation of the term “globalization” and differences to other terms characterizing the development of the world economy (internalization of the world economy, internal division of labor, regional integration) is given. The main signs of globalization (dynamic of trade volumes, FDI inflows, portfolio investments and international credits; internalization of technical progress; digitalization of economy; development of regional economic integration, global migration; TNC activities; transformation processes in the former socialistic countries) are summarized. The focus is

on differences between long trends (since 1970) and actual development after the crisis (since 2010). The legitimacy of introduction of the term “deglobalization” is discussed. The modern model of the globalization (global capitalism) is analyzed. Based on some characteristics of this model (global competition, market fluctuations, unbalanced trade flows, social differences, fragility of the global governance), the critical arguments are considered and opportunities of transition to the new model of globalization in the next future are estimated. The relation of catch-up development and polarization in the era of the globalization is analyzed. The dynamics of GDP development of countries in 1972–2018 are summarized. The focus is on the relation between GDP per capita for countries with high income and countries with both low and middle income. The influences of global activities of countries on the level of GDP per capita are highlighted. The empirical basics are data of KOF-Index. The sample includes countries with both middle and low income which held positions in the ranking in KOF-Index from 27 till 182. The positive interdependence between (based on the KOF-Index) and level of GDP is identified. The conclusion about the potential future of the globalization is given.

Keywords: globalization, international trade, foreign direct investments, international portfolio investments, regional integration, model of the globalization, catch up development, KOF-Index.

About author:

Grigorii F. FEYGIN, Dr. Sci. (Econ.), Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-5-13

РЕГУЛИРОВАНИЕ АНТРОПОГЕННОЙ НАГРУЗКИ НА СРЕДУ ОБИТАНИЯ

© 2021 г. В. Фальцман

ФАЛЬЦМАН Владимир Константинович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, РФ, 119571 Москва, пр-т Вернадского, 84 (m975032@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 14.10.2020.

Статья посвящена проблемам сокращения негативных последствий стихийного роста народонаселения на климат и ресурсы планеты. Для сдерживания роста населения предлагается усилить внешнюю помощь стран развивающегося мира. Доказана обратная пропорциональная зависимость показателя прироста населения от душевого ВВП. На статистических данных 180 стран построена траектория движения к нулевому росту населения. Условиями эффективности воздействия внешней помощи на сокращение роста населения в странах развивающегося мира становятся развитие образовательного, культурного и цивилизационного менталитета населения, а также планирование семьи. Сформулированы принципы построения дорожной карты достижения нулевого роста населения мира к концу столетия.

Ключевые слова: прирост населения, антропогенная нагрузка, отставание развивающихся стран.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-14-20

Антропогенная нагрузка на окружающую среду — это прямое или косвенное воздействие хозяйственной деятельности человека на компоненты природных систем и геосистему в целом. Демографическая угроза миру в долгосрочном плане таится в быстром росте народонаселения некоторых стран развивающегося мира и, как следствие, планеты в целом. Признаки этого проявляются в изменениях климата, несанкционированной массовой миграции населения из бедных стран в развитые, распространении пандемии, росте объемов твердых бытовых отходов, засоряющих сушу и океан, а также в других негативных явлениях.

Несмотря на неопределенность отдаленного будущего, мировое сообщество, учитывая высокую инерционность демографических процессов, должно в самое ближайшее время, не дожидаясь превышения допустимой антропогенной нагрузки на Землю, остановить нерегулируемый рост населения планеты. В интересах стран развитого мира крайне необходимо часть прироста мирового ВВП направить на ликвидацию колоссального экономического отставания слаборазвитых и развивающихся стран, тем самым остановить нежелательные тенденции в демографической сфере, проявляющиеся в катастрофическом росте их населения. Последствия глобальной перенаселенности планеты, ее влияние на климат и истощение ресурсов содержат угрозы всем странам мира. В этом еще раз убеждает трансграничное распространение пандемии, показавшей, что все человечество «плышет в одной лодке».

ДОПУСТИМЫЙ ПРЕДЕЛ АНТРОПОГЕННОЙ НАГРУЗКИ

На протяжении всего капиталистического периода истории мировая экономика и бизнес ориентировались на достижение высоких темпов экономического роста и максимальных прибылей. Критерию максимизации полностью отвечает быстрый рост населения, бизнеса, науки и техники. Но он не учитывает конечность и ограниченность запасов невозполнимых ресурсов планеты.

По мере умножения населения и истощения ресурсов на смену абсолютному приоритету экономического роста и прибыли приходят задачи обеспечения трансграничной безопасности в условиях угрозы несанкционированной миграции и захвата территорий, пандемий, терроризма и морского пиратства. Скудеют и исчезают запасы пресной воды и полезных ископаемых. Например, в предстоящие четверть века в России прогнозируют кардинальное сокращение добычи нефти. Серьезные проблемы с гидроресурсами испытывают государства Центральной Азии. Все это в большей или меньшей степени связано с ростом народонаселения, свидетельствует о приближении предела антропогенной нагрузки на планету. Между тем численность ее населения продолжает стремительно увеличиваться (подробнее см. [1, 2]).

Согласно наиболее взвешенным оценкам, допустимый предел численности населения планеты находится в интервале между 10 млрд и 12 млрд человек. По прогнозам ООН, эти показатели могут быть достигнуты уже к концу текущего столетия.

В прессе иногда даже фигурирует цифра 20 млрд человек. Что дальше?

Рост населения вызывает истощение ресурсов Земли. Пропорционально увеличению численности населения растут производство и расход энергии. Угольные электростанции влияют на климат, отравляют среду обитания человека, ухудшают здоровье людей. Ввод АЭС чреват возможностями техногенных катастроф. Поскольку ресурсы Земли не беспредельны, численность ее населения не может бесконтрольно расти и требует определенных ограничений.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА РОСТ НАСЕЛЕНИЯ

Объектом исследования стали 180 государств мира. В качестве показателя уровня их экономического развития принят размер ВВП (по ППС) на душу населения в долларах США. Индикатором роста населения выступил показатель естественно-прироста населения на 1000 жителей¹.

Для выявления устойчивых закономерностей массив исходных данных, ранжированный по показателю ВВП, разбит на 18 групп. В каждую группу включены 10 стран с близкими значениями ВВП, но различающиеся по показателю роста населения. Дальнейшие расчеты велись со средними значениями показателей по каждой группе. Это позволило усреднить колебания показателей по отдельным странам, отражающие их индивидуальные особенности.

С большой степенью условности группы стран были разбиты по критерию экономического развития на три категории (таблица): слаборазвитые страны (5 групп), развивающиеся страны (8 групп), развитые страны (5 групп).

Пять групп составили слаборазвитые страны, ВВП которых не превышает 5 тыс. долл. в год на душу населения. Для многих из них этот показатель не достигает и 700–1000 долл. Среднеарифметическое значение ВВП по этим странам составляет 2,8 тыс. долл. на одного жителя в год. Ядро составляют 47 государств, которые, по классификации ООН, относятся к наименее развитым странам (*The Least Developed Countries*). Это преимущественно бывшие колонии, во многих случаях – островные государства.

К числу развивающихся стран были отнесены страны с душевым ВВП от 5 тыс. до 28 тыс. долл. в год. К развивающимся странам все еще отнесен Китай. К этой же группе причислены Молдавия (7 тыс. долл./человека) и Белоруссия (20 тыс.), не-

которые постсоциалистические страны, включая Сербию, Болгарию, Румынию, Хорватию.

50 развитых стран имеют ВВП на душу населения от 29 тыс. до 130 тыс. долл. Возглавляют этот список экспортеры нефти: Катар (130 тыс. долл./человека), ОАЭ (69 тыс.), Саудовская Аравия (56 тыс.). Список развитых стран с минимальным душевым ВВП замыкают прибалтийские страны, Польша, Венгрия (таблица).

Таблица. Уровень развития экономики и прирост населения по 18 группам (180 стран)

	Слаборазвитые страны (50)	Развивающиеся страны (80)	Развитые страны (50)
Душевой ВВП, тыс. долл./человека	2.8	14.3	50.1
Диапазон изменения ВВП	0.7–4.9	5–28	29–130
Прирост населения, человек/1000 жителей	22.6	10.7	3.3

Рассчитано автором по: <https://gtmarket.ru/ratings/world-population-growth>; <https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp-temp>

Среднее значение душевого ВВП колеблется от 2,8 тыс. долл./человека для слаборазвитых стран до 14,3 тыс. в среднем для развивающихся стран и 50,1 тыс. долл./человека для развитых стран. По отдельным странам разрыв еще значительней. К примеру, душевой ВВП не достигает даже 1 тыс. долл. в год на одного жителя в таких беднейших странах, как Южный Судан, Мозамбик, Малави, Нигер, Эритрея, ДР Конго, ЦАР. В то же время в США он составляет 63 тыс. долл., в Германии – 52 тыс., Великобритании и Франции – 46 тыс. долл.

Возникает вопрос: не совершили ли некоторые развитые страны в свое время ошибку, когда допустили серьезное экономическое отставание своих бывших колоний и затем колоссальный приток мигрантов из этих стран? Известно, что чем скромнее уровень экономического развития страны, тем больше прирост ее населения. Этот демографический феномен особенно сильно проявился в слаборазвитых странах, где в среднем ежегодный прирост населения составляет 22,6 человека на 1000 жителей. Прирост населения в самых бедных странах в 2 раза выше, чем у более благополучных развивающихся стран, и примерно в 7 раз больше, чем в среднем у развитых стран.

22 государства из группы самых бедных входят в число стран с самым быстрым ростом населения. Однако наиболее высокий абсолютный прирост населения приходится не на слаборазвитые, а на страны с высокой численностью населения – Китай (1,4 млрд жителей), Индию (1,3 млрд), Индонезию, Пакистан, Бразилию, Нигерию, Бангладеш и Мексику.

¹ Данные МВФ за 2018 г.

Закономерным следствием отставания развивающихся стран стала бедность населения. Глобальный же итог отставания развивающегося мира проявился в росте народонаселения планеты в целом, быстро приближающегося к допустимым пределам антропогенной нагрузки.

Главный вывод для последующей разработки концепции регулирования роста населения позволяют сделать измерения связи между приростом численности населения (Y) и ВВП (X). Расчеты показали высокое абсолютное значение коэффициента парной корреляции между этими показателями: $R(XY) = -0.94$. Отрицательное значение показателя указывает на убывание прироста численности населения по мере роста ВВП. Следовательно, содействуя росту благосостояния страны, можно ожидать значительного сокращения прироста ее населения.

Сокращению разрыва между уровнем развития экономики отсталых и передовых стран могут способствовать опережающие темпы экономического роста первых из них по отношению ко вторым. Требуется ускорить этот процесс за счет дополнительной внешней помощи развивающемуся миру.

Попытаемся приблизительно оценить, насколько следовало бы поднять уровень экономического развития слаборазвитых стран, чтобы на 1% снизить прирост населения (см. таблицу). Для этой группы стран показатель прироста населения составляет 22.6 человека/1000 жителей, а для развивающихся — 10.7 человека. Если бы все слаборазвитые страны перешли в категорию развивающихся, прирост их населения мог бы теоретически сократиться на 11.9 человека/1000 жителей. Правда, такой результат мог бы быть достигнут, если показатель уровня экономического развития бедных стран вырос как минимум в 5 раз — с 2.8 до 14.3 тыс. долл. на одного жителя. Для этого душевой ВВП предстоит увеличить на 11.5 тыс. долл./жителя. Такой экономический прорыв способен обеспечить замедление роста населения чуть больше чем на 1%.

При условии выравнивания экономик стран развивающегося и развитого миров прирост населения развивающегося мира мог бы снизиться до 3.3 человека/1000 жителей. В этом случае проблема нормализации роста населения в мире была бы практически снята с повестки дня. Но это потребует гигантских вложений в экономику стран развивающегося мира, которые обеспечили бы рост их душевого ВВП в 3.5 раза.

Эффективность внешней помощи выходит далеко за рамки ее сугубо гуманитарной составляющей, в первую очередь борьбы с бедностью. Важнее то, что в глобальных масштабах такая помощь позволит сократить прирост населения в мире и, как

следствие, уменьшить антропогенную нагрузку на окружающую среду.

Глобальная составляющая внешней помощи слаборазвитым и развивающимся странам включает в себя охрану окружающей среды, борьбу с изменением климата за счет сокращения роли углеводородной, прежде всего угольной, энергетики, бережное использование полезных ископаемых, сохранение заповедных территорий, акваторий, подземных вод, лесов, биологического разнообразия мира. Сокращение прироста населения в отсталых странах позволит остановить поток несанкционированной миграции в развитые страны, будет способствовать снижению терроризма и морского пиратства, угроз повторных волн пандемии.

S-КРИВАЯ (ЛОГИСТА) РОСТА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Для изучения динамики численности населения можно использовать следующие уравнения:

$$P(t) = \frac{KP_0 e^{rt}}{K + P_0(e^{rt} - 1)}, \quad (1)$$

где $P(t)$ — численность населения;

t — время;

P_0 — начальная численность популяции;

r — скорость роста;

K — максимально возможная численность популяции.

$$K = \lim_{t \rightarrow \infty} P(t). \quad (2)$$

Из зависимостей (1) и (2) следует, что рост населения не беспределен. Его рубеж определяется исчерпанием ресурсов — территориальных, продовольственных, энергетических и всех других, необходимых для роста популяции. В отдельных странах и регионах он происходит по особой S-кривой в зависимости как от степени обеспеченности ресурсами, так и спроса населения на них.

Самые бедные страны, жители которых имеют минимальные потребности, не исчерпали возможностей увеличения рождаемости и роста населения. Они находятся на начальном этапе, или в нижней части своих S-кривых, и там с нарастающей скоростью увеличивается население.

Развивающиеся страны в целом в 1960-х годах миновали бум рождаемости и сейчас продолжают наращивать численность своего населения, хотя и с весьма высокой, но явно затухающей скоростью. Они миновали точку перегиба S-кривой, то есть их население растет все еще слишком быстро,

но медленнее, чем раньше. Эти страны располагаются в средней части своих *S*-кривых. Там, где возможна регулируемая депопуляция, например в Китае, в будущем можно даже ожидать сокращение численности населения.

Между тем многие развитые государства исчерпали возможности роста населения. Из них 27 стран, включая Россию, вступили в фазу депопуляции, когда естественный прирост населения оказался ниже нулевой отметки. Это верхняя часть *S*-кривых, характеризующая завершение этапа роста численности популяции. Если не принимать меры против депопуляции, коренное население этих стран будет неуклонно сокращаться.

Если представить кумулятивную *S*-кривую для всего населения планеты, то можно заключить, что в настоящее время популяция людей в целом находится на втором отрезке этой кривой, когда численность населения продолжает интенсивно увеличиваться с высокой, но затухающей скоростью. Кумулятивная *S*-кривая для всего мира аналогична кривой для развивающихся стран, на сегодня определяющих глобальную демографическую ситуацию, лишь несколько сдвинутой в область более высоких скоростей роста населения за счет наименее развитых стран.

Глобальная цель регулирования роста рождаемости и численности населения заключается в том, чтобы, разумно притормозив скорость роста рождаемости и численности населения в слаборазвитых и развивающихся странах, не проскочить точку *K* логистической кривой, определяющую максимально допустимую численность популяции, за пределами которой человечество ожидают многие нежелательные последствия [3].

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ

По мере роста уровня экономического развития наблюдается тренд снижения естественного прироста населения в 140 развивающихся и слаборазвитых странах (рисунок). Графически можно выделить 14 точек, каждая из которых характеризует среднее значение показателей по группе из 10 развивающихся и слаборазвитых стран. По мере роста среднедушевого ВВП, начиная с минимального для этих стран значения около 1 тыс. долл. и до максимального уровня примерно в 30 тыс. долл., естественный прирост населения сокращается с 27 человек на 1000 жителей практически почти до нуля. Отсюда следует вывод: чтобы сократить естественный прирост населения в отсталых странах, необходимо обеспечить рост их экономического благополучия, приближение их ВВП к уровню развитых стран.

В настоящее время темпы экономического роста развивающихся стран превышают аналогичный показатель стран развитого мира. Поэтому развивающийся мир автономно поднимается по символической “лестничке благополучия” (см. рисунок), дискретно и постепенно сокращая при этом скорость увеличения рождаемости и прирост населения.

В этом же направлении на рост рождаемости и численности населения влияет урбанизация. Но каждый из этих процессов протекает в автономном режиме, не учитывая приближение допустимого предела антропогенной нагрузки. Если мировое сообщество не желает рисковать в опасной близости от пределов антропогенной нагрузки (точки *K*), оно должно способствовать ускорению экономического развития слаборазвитых и разви-

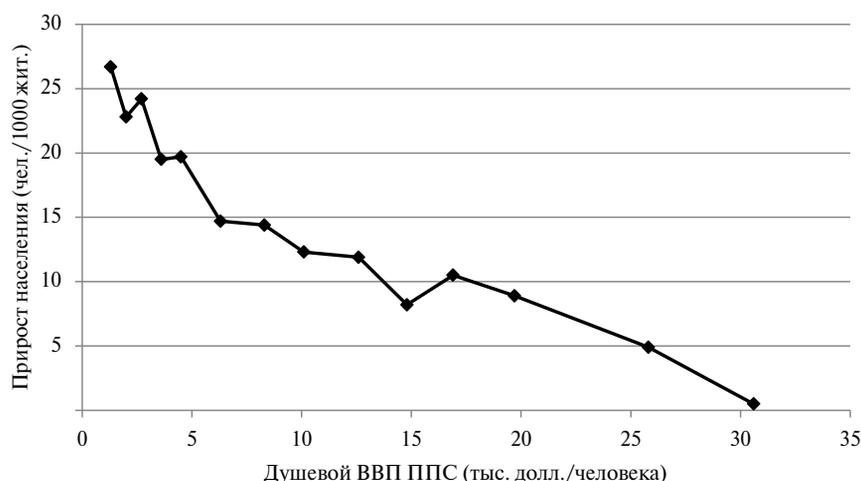

Рис. Снижение естественного прироста населения по мере роста благосостояния стран

Рассчитано автором по: <https://gtmarket.ru/ratings/world-population-growth>; <https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp-temp>

вающихся стран за счет дополнительной внешней помощи. Тогда сокращение рождаемости и прироста населения пойдет успешней.

При этом масштабы эффективной помощи ограничены как сверху, так и снизу. Снизу – порогом чувствительности рождаемости к росту душевого ВВП, специфичным для каждого государства. Если для превышения этого порога дополнительной помощи окажется недостаточно, то она окажется неэффективной: рост материального благополучия в стране не только не повлияет на сокращение рождаемости, а, напротив, будет дополнительно стимулировать ее рост.

Ограничения сверху на действенность экономической помощи стране накладывают возможности изменения менталитета ее населения. Дополнительные финансовые средства должны выделяться странам развивающегося мира на цели подготовки воспитания, культуры и образования населения, содействия добровольному распространению планирования семьи, способствующие ее благополучию. В противном случае помощь будет неэффективной.

С подобным явлением мировое сообщество уже столкнулось в некоторых слаборазвитых странах. Они оказались не готовы к эффективному использованию внешней помощи. В ряде случаев она вызвала в этих странах бум деторождения, направлялась на потребление, а где-то даже на военные расходы. Вместо ожидавшегося сокращения численности населения и преодоления его бедности результат был обратный.

Идея внешней помощи развивающемуся миру во многом ранее дискредитировала себя в глазах мирового сообщества. Известно, что теория контроля, регулирования и ограничения рождаемости и роста населения направлена на сокращение масштабов спроса, экономического роста и возможной прибыли. Фактически она противоречит базовым принципам рыночной экономики, а потому не может рассчитывать на широкую поддержку бизнеса.

Однако в связи с актуализацией вопросов безопасности отношение к проблемам развития общества способно измениться. Постепенная эволюция экономической теории, переход от традиционных представлений о приоритетах роста экономики и прибыли к проблемам безопасности, на наш взгляд, неизбежны. Проблема имеет долгосрочный характер и выходит далеко за пределы компетенций отдельных правительств, находящихся у власти. Руководители ведущих государств мира под давлением общественности вынуждены уделять ей все больше и больше внимания, тем более что оказание помощи развивающимся странам полностью отвечает целям безопасности всего мира.

Для развитых государств источником дополнительных средств внешней помощи отсталым странам, кроме перераспределения прироста ВВП, могут стать умеренность в потреблении продуктов питания, экономия на военных расходах. В каком-то смысле затраты на регулирование рождаемости и прироста населения для развитых стран на языке бухгалтерского учета можно классифицировать как “расходы будущих периодов”.

В отличие от текущих издержек производства расходы на экологическую безопасность всегда можно отложить “на потом”. Так часто и происходит с природоохранными мероприятиями, с затратами на развитие здравоохранения. Но откладывать вопросы обеспечения безопасности можно только до определенных пределов. По мере приближения к критической точке K на S -кривой лаг между настоящим моментом и наступлением критической ситуации сокращается. Накопившиеся последствия невыполненных в прошлом обязательств по обеспечению безопасности начинают уже проявляться в безальтернативной форме.

Поскольку теория ограничения рождаемости и роста населения направлена на рост уровня жизни, она скорее всего получит поддержку со стороны населения и правительств стран развивающегося мира, тем более что это связано с возможностью получения дополнительных финансовых ресурсов извне. Конечно, эти сугубо добровольные меры могут противоречить менталитету и традициям значительной части коренного населения. Поэтому в целях распространения теории нулевого роста населения предстоит настойчивая разъяснительная работа по вопросам преимуществ планирования численности семьи.

Реализация внешнего контроля и регулирования естественного прироста населения со стороны мировой общественности станет дополнительной функцией ООН и других международных организаций, сходной с функциями символического мирового правительства.

НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

На протяжении длительного исторического периода основой развития общества оставались производственные отношения между людьми в процессе общественного производства, распределения, обмена и потребления. По мере приближения к допустимому пределу антропогенной нагрузки усиливается роль отношений человеческого сообщества с окружающей средой, с природой.

Находясь в отдалении от допустимых пределов антропогенной нагрузки, человечество определило свои отношения с природой одной фразой:

“Надо подчинить себе силы природы”. В этом направлении удалось сделать немало. Вопрос казался решенным, пока мы не приблизились к точке *K S*-кривой развития человеческой популяции. В опасной близости от пределов допустимой антропогенной нагрузки на планету возник вопрос: способен ли человек подчинить себе природу либо он должен просто изучать ее законы и неуклонно следовать их требованиям, в том числе в вопросах ограничения роста своей популяции?

В долгосрочной перспективе эволюционно могут меняться критерии успешности экономического роста государств, развития мировой экономики и международного сообщества. Приоритет эволюции экономического строя будет сдвигаться от темпов роста экономики и максимизации прибылей в сторону обеспечения безопасности среды обитания человека, его защиты от изменений климата, пандемии, техногенных катастроф, несанкционированных потоков мигрантов, войн за территории и ресурсы. Истощенные ресурсы Земли, засухи, наводнения и другие климатические катаклизмы все чаще будут источниками экономических кризисов. Чем выше антропогенная нагрузка на окружающую среду со стороны растущего населения, тем чаще могут возникать подобные нежелательные явления.

Будущие угрозы человечеству можно частично предотвратить за счет регулирования роста рождаемости и численности народонаселения, смещения средств и усилий на охрану среды обитания. При этом нужно быть готовыми к определенным экономическим жертвам, к умеренности амбиций.

Рассматриваемая проблема демографического регулирования не нова. Еще в 1960-е годы Дж. Боуг, Д. Медоуз, Я. Тинберген разработали концепцию нулевого роста населения мира, которая предполагала стабилизацию численности населения Земли к 2000 г. По мере приближения допустимого предела антропогенной нагрузки на планету возникает необходимость разработать новую концепцию нулевого роста населения к концу текущего столетия. Реализация такой концепции будет зависеть от согласованности действий международных организаций, правительств стран развивающегося и развитого мира. Для координации их усилий потребуются разработать дорожную карту, следуя которой мировое сообщество может прийти к стабильно устойчивой и относительно безопасной ситуации в области численности населения Земли. Остановимся на некоторых ее возможных положениях.

1. В условиях опасной близости численности населения планеты к допустимому пределу антропогенной нагрузки мировое сообщество вынуждено взять демографические процессы на контроль и регулирование.

2. Под эгидой ООН необходимо разработать и заключить межгосударственное соглашение по росту населения. Оно должно основываться на исследованиях национальных пределов роста населения, которые определяют экономический и природоохранный потенциалы государств, а также позволят наметить первоочередные глобальные меры по сохранению климата и невозобновляемых ресурсов планеты. Как справедливо считает Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш, “...единственный способ решить глобальные проблемы – это использование гораздо более надежных механизмов глобального управления на основе международного сотрудничества” [4].

3. Демографическая политика каждой страны может иметь особые ориентиры, если они соответствуют глобальным ограничениям снижения антропогенной нагрузки. Для многих государств нулевой рост народонаселения обеспечивает стандарт семьи с 2–3 детьми².

4. Дополнительные средства финансирования целесообразно сконцентрировать в Фонде ООН по народонаселению (*UNFPA*) и направить на цели поддержки планирования семьи. Источниками средств Фонда могут быть добровольные отчисления стран от прироста ВВП, от экономии средств на оборону, на государственное управление и т. д. Средства Фонда, на наш взгляд, могут поступать пользователям в форме долгосрочных беспроцентных кредитов, которые после выполнения условий соглашения трансформируются в безвозвратные займы.

5. Для перехода к демографической политике нулевого роста населения одной экономической поддержки стран развивающегося мира недостаточно. Потребуется довольно продолжительный период для освоения населением развивающихся стран новой парадигмы качества жизни. Успешной реализации новой демографической политики может способствовать критическое изучение и использование опыта Китая.

6. В соответствии с принятыми обязательствами по Международному соглашению каждое государство самостоятельно строит свои отношения с семьями-участницами с учетом особенностей менталитета народов, традиций и религий.

7. Демографическая политика отдельных государств и всего мирового сообщества должна базироваться на концепции долгосрочного упреждения, так как длина демографической волны составляет 20–25 лет и далеко выходит за рамки ответственности ныне действующих правительств.

² Когда требовалось сократить численность населения в перенаселенном Китае, был выбран жесткий принцип демографической политики, известный как: “одна семья – один ребенок”.

Начавшаяся в 2020 г. пандемия *COVID-19* может внести коррективы в долгосрочные прогнозы.

В заключение уместно вспомнить слова одного из классиков немецкой школы политической экономии В. Зомбарта: “С уменьшением избытка рождаемости капитализму не хватает дыхания, ибо

только бешеный прирост населения в последние 100 лет дал ему возможность вырасти до такого величия и могущества” [5, с. 246]. Значит ли это, что, регулируя рождаемость и воплощая в жизнь теорию нулевого роста населения, мы задушим капитализм? Да, скорее всего регулирование антропогенной нагрузки на среду обитания в конечном итоге должно привести к смене парадигмы экономического развития человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Фальцман В.К. *Проблемы экономики России до 2050 года*. Москва, МАКС Пресс, 2020. 256 с. [Fal'tsman V.K. *Problemy ekonomiki Rossii do 2050 goda* [Issues in Russian economy up to 2050]. Moscow, MAKS Press, 2020. 256 p.]
2. Фальцман В. Международная помощь беднейшим странам. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 8, сс. 56-62. [Fal'tsman V. *Mezhdunarodnaya pomoshch' bedneishim stranam* [International aid to the least developed countries]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 8, pp. 56-62.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-56-62>
3. Мюрдаль Г. Проблема равноправия и ее роль в мировом развитии. *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Лекции нобелевских лауреатов*: в 5 т. Москва, Мысль, 2004, т. 5, сс. 189-213. [Myurdal' G. *Problema ravnopraviya i ee rol' v mirovom razvitii* [The problem of equality and its role in world development]. *Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. Lektsii nobelevskikh laureatov v 5 tt.* [World economic thought. Through the prism of centuries. Lectures of Nobel laureates in 5 volumes]. Moscow, Mysl', 2004, vol. 5, pp. 189-213.]
4. Гутерриш А. *Сигнал тревоги для всего мира*. [Antoniu Guterrish. *Signal trevogi dlya vsego mira* [The global emergency for the world]] Available at: https://www.ng.ru/kartblansh/2020-07-05/3_7902_kartblansh.html (accessed 08.09.20).
5. Зомбарт В. Источники капиталистического духа. *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Лекции нобелевских лауреатов*: в 5 т. Москва, Мысль, 2005, т. 3, сс. 199-270. [Zombart V. *Istochniki kapitalisticheskogo duha* [Sources of the capitalist spirit]. *Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. Lektsii nobelevskikh laureatov v 5 tt.* [World economic thought. Through the prism of centuries. Lectures of Nobel laureates in 5 volumes]. Moscow, Mysl', 2005, vol. 3, pp. 199-270.]

REGULATION OF ANTHROPOGENIC LOAD OF THE HABITAT

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 14-20)

Received 14.10.2020.

Vladimir K. FAL'TSMAN (m975032@gmail.com),

Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 84, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation.

The statistical data of 180 countries show a serious lag of GDP per capita in the developing world as a result of high birth rate and population growth of these countries per 1000 habitants. As a result, in accordance with the UN forecasts, the global population may reach 11 billion by 2100 and achieve the permissible level of anthropogenic load. Using the S-curve the article analyzes the pace of approximation of the global population growth limit. Global changes such as climate change and the spread of the pandemic as well as the local events, e.g. unauthorized migration to Europe and the US, depletion of drinking water and mineral resources, continuous military conflicts in Africa, the revival of sea piracy prove that the permissible level of anthropogenic load will soon be achieved. The article proposes a new concept of stabilizing the global population by 2100. It is based on international birth and population growth control through increased external assistance to countries of the developing world. The “ladder” shows the correlation between the increase in population and GDP, using which developing countries can reach zero population growth. The article suggests principles for designing a roadmap to reach zero population growth by the end of the century. Implementing the zero population growth concept will require the transformation of the market economy from its focus on GDP growth and income to the economy of environmental safety.

Keywords: zero population growth, anthropogenic load, reducing the backlog of the developing world.

About author:

Vladimir K. FAL'TSMAN, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Principal Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-14-20

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В СОТРУДНИЧЕСТВЕ ЮГ–ЮГ НА ФОНЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2021 г. Л. Хейфец, К. Коновалова

*ХЕЙФЕЦ Лазарь Соломонович, доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
(ilaranspb@hotmail.com).*

*КОНОВАЛОВА Ксения Александровна, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
(k.konvalova@spbu.ru).*

Статья поступила в редакцию 05.11.2020.

Статья посвящена вовлечению латиноамериканских игроков в сотрудничество по линии Юг–Юг сквозь призму противоречий текущего этапа глобализации. Авторы рассматривают три фактора, моделирующие это вовлечение сегодня, – новый политико-экономический контекст в Латинской Америке, подъем Китая и его конфронтацию с США, глобальный коронавирусный кризис. Показано, что хотя особая идентичность стран Латинской Америки и Карибского бассейна как принадлежащих к сообществу мирового Юга переживает упадок, сам вектор глобального Юга остается важным каналом диверсификации внешней политики и реализации национальных интересов государств региона.

Ключевые слова: Латинская Америка, сотрудничество Юг–Юг, глобализация, интеграция, кризис.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-21-29

ВВЕДЕНИЕ

Участие стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) в системе сотрудничества мирового Юга – параметр не только глобальной акторности самого этого региона, но и динамики мультилатерализма в целом. Ресурсно-экономический, человеческий, идейно-интеллектуальный потенциал ЛАКБ играет значимую роль в процессах самоорганизации глобальной периферии, а значит, и в придании мировой политике и мировой экономике большей сбалансированности.

Исследователи склонны рассматривать вовлечение государств Латинской Америки в кооперацию Юг–Юг с нескольких основных ракурсов. Исторический ракурс предполагает учет роли латиноамериканцев в деятельности Движения неприсоединения, становлении концепта и реальности “третьего мира”, нового экономического порядка [например: 1, 2, 3]. Анализ в рамках политэкономического ракурса характеризует участие латиноамериканских стран в международном сотрудничестве с целью корректировки хронических структурных перекосов в национальных экономиках и ускорения собственного развития [4, 5]. Институциональный подход дает возможность оценить способность наций ЛАКБ сформулировать свои интересы как части развивающегося мира через различные внутри- и межрегиональные межгосударственные объединения [6, 7]. Наконец, национальный ракурс концентрируется на анализе различных стратегий в области кооперации Юг–

Юг и содействия международному развитию отдельно взятых латиноамериканских стран [8, 9, 10].

В то же время общий вопрос о взаимосвязи участия латиноамериканских государств в кооперации Юг–Юг и динамики глобализации и латиноамериканского регионализма в научной литературе затронут в меньшей степени. Можно отметить ряд комплексных работ [11; 12; 13, сс. 326–478], которые все же не дают целостного представления об актуальных тенденциях в вовлечении стран ЛАКБ в кооперацию Юг–Юг на фоне торможения постлиберальной интеграции в регионе и противоречий глобализации, включающих как традиционные (подъем национализма) вызовы, так и абсолютно беспрецедентные – пандемию *COVID-19*.

Новизна данного исследования, как представляется, состоит в постановке проблемы: авторы рассматривают три ключевых разнопорядковых фактора-вызова, которые сегодня моделируют участие стран ЛАКБ в сотрудничестве Юг–Юг, – новый политико-экономический контекст в самой Латинской Америке, подъем Китая и его конфронтация с США, глобальный коронавирусный кризис. Методологической базой исследования служат общенаучные и исторические методы, анализ статистических данных, контент-анализ.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В ПЕРИОД РОСТА СОТРУДНИЧЕСТВА ЮГ–ЮГ

Нулевые – начало десятых годов XXI в. стали временем динамичного развития и подъема

ЛАКБ в целом и расцвета участия латиноамериканских стран в инициативах Юг–Юг. Между 2007 и 2013 гг. поступательно нарастало количество латиноамериканских проектов, связанных с содействием международному развитию в системе Юг–Юг; в 2013 г. оно достигло ежегодного максимума в 1179 инициатив [14, р. 39]. Расширился круг государств – доноров международной помощи, куда уверенно входили и малые игроки, например Коста-Рика. Сразу во многих государствах – Перу, Эквадоре, Колумбии, Мексике, Уругвае, Венесуэле, на Кубе – возникли профильные ведомства исполнительной власти, ориентированные на разработку и реализацию сотрудничества по линии развивающегося мира. На международном уровне главным достижением стало ускорение интеграции, приведшее к формированию целого ряда объединений с альтерглобалистскими идеями в основе [11, pp. 3-6; 15, сс. 85-86] – Сообщество латиноамериканских и карибских государств (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC*), Боливарианский альянс для народов Нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los pueblos de Nuestra America, ALBA*), Союз южноамериканских наций (*Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR*), а также к развитию социального и политического “крыла” Общего рынка Юга (*Mercado Común del Sur, MERCOSUR*). Наконец, период экономического роста Латинской Америки совпал с возникновением в регионе новых концепций международных отношений (особенно внутри бразильского автономизма), которые говорили о необходимости интенсификации контактов между государствами глобального Юга, поднимающимися державами, ради взаимовыгодного укрепления их суверенитета и международно-го престижа [16, pp. 10-12].

У внутри- и межрегионального сотрудничества в формате Юг–Юг обозначились следующие функции. Во-первых, оно помогало решать широкий круг частных задач – от привлечения иностранных инвестиций до противодействия нелегальной трансграничной миграции. Во-вторых, это сотрудничество приносило универсальные имиджевые выигрыши. Например, если Уругвай в южноамериканской интеграции видел себя в роли “регионального логистического центра и арбитра... без мускулов для решения глобальных проблем” [9, с. 127], делая ставку на мягкосиловое преимущество, то партнерство Индии, Бразилии, ЮАР (*IBSA*), продвигающее расширение состава постоянных членов Совета безопасности ООН и содержащее в себе военный компонент (военно-морские учения *IBSAMAR* с 2008 г.), упрочивало статус Бразилии как поднимающейся сильной державы в традиционном смысле этого слова. Наконец, сотрудничество Юг–Юг способствовало диверсификации внешних связей латиноамериканских стран

и в целом активизации их внешней политики. Субъектами такой активизации становились – за счет многосторонних и “треугольных”¹ форматов сотрудничества по проблемам глобального Юга – не только развивающиеся нации, но и представители “мирового ядра”. Так, в нулевые – начале десятых годов целый ряд латиноамериканских стран – доноров международного развития подключился к деятельности Центра развития Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

В целом сотрудничество по линии Юг–Юг являлось двигателем гармонизации присутствия латиноамериканских игроков в системе международных отношений. Превращение вектора Юг–Юг в особый приоритет их политики вполне согласовывалось с идеей активных глобализационных процессов как таковых, хотя и отражало стремление сделать их более гибкими и инклюзивными как в плане идей, так и в плане распределения мощи и влияния в мире. В то же время уже к середине 2010-х в самой глобализации накопились противоречия, связанные с упадком свободной торговли, международной интеграции и ценностей наднациональности. Они не могли не оказать влияния на латиноамериканский контекст, ставя вопрос о новых повестках внешней политики стран региона вообще и о содержании вектора Юга в частности.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

Активность на международной арене в целом и готовность много вкладывать в сотрудничество с другими развивающимися нациями обеспечивались в Латинской Америке лидерством левых и левоцентристских сил и бурным экономическим ростом на фоне благоприятной конъюнктуры мирового рынка. Однако уже в 2014–2015 гг. регион вступил в полосу политико-экономических потрясений из-за конца сырьевого бума и ввиду отсутствия у социал-демократических и радикально левых сил инструментов для нивелирования негативных эффектов этого, а затем по не успешным восстановиться странам ударил коронакризис. Как следствие, общая ресурсообеспеченность внешних политик стран региона сократилась, произошел пересмотр их приоритетов новыми лидерами, критически настроенными к “левым” ценностям

¹ Такой тип кооперации предполагает, что латиноамериканские игроки вместе с ведущими державами и международными институтами сами оказывают содействие более слабым и технологически отсталым представителям развивающегося мира. Пример: участие Кубы и Бразилии при поддержке ВОЗ в разработке вакцины от менингита для беднейших африканских государств.

и наследию. В этом контексте участие латиноамериканских игроков в инициативах Юг–Юг претерпевает существенные изменения.

С одной стороны, в целом ряде стран в последнее время оптимизируются ресурсы, связанные с содействием международному развитию и вектором глобального Юга, но это скорее обусловлено не столько политикой правых правительств, сколько изменениями организационного свойства и финансовыми трудностями. Так, если в мае 2020 г. президент Эквадора правоцентрист Ленин Морено объявил о закрытии нескольких посольств своего государства в Латинской Америке [17], то отдельный Технический секретариат по международному сотрудничеству в Эквадоре был упразднен по финансовым причинам в 2016 г., когда у власти еще находился “социалист XXI века” Рафаэль Корреа. В Бразилии на политику сотрудничества в целях международного развития выделялось меньше средств уже при президенте Дилме Руссефф [11, р. 29] – в период ее второй администрации в бразильской экономике начались проблемы. В 2016 г. Бразилия инициировала меньше проектов для глобального Юга, чем Аргентина, Мексика или Чили [14, р. 47], тогда как еще в 2013 г. она оставалась абсолютным лидером региона по этому показателю [18, р. 42]. Другой пример дает боливарианская Венесуэла. На уровне политических решений и концепций вектор развивающегося мира для нее неизменно важен: определяющий генеральную линию внутренней и внешней политики правительства Николаса Мадуро “План Родина” на 2019–2025 гг. [19] содержит даже более частые и детализированные отсылки к категории сотрудничества Юг–Юг, чем предыдущая версия (2013–2019 гг.) [20]. Но на практике экономическая разруха не позволяет этой стране оставаться одним из ведущих латиноамериканских доноров международной помощи развитию, каким она была в благополучные времена президента Уго Чавеса [8].

Тенденция сокращения ресурсов для кооперации Юг–Юг прослеживается и на уровне многосторонних проектов. Здесь фактор идеологического сдвига проявляет себя ярче, потому что для усилившихся правых в целом ближе принцип открытого, а не постлиберального регионализма, с его критикой неолиберализма, приоритетным вниманием к вопросам развития и горизонтальному сотрудничеству развивающихся игроков [15, с. 85]. В то время как *CELAC* остается малоактивной диалоговой платформой, *UNASUR* и *ALBA* де-факто распались, инструменты глубокой интеграции в *MERCOSUR*, такие как Фонд структурной конвергенции (*Focem*), нацеленный на модернизацию инфраструктуры стран-участниц и выравнивание асимметрий их развития, дают один из немногих примеров выживания идей “левого” ре-

гионализма. Но с 2015 г. бюджеты *Focem* планомерно снижаются, а после 2013 г. участники перестали делать в них регулярные взносы [21]. Это действительно происходит при смене идеологического вектора руководства стран блока: в 2013 г. в Парагвае возобновляется политическая монополия консервативной партии “Колорадо”, в 2015 г. Аргентина избрала неолиберала Маурисио Макри, в Бразилии же 2016 г. ознаменовал переход власти сначала к системным, а затем радикальным правым.

С другой стороны, идеологические дрейфы не помешали новым правым развивать перспективные для них контакты с представителями глобального Юга и сохранять в своем официальном дискурсе знаковые для этого вектора сюжеты, такие как борьба с бедностью и неравенством, многомерная безопасность, устойчивое развитие. Так, риторика правительства М. Макри (сблизившегося с ОЭСР и Международным валютным фондом) о “возвращении” страны в глобальный мир после ее “изоляции” при администрациях Нестора Киршнера и Кристины Фернандес де Киршнер (2003–2015) строилась вокруг категорий мультилатерализма, устойчивого развития, инклюзивного экономического роста. Характерным примером может послужить речь М. Макри на открытии саммита *G20* в Буэнос-Айресе в 2018 г. [22]. В Бразилии внешняя политика Жаира Болсонару базируется на идее отрицания принадлежности страны к глобальному Югу [23], но на практике Ж. Болсонару вынужден проводить многовекторный курс, где развивающиеся страны занимают заметное место. Так, диалог с Индией при Ж. Болсонару сохранил свой стратегический статус, при этом новой идейной основой для бразильско-индийской кооперации стала общая приверженность лидеров этих государств консервативным ценностям [24]. Яркий пример адаптивности дает и Колумбия. Во время предвыборной кампании ее нынешний руководитель Иван Дукэ зарекомендовал себя как противник открытости и наднациональности. Но впоследствии, принимая венесуэльских мигрантов, координируя сбор международной помощи для Венесуэлы, Колумбия взяла на себя роль своеобразного латиноамериканского хаба по облегчению венесуэльского гуманитарного бедствия. Одновременно Колумбия остается союзником США, а в поле интеграции делает ставку на Тихоокеанский альянс, соединяющий ценности либерал-глобализма и стратегические связи одновременно и с США, Канадой, ЕС, и с быстрорастущими игроками Азии, включая Китай, Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Таким образом, страны региона по-прежнему могут реализовать свои материальные и репутационные интересы за счет вектора глобального Юга. В изменившейся обстановке особое значение

приобретает возможность совмещения этого направления с направлением глобального Севера во внешнеполитических курсах.

ФАКТОР КИТАЯ

С конца нулевых измерение глобального Юга в принципе является важным драйвером экономического роста и расширения международно-политических альтернатив для Латинской Америки. Причина тому — заинтересованность растущих игроков Азии, прежде всего Китая, в ЛАКБ как новых рынках сбыта, источниках сырья [5, сс. 303-304], союзниках для реформирования структур глобального управления в сторону большего учета их интересов. В период нарастания националистического эгоизма и торможения интеграции Китай показывает себя приверженцем деидеологизированной мировой политики и экономики, свободных торговых обменов, сохранения различных международных режимов, что делает его привлекательным для латиноамериканских стран контрагентом.

Будучи сильнейшей поднимающейся державой глобального Юга, Китай олицетворяет перспективность этого вектора международных отношений. Для стран ЛАКБ сотрудничество с Китаем является каналом их продвижения в эшелоны влияния на динамику современной международной системы, подтверждением чему служит значимость стратегического партнерства с Пекином для многосторонних группировок в духе как постлиберального, так и открытого регионализма. Например, получив временное председательство в *CELAC* в 2020 г., администрация Андреса Мануэля Лопеса Обрадора продвинула план по реактивации блока (“Рабочий план — 2020”). В ракурсе развития международных и внерегиональных связей в нем подчеркивается важность форума *CELAC*–Китай, а другие форматы, в том числе *CELAC*–ЕС, *CELAC*–Россия, даже не упоминаются [25].

В то же время мегапроект Китая “Пояс и Путь”, поддержка Китая в противодействии торговому протекционизму привлекательны для ориентированных на классические либеральные ценности стран Тихоокеанского альянса [12, pp. 233-238, 246]. Что касается БРИКС, то его институционализация — с запуском Нового банка развития и Пула условных валютных резервов — вообще произошла уже на фоне текущих кризисных тенденций и в мировой экономике, и в самом Латиноамериканском регионе. И хотя БРИКС непосредственно связан только с бразильско-китайским сотрудничеством, в последнее время опять оказался на слуху вопрос расширения группировки за счет других латиноамериканских стран, в частности Аргентины [26].

Однако, несмотря на то, что китайская сторона делает постоянный акцент на сопричастности

Китая и наций ЛАКБ их общей принадлежности к парадигме развивающегося мира [27, pp. 1-11], в действительности китайско-латиноамериканское сотрудничество не соответствует таким фундаментальным условиям сотрудничества Юг–Юг, как равенство сторон и горизонтальность диалога [7, p. 324].

Хотя технологизация и повышение самодостаточности их экономических систем служит для стран ЛАКБ залогом подъема и на глобальном Юге, и в мире в целом, взаимодействуя с Китаем, они получают гораздо меньшие ресурсы для упрочения и усложнения своих экономик, чем их партнер. Во-первых, интенсивные связи с Китаем в торговле и инвестициях в принципе поддерживают экстрактивистскую и экспортно-сырьевую модель в странах ЛАКБ [28]. Во-вторых, сотрудничая с латиноамериканскими странами, Китай особенно не стремится повысить их статус в системе глобального Юга. Судить об этом позволяют, например, его незаинтересованность в триангулированных формах сотрудничества Юг–Юг с участием латиноамериканских государств и нежелание как ныне самой передовой “бывшей развивающейся” страны, делиться технологиями: в 2000–2018 гг. Китай произвел в регионе ЛАКБ 402 инвестиционные сделки и лишь 4 из них были связаны с технологическим трансфером [29].

Второй проблемный момент — разворачивающееся противостояние Китая и США. После прихода в Белый дом Дональда Трампа США стали воспринимать присутствие Китая в Латинской Америке как подрыв своих международных позиций, а отдельные его атрибуты — экспорт в ЛАКБ технологий *5G* или поддержку боливарианцев в Венесуэле — как угрозу собственной национальной безопасности. Вашингтон требует от латиноамериканских правительств прислушиваться к такой позиции [30, 31, 32], ставя в зависимость от этого интенсивность своего диалога с регионом. Подход США автоматически выводит Китай из роли равного партнера ЛАКБ в статус преобладающего игрока, отношения с которым должны строиться в логике ведущейся им борьбы за лидерство в мировой экономике и потенциально за глобальную гегемонию. Как показывает пример Бразилии, вовлечение латиноамериканцев в это противоборство и игра на американско-китайских противоречиях могут дать определенные бонусы, но при этом ограничивают свободу рук применяющей ее страны. Так, “в обмен” на критику “коммунистических” ценностей Китая и его экспансии в регионе Болсонару получил в свое время от США смягчение их тарифной политики и поддержку Вашингтоном членства Бразилии в ОЭСР. Но сейчас, в преддверии намеченного на начало 2021 г. в Бразилии тендера на поставки *5G*-технологий, китайская сторо-

на угрожает торговыми санкциями, если Бразилия “превратится во врага” и ветирует участие китайских компаний в торгах, как того хочет Вашингтон. США же заявляют, что если *Huawei* получит доступ к бразильскому рынку *5G*, для американо-бразильских отношений “возникнут последствия” [33]. В целом любой выбор стороны в конфликте между США и Китаем для латиноамериканских игроков кажется деструктивным, так как с ним несовместим принцип полицентричности международных отношений, необходимый для возвышения стран ЛАКБ.

КОРОНАКРИЗИС И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Пока последствия пандемии *COVID-19* для международных отношений до конца не ясны, но определенно можно сказать, что для слабых систем здравоохранения и неустойчивых экономик развивающихся наций и, в частности, латиноамериканских государств проблема солидарного многостороннего ответа на этот вызов весьма актуальна.

В настоящее время региональные интеграционные группировки и значимые для латиноамериканцев площадки глобального управления действительно стали уделять особое внимание проблемам борьбы с пандемией и ее последствиями для обществ и государств. В качестве иллюстрации можно назвать конкурсы антипандемических научных и бизнес-стартапов от Тихоокеанского альянса [34], онлайн-конференции для обмена лучшими практиками в области мер по борьбе с *COVID-19* в системе Иberoамериканских саммитов [35], экстренное выделение Новым банком развития БРИКС кредитного пакета в 10 млрд долл. для улучшения социальной инфраструктуры и поддержки восстановления после локдаунов экономик в странах-участницах [36].

Однако в целом эти меры реализуются за счет уже сформированных на предыдущих этапах связей и приоритетов в международной политике стран региона, без создания специальных новых инструментов сотрудничества. Так, Форум для прогресса Южной Америки (*Foro para el Progreso de América del Sur, PROSUR*), который создавался как замена “идеологизированному” *UNASUR* с его идеей превращения Южной Америки в единого актора мировой политики, мог бы стать центром сплочения южноамериканского региона в антипандемическом ответе, если бы в условиях кризиса углубил интеграцию по примеру *UNASUR* (где функционировал специальный Совет по вопросам здравоохранения [37, р. 3]). Но, несмотря на совместные заявления участников об общих задачах

в текущий трудный период, *PROSUR* не идет на формирование особого международного режима здравоохранения в Южной Америке. В “Президентской декларации о совместных действиях по борьбе с пандемией *COVID-19*” *PROSUR* от 26 мая 2020 г. упоминается инициатива Чили по созданию в рамках Всемирной организации здравоохранения некой “специальной программы по предвидению и многомерному ответу на пандемические заболевания” [38]. Но это предложение скорее отражает традиционное для Чили стремление позиционировать себя как государство с глобальной внешней политикой [39], чем обещает создать новый инструмент для кооперации стран Юга.

Еще одним тормозом для выработки солидарного ответа на пандемический кризис в рамках многосторонних структур выступает переплетение аргументов о коронавирусной угрозе с идеологическими и политическими расхождениями между странами. Яркой иллюстрацией являются противоречия в *MERCOSUR* между Аргентиной, руководимой представителем вернувшихся в 2018 г. к власти неоперонистов Альберто Фернандесом, и Бразилией во главе с Жаиром Болсонару. Сущность этих противоречий состоит в том, что две наиболее крупные, экономически сильные и технологически оснащенные страны – участницы блока и в целом Южной Америки обвиняют друг друга в неправильных шагах по противодействию пандемии на национальном уровне и не могут выработать необходимый общий подход к кризису [40]. При этом Аргентина делает ставку на внешнего идеологически более комфортного для нее партнера – Мексику, с которой она договорилась о совместном производстве и распространении в Латинской Америке британской вакцины от коронавируса *AstraZeneca*, а бразильское руководство, занижая значимость угрозы *COVID-19*, показывает себя абсолютно неспособным координировать общеюжноамериканские усилия по управлению коронавирусным кризисом [41]. В этом смысле пандемия с новой остротой ставит проблему вакуума силы и лидерства в Южной Америке, возникшего с приходом к власти в Бразилии правых. Пассивность Бразилии с учетом того огромного значения, которое эта страна по определению имеет для всех процессов и перспектив Латинской Америки, ограничивает потенциал ЛАКБ стать в системе глобального Юга отдельным полюсом ответа на вызов пандемии.

В то же время повышенное вследствие ковидного кризиса внимание мирового сообщества к повестке обеспечения социальных прав человека благоприятствует государствам, которые в своей национальной стратегии традиционно ориентированы на эти сюжеты, например Кубе [42]. Организовав довольно эффективный ответ на санитарную

угрозу на национальном уровне, Гавана развернула курс на широкую международную помощь в области здравоохранения. Пунктом назначения для кубинских докторов и медикаментов стали теперь не только нации бывшего третьего мира, но и – впервые в истории медицинской дипломатии Гаваны – развитое европейское государство Италия [43]. Эти инициативы получили глобальный общественный резонанс и могут в сложившейся обстановке оказаться для Кубы ресурсом наращивания международного присутствия и укрепления позиций в диалоге не только с глобальным Югом, но и Севером. В частности, кубинские меры по противодействию пандемии могут сыграть весомую роль в том, чтобы подвинуть структуры Евросоюза к принятию решения об уже полноценном включении Кубы в соглашение между ЕС и Организацией Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (*OACPS*, ранее *AKT*) после обновления договора Котону (подробнее об этом см. [3, с. 98]) в декабре 2020 г., тем более что сторонники такого шага в Брюсселе давно говорят об опыте и заслугах Кубы в международном сотрудничестве и поддержке беднейших стран в сфере здравоохранения [44].

Хотя в дискурсивном поле коронавирусный кризис и поставил проблему отказа лидеров от всяких форм национализма и изоляционизма в пользу кооперации и взаимопомощи, латиноамериканская действительность скорее демонстрирует другой, негативный, аспект его влияния. Так, коронакризис заостряет противоречия, накопившиеся в межгосударственном общении ранее, демонстрирует неспособность многосторонних институтов эффективно противодействовать глобальным вызовам (если речь не идет о политических декларациях и простом изыскании дополнительного финансирования), а также углубляет тенденцию перераспределения лидерских ролей в системе международного сотрудничества. Особенно характерен контраст между эгоистической в вопросах международной кооперации для борьбы с пандемией позицией США (с которыми при Д. Трампе у латиноамериканских игроков в целом сформировались сложные отношения) и огромными потоками помощи и вложениями в разработки лекарств и вакцин из Китая, который превратился в последние годы в универсального партнера Латинской Америки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к вопросу о роли Латинской Америки в сотрудничестве Юг–Юг на фоне текущей динамики глобализации, было бы правильно раз-

делить кооперацию Юг–Юг на “узкий” и “широкий” контексты.

В узком смысле речь идет о целостном, обладающем своей особой философией комплексе международных инициатив и контактов, которые связаны с представлением латиноамериканских игроков о себе как части развивающегося мира. В широком смысле можно говорить просто о векторе международной кооперации по широкому кругу вопросов с другими государствами своего региона, Азии, Африки как элементе диверсификации внешней политики латиноамериканских стран, без специфической их идентичности.

Нулевые – начало десятых годов стали периодом интенсивных отношений Юг–Юг именно в “узком” значении. Сейчас, на фоне новой обстановки в ЛАКБ и мире, этот контекст утратил прежнюю актуальность для латиноамериканских государств. Об этом можно судить по уходу в тень лидеров и партий – проводников идеи об особом пути Латинской Америки в единстве с другими развивающимися странами, торможению постлиберальной интеграции, отсутствию новых специальных каналов для участия региона в кооперации Юг–Юг даже на фоне беспрецедентных глобальных угроз, таких как пандемия коронавируса.

В то же время “широкий” контекст сотрудничества Юг–Юг имеет значение и для оставшихся левых правительств, и для неолиберальных глобалистов, и даже для консервативно-националистических кабинетов. Во-первых, потому, что вектор глобального Юга во внешней политике сам по себе помогает реализовать различные национальные интересы. Во-вторых, он дает возможности для совмещения во внешнем курсе страны тесных связей с глобальным Севером с обращением к курсу устойчивого развития, мультилатерализма, с особым вниманием к социальной сфере, создает форматы триангулированного международного сотрудничества.

В настоящее время сотрудничество латиноамериканских игроков с глобальным Югом в принципе перешло в новое качество из-за асимметричности китайско-латиноамериканского диалога и напряженности в отношениях между Китаем и США. Из-за китайского фактора можно с уверенностью говорить о том, что направление глобального Юга для всех латиноамериканских игроков имеет стратегическое значение, принося не только возможности, но и вызовы.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект “Место Латинской Америки в новом миропорядке: перспективы и вызовы” (№ 19-014-00042 А)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Tokatlian J. Colombia, el NOAL y la política mundial. Opciones, dilemas y perspectivas. *Nueva Sociedad*, 1996, no. 144, pp. 46-56. [Tokatlian J. Colombia, the NAM and world politics. Options, dilemmas and perspectives. *Nueva Sociedad*, 1996, no. 144, pp. 46-56. (In Spanish).]
2. French-Davis R., Tironi E., eds. *Latin America and the New International Economic Order*. Springer, 1980. 254 p.
3. Хейфец В., Хейфец Л. Куба: переосмысление роли страны в мировом сообществе. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 2, сс. 94-103. [Kheifets V.L., Kheifets L.S. Cuba: pereosmysleniye roli strany v mirovom soobshchestve [Cuba: to rethink the role of the country in the international community]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 2, pp. 94-103.] DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-2-94-103
4. Bocalandro L., Villa R. *South-South Cooperation and Capacity Development in Action: Regional Public Entrepreneurship in Latin America and the Caribbean*. Inter American Development Bank, 2009. Available at: <https://publications.iadb.org/publications/english/document/South-South-Cooperation-and-Capacity-Development-in-Action-Regional-Public-Entrepreneurship-in-Latin-America-and-the-Caribbean.pdf> (accessed 27.10.2020).
5. Толедо А. *Социально сплоченное общество. Глобальные перспективы Латинской Америки*. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 360 с. [Toledo A. *Social'no splochennoe obshchestvo. Global'nye perspektivy Latinskoj Ameriki* [Socially cohesive society. Global perspectives for Latin America]. Moscow, Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2019. 360 p.] DOI: 10.17323/978-5-7598-1794-9
6. Zoccal Gomez G., Esteves P. The BRICS Effect: Impacts of South–South Cooperation in the Social Field of International Development Cooperation. *IDS Bulletin*, 2018, vol. 49, no. 3, pp. 129-145. DOI: 10.19088/1968-2018.152
7. Calvento M., Ronaldi M.L. Reconfiguración de la Cooperación Sur-Sur en la región latinoamericana y la participación internacional de los actores subnacionales. *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales*, 2015, no. 224, pp. 315-348. [Calvento M., Ronaldi M.L. Reconfiguration of the South-South cooperation in the Latin American region and the international participation of the subnational actors. *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales*, 2015, no. 224, pp. 315-348. (In Spanish)]
8. Briceño Rúaiz J. South–South Cooperation in the Chávez era in Venezuela. *Vestnik RUDN*, 2018, vol. 18, no. 3, pp. 479-496. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-479-496
9. Андреев А.С. Уругвай в системе сотрудничества “Юг–Юг”: проблемы и перспективы. *Актуальные проблемы экономики и управления*, 2020, № 1 (25), сс. 124-130. [Andreev A.S. Uruguay v sisteme sotrudnichestva “Yug–Yug”: problemy i perspektivy [Uruguay in the SSC system: problems and perspectives]. *Aktualnye problemy ekonomiki i upravleniya*, 2020, no. 1 (25), pp. 124-130.]
10. Борзова А.Ю. Роль бразильского Агентства по сотрудничеству в содействии развитию по линии Юг–Юг. *Латинская Америка*, 2015, № 5, сс. 27-38. [Borzova A.Yu. Rol' brazil'skogo Agentstva po sotrudnichestvu v sodeistvii razvitiyu po linii Yug–Yug [The role of Brazilian Cooperation Agency in the development assistance in the South-South vector]. *Latinskaya Amerika*, 2015, no. 5, pp. 27-38.]
11. Malacalza B. *Variaciones de las políticas de cooperación Sur-Sur en América Latina. Estudio de casos*. Fundación Carolina. 2020, no. 32. 38 p. [Malacalza B. *Varieties of the South-South cooperation policies in Latin America. Case study*. Carolina Foundation, 2020, no. 32. 38 p. (In Spanish)] DOI: <https://doi.org/10.33960/issn-e.1885-9119.DT32>
12. Ojeda Medina T., Echart Muñoz E., compiladoras. *La cooperación Sur-Sur en América Latina y el Caribe: balance de una década (2008–2018)*. CLACSO, 2019. 254 p. [Ojeda Medina T., Echart Muñoz E., eds. *South-South cooperation in Latin America and the Caribbean: balance of the decade (2008–2018)*. CLACSO, 2019. 254 p. (In Spanish)] DOI: 10.2307/j.ctvt6rmgq
13. Хейфец В.Л., отв. ред. *От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке*. Москва, Российская политическая энциклопедия, 2019. 494 с. [Kheifets V.L., ed. *Ot bipolyarnogo k mnogopolyarnomu miru: latinoamerikanskii vektor mezhdunarodnykh otnoshenii v XXI veke* [From bipolarity to multipolarity: Latin American vector of the international relations in the XXI century]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2019. 494 p.]
14. *Informe de Cooperación Sur-Sur en Iberoamérica 2018*. SEGIB. 199 p. [The South-South Cooperation Report in Ibero-America 2018. SEGIB. 199 p. (In Spanish)]
15. Хейфец В., Хадорич Л. Союз южноамериканских наций: туманные перспективы. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 2, сс. 85-93. [Kheifets V., Khadorich L. Soyuz yuzhnoamerikanskikh natsii: tumannyye perspektivy [Union of South American Nations: cloudy prospects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 2, pp. 85-93.] DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-85-93
16. Bernal Meza R. Contemporary Latin American thinking on International Relations: theoretical, conceptual and methodological contributions. *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2016, vol. 59, no. 1. 32 p. DOI: 10.1590/0034-7329201600105
17. *Ecuador cierra embajadas por austeridad* [Ecuador closes the embassies because of austerity. (In Spanish)] Available at: <https://www.elheraldodejuarez.com.mx/mundo/ecuador-cierra-embajadas-por-austeridad-crisis-economica-pandemia-coronavirus-covid-19-5253541.html> (accessed 10.06.2020).
18. *Informe de Cooperación Sur-Sur en Iberoamérica 2015*. SEGIB. 226 p. [The South-South Cooperation Report in Ibero-America 2015. SEGIB. 226 p. (In Spanish)]

19. *Plan de la Patria 2025* [Plan of the Motherland 2025 (In Spanish)] Available at: <http://www.mppp.gob.ve/wp-content/uploads/2019/04/Plan-Patria-2019-2025.pdf> (accessed 12.09.2020).
20. *Plan de la Patria. Segundo plan socialista de desarrollo económico y social de la Nación, 2013–2019.* [Plan of the Motherland. The second socialistic plan of the economic and social development of the Nation, 2013–2019. (In Spanish)] Available at: <https://observatoriorplanificacion.cepal.org/sites/default/files/plan/files/VenezuelaPlandelaPatria20132019.pdf> (accessed 28.08.2020).
21. *FOCEM/MERCOSUR: Presupuesto. 2012–2020.* [FOCEM/MERCOSUR: Budget. 2012–2020. (In Spanish)] Available at: <https://focem.mercosur.int/es/normativas/> (accessed 10.10.2020).
22. *Transcripción del discurso de Macri en el G20.* [Mauricio Macri’s speech at the G-20 meeting – transcript. (In Spanish)] Available at: https://www.clarin.com/politica/discurso-completo-mauricio-macri-lideres-mundo-apertura-cumbre-g20-dialogar-dialogar-dialogar_0_GziQAhtxu.html (accessed 10.10.2020).
23. Frenkel A. El mundo según Bolsonaro. *Nueva Sociedad*, noviembre de 2018. [Frenkel A. The world as it is seen by Bolsonaro. *Nueva Sociedad*, 2018, November. (In Spanish)] Available at: <https://www.nuso.org/articulo/el-mundo-segun-bolsonaro/> (accessed 15.07.2019).
24. *As Bolsonaro Comes to R-Day, Here’s How India and Brazil Can Cement Strategic Ties.* Available at: <https://thewire.in/diplomacy/india-brazil-ties-republic-day> (accessed 14.08.2020).
25. *Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños (CELAC) – Plan de trabajo 2020 / Propuesta de áreas de trabajo.* [The Community of Latin American and Caribbean States (CELAC) – Work Plan 2020 / Proposal of work areas. (In Spanish)] Available at: <http://www.sela.org/media/3219456/celac-plan-de-trabajo-2020.pdf> (accessed 10.09.2020).
26. Alicia Castro: “*Mi objetivo es que Argentina esté integrada en los BRICS*”. [Alicia Castro: “My purpose is to make Argentina enter the BRICS”. (In Spanish)] Available at: <https://radiografica.org.ar/2020/05/31/alicia-castro-mi-objetivo-es-que-argentina-este-integrada-en-los-brics/> (accessed 01.11.2020).
27. Shoujun Cui, Manuel Pérez García, eds. *China and Latin America in Transition. Policy Dynamics, Economic Commitments, and Social Impacts.* Palgrave Macmillan, 2016. 326 p.
28. Oviedo E. The struggle for modernization and Sino-Latin American economic relations. L. Xing y S.F. Christensen, eds. *The rise of China: the impact on semi-periphery and periphery countries.* Aalborg, Aalborg University Press, 2012, pp. 103-131.
29. Dussel Peters E. *China’s Overseas Foreign Direct Investment to Latin America and the Caribbean (2000–2018).* Available at: <https://theasiadialogue.com/2019/06/14/chinas-overseas-foreign-direct-investment-to-latin-america-and-the-caribbean-2000-2018/> (accessed 15.07.2020).
30. Mike Pompeo pone en alerta a los chilenos sobre Huawei: “*Presenta riesgos para los ciudadanos*”. [Mike Pompeo advices Chileans against Huawei: “It poses some risks for the citizens”. (In Spanish)] Available at: <https://www.fayerwayer.com/2019/04/mike-pompeo-chile-huawei/> (accessed 12.06.2020).
31. *Latin America should not rely on China: U.S. Secretary of State Tillerson.* Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-diplomacy-latam-china/latin-america-should-not-rely-on-china-u-s-secretary-of-state-tillerson-idUSKBN1FL6D5> (accessed 12.06.2020).
32. *EE. UU. dice que habrá “consecuencias” para Brasil si opta por conexión 5G de Huawei.* [The USA says there will be “consequences” for Brazil if it chooses 5G by Huawei. (In Spanish)] Available at: <https://www.dw.com/es/ee-uu-dice-que-habr%C3%A1-consecuencias-para-brasil-si-opta-por-conexi%C3%B3n-5g-de-huawei/a-54371713> (accessed 01.11.2020).
33. *Brasil y la tecnología 5G, un dilema de difícil salida entre China y EEUU.* [Brazil and 5G, the complicated dilemma between China and the USA. (In Spanish)] Available at: <https://www.lavanguardia.com/politica/20201028/4959414894/brasil-y-la-tecnologia-5g-un-dilema-de-dificil-salida-entre-china-y-eeuu.html?facet=amp> (accessed 01.11.2020).
34. *Reto COVID-19 de la Alianza del Pacífico: conoce las 8 innovaciones ganadoras.* [The COVID-19 challenge in the Pacific Alliance: explore 8 winning innovative projects. (In Spanish)] Available at: <https://www.esan.edu.pe/sala-de-prensa/2020/07/reto-covid-19-de-la-alianza-del-pacifico-conoce-las-8-innovaciones-ganadoras/> (accessed 27.08.2020).
35. *Iberoamérica intercambia buenas prácticas de cooperación en la gestión del COVID-19.* [Ibero-America exchanges the best practices in the cooperation to harness the Covid-19 pandemic. (In Spanish)] Available at: <https://www.segib.org/iberoamerica-intercambia-buenas-practicas-de-cooperacion-en-la-gestion-del-covid-19/> (accessed 27.08.2020).
36. Maasdorp L. *COVID-19: How multilateral development banks can lead through a crisis.* Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2020/07/brics-new-development-bank-leads-member-states-through-the-covid-19-crisis/> (accessed 14.08.2020).
37. Marchiori Buss P., Tobar S. La COVID-19 y las oportunidades de cooperación internacional en salud. *Cadernos de saúde pública*, 2020, no. 36 (4). [Marchiori Buss P., Tobar S. The Covid-19 and opportunities for the international cooperation in the area of the healthcare. *Cadernos de saúde pública*, 2020, no. 36 (4). (In Spanish)] Available at: <https://www.scielosp.org/article/csp/2020.v36n4/e00066920/> (accessed 01.11.2020).
38. *Segunda declaración presidencial de Prosur sobre acciones conjuntas para enfrentar la pandemia del coronavirus.* 19.05.2020. [The second presidential declaration of the Prosur on the common effort to struggle against the coronavirus pandemic. 19.05.2020. (In Spanish)]
39. Jenne N., Briones Razeto S. Integración regional y la política exterior de Chile. ¿Paradoja o acomodo? *Estudios Internacionales*, 2018, no. 189, enero-abril, pp. 9-35. [Jenne N., Briones Razeto S. Regional integration and foreign policy of Chile. Paradox or adaptation? *Estudios Internacionales*, 2018, no. 189, January-April, pp. 9-35. (In Spanish)]

40. Frenkel A. Mercosur y Coronavirus: una comunidad de seguridad en riesgo. *Perfil*, 12.05.2020. [Frenkel A. Mercosur and Coronavirus: the security community under risk. *Perfil*, 12.05.2020. (In Spanish)] Available at: <https://www.perfil.com/noticias/internacional/mercosur-coronavirus-comunidad-de-seguridad-en-riesgo.phtml> (accessed 08.10.2020).
41. Carmo M. Bolsonaro vs Fernández: cómo la pandemia de coronavirus agravó la brecha entre los presidentes de Brasil y Argentina, las dos principales economías de América del Sur. *BBC*, 02.06.2020. [Carmo M. Bolsonaro vs Fernández: how the coronavirus pandemic added to the conflict between the presidents of Brazil and Argentina, two top economies of the South America. *BBC*, 02.06.2020. (In Spanish)] Available at: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-53264480> (accessed 13.07.2020).
42. Пятаков А.Н. Международная деятельность Кубы в сфере здравоохранения. *Латинская Америка*, 2012, № 11, сс. 54–64. [Pyatakov A.N. Mezhdunarodnaya deyatel'nost' Kuby v sfere zdavoohraneniya [Cuba's international activities in the health area]. *Latinskaya Amerika*, 2012, no. 11, pp. 54–64.]
43. *La cooperación médica de Cuba con el mundo ante la Covid-19*. [Medical cooperation of Cuba and the world against the background of the Covid-19 pandemic. (In Spanish)] Available at: <https://www.elpais.cr/2020/06/29/la-cooperacion-medica-de-cuba-con-el-mundo-ante-la-covid-19/> (accessed 10.08.2020).
44. Jessop D. Cuba, EU and a post-Cotonou agreement. *The Jamaica Gleaner*, 25.05.2018. Available at: <http://jamaica-gleaner.com/article/business/20180527/david-jessop-cuba-eu-and-post-cotonou-agreement> (accessed 10.08.2020).

**LATIN AMERICA IN THE SOUTH-SOUTH COOPERATION
AGAINST THE BACKGROUND OF GLOBALIZATION CONTROVERSIES**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 21–29)

Received 05.11.2020.

Lazar S. KHEIFETS (ilaranspb@hotmail.com),

Saint-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya Nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Kseniya A. KONOVALOVA (k.konvalova@spbu.ru),

Saint-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya Nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 19-014-00042 A “Latin America in the new world order: prospects and challenges”.

The research focuses on the participation of Latin American states in the South-South cooperation (SSC) against the background of the contradictions of the current stage of globalization. Analyzing the official documents, leaders' speeches, using quantitative data, the authors consider three factors that model such involvement today: (a) a new context in Latin America, i.e. the growing popularity of the right-wing forces, financial and economic difficulties after the end of the commodities boom in the 2000s, (b) the rise of China and its deepening confrontation with the United States, (c) today's global coronavirus crisis. According to the authors, all the mentioned factors affect the process of Latin America taking part in SSC in the following ways. First, due to internal and international changes, the foreign policy agendas and the way of self-identification of the Latin American countries in the global world are in transformation. While the cooperation with other developing nations, within the region and beyond, seems less relevant for the New Right, the South-South vector is still in demand as a foreign policy diversification tool. Second, the strategic partnership with China remains an indicator of the region's actors' commitment to the ideas of multilateralism, openness, and globalization as such, but at the same time, it goes against the principles of SSC as equal and horizontal by its nature and also because of the tensions between China and the US. As for the pandemic, although in discourse it revives the importance of international cooperation, including SSC, in practice it rather catalyzes the disconnecting trends that have developed in recent years in Latin America.

Keywords: Latin America, South-South cooperation, globalization, integration, crisis.

About authors:

Lazar S. KHEIFETS, Doctor of History, Professor.

Kseniya A. KONOVALOVA, PhD Student.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-21-29

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

КОМПЛЕКСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(Опыт пространственного автокорреляционного и кластерного анализа)

© 2021 г. И. Окунев, В. Виноградов

ОКУНЕВ Игорь Юрьевич, кандидат политических наук,
МГИМО-Университет МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (iokunev@mgimo.ru).

ВИНОГРАДОВ Василий Валерьевич, стажер-исследователь,
МГИМО-Университет МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (v.vinogradov@inno.mgimo.ru).

Статья поступила в редакцию 23.03.2020.

Международная безопасность как научная дисциплина переживает новый этап развития, что связано с новыми угрозами, с которыми столкнулось мировое сообщество в XXI веке. При этом фокус внимания постепенно смещается с глобального уровня в сторону регионов, так как именно здесь происходят процессы, трансформирующие актуальную архитектуру международной безопасности. Это провоцирует необходимость учитывать при анализе пространственный фактор, изучаемый в рамках политической географии. В проведенном исследовании с помощью пространственного автокорреляционного и кластерного анализа были выделены комплексы региональной безопасности, учитывающие фактор соседства стран мира.

Ключевые слова: международная безопасность, регионализация, пространство, территориальность, комплексы региональной безопасности, пространственный анализ.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-30-41

ЭВОЛЮЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Понимание безопасности в политической науке последовательно трансформировалось. Если в начале XX в. международная безопасность затрагивала только классические интересы и угрозы, характерные для суверенного государства (сферы влияния, новые территории и ресурсы), позднее в международную безопасность стали включаться новые аспекты взаимодействия государств и других участников международных отношений. Главным стимулом подобных изменений выступила глобализация, определившая вектор движения акторов международных отношений (МО) в сторону усиления взаимозависимости и экономической интеграции.

Международная безопасность как область науки также появилась после Второй мировой войны. Появление данной дисциплины именно в это время не случайно: государства были истощены полномасштабной войной, которая нанесла огромный урон всем странам-участницам, и они пытались найти альтернативные невоенные способы защиты от внешних и внутренних угроз. Не будет преувеличением сказать, что прародителями международной безопасности как дисциплины являются военная история (*Military history*) и военная стратегия (*War studies*) [1].

Несмотря на подобный генезис, в последующие десятилетия содержание дисциплины существенно

изменилось. Холодная война имела сильную идеологическую окраску, в результате чего противостояние с внешним врагом велось внутри страны, на уровне общественных дискуссий и идей, что делало границы “внешнего” и “внутреннего” весьма размытыми [2]. До 1990-х годов можно было наблюдать стойкую дихотомию “внешнего” и “внутреннего” в политике, что было связано с продолжением идеологической войны. Сейчас оба понятия планомерно размываются из-за глобализации. Переход к сильно взаимозависимым политическим системам и глобальному обществу усилил в ней значение невоенных компонентов оценки безопасности, обусловил эволюцию дисциплины.

В связи с тем, что развитие дисциплины выпало на годы противостояния двух сверхдержав, США и СССР, на начальных этапах критически важной была военная сфера, и национальная безопасность на некоторое время стала синонимом военной безопасности. Классический подход, таким образом, подразумевал защиту именно государства, поскольку считалось, что сильное государство, защищенное от угроз, способно защитить и отдельного индивида [3]. Но уже в 1990-х годах при изучении международной безопасности стали апеллировать к ее экономической и экологической составляющим. Дальнейшее усиление взаимозависимости государств привело к появлению таких сегментов международной безопасности, как общественная стабильность, охрана здоровья, вопросы равенства

и др. [4]. Многие исследователи пытались расширить узкую “ортодоксальную” концепцию безопасности и включить в нее более широкий спектр потенциальных угроз и проблем [5]. В свою очередь данный шаг сопровождался попытками сместить акцент с государственной на индивидуальную или международную безопасность [6]. Нельзя не упомянуть вклад российских ученых в развитие международной безопасности в этот период. Можно отметить исследования академика А.Г. Арбатова, особенно его книгу “Уравнение безопасности”, в которой он отмечает, что безопасность подразумевает гармоничное сочетание социально-экономической, научно-технологической, политической, военной, государственно-правовой, морально-психологической составляющих при условии взаимного равновесия с внешнеполитическими партнерами и соседями [7].

Время зарождения дисциплины (в контексте жесткого противостояния, наличия реального противника, дихотомии капиталистического и социалистического миров) привело к особому пониманию концепта “опасности”. “Опасностью” считалось преимущество противника (военное, техническое или экономическое), а значит, стремление к безопасности превращалась в своеобразную гонку на истощение. Можно сказать, что безопасность напрямую связывали со срочными, крайними оборонительными мерами. Копенгагенская школа придерживалась именно этой логики, поэтому считала, что включать новые сферы в безопасность можно до тех пор, пока они удовлетворяют критериям срочности и крайней необходимости.

В итоге за годы исследований международной безопасности сложились три основные традиции. Неореалистический классический подход рассматривает безопасность в контексте военной сферы и интересов суверенных государств [8]. Глобалистский подход, или же неолиберальный институционализм, делает акцент на влияние глобализации на международную безопасность. Наконец, существует третье понимание международной безопасности – конструктивистское [9]. Конструктивизм предлагает альтернативное понимание ряда центральных тем в теории международных отношений, включая значение анархии и баланса сил, отношения между государственной идентичностью и интересами, развитие власти и перспективы изменений в мировой политике [10]. В рамках данной школы оформился региональный подход, с точки зрения которого региональный уровень анализа конфликта лучше поддается концептуализации и операционализации, так как в сравнении с эпохой холодной войны уровень конфликтности между мировыми державами существенно снизился. Вследствие этого мировые державы стали реже и менее интенсивно вмешиваться в дела дру-

гих государств, что и привело к смещению уровня анализа с глобального на региональный и даже субнациональный [11].

Именно из регионального подхода вышла теория комплексов региональной безопасности, описывающая безопасность как сочетание потенциалов одной сверхдержавы (США), великих держав (Китай, Россия и т. д.) и непосредственно самих комплексов. Данная теория интересна тем, что уделяет отдельное внимание географическому фактору и концепту территориальности [9]. Сложная структура системы безопасности потребовала построения более точных и емких моделей, которые при этом были бы универсальны. Региональный подход дает простор для количественного анализа международной безопасности ввиду возможности адаптировать опыт политической географии и регионалистики и решает вполне себе практические задачи – позволяет вычленять и сравнивать важные макрорегионы мира. Так, А.Д. Воскресенский отдельно отмечает универсальность регионального подхода, позволяющего выделять регионы в зависимости от решаемой задачи. Одна и та же страна может входить сразу в несколько макрорегионов международных отношений, при этом есть и системообразующие регионы, которые становятся основой дальнейших сравнений и сопоставлений [12].

На протяжении всей истории развития международной безопасности учеными предпринимались попытки количественного осмысления системы международных отношений, что требует особого подхода в выделении сегментов самого явления безопасности. В этом контексте интересно исследование Н. Шукри, который акцентирует внимание на трех основных направлениях измерения безопасности на национальном уровне:

- 1) военные и оборонные возможности;
- 2) режим управления и исполнения решений;
- 3) структурные условия и экологическая жизнеспособность.

Военная безопасность – это такие аспекты безопасности, как неприкосновенность и непроницаемость государственных границ, их можно называть способностью государства защитить себя от вторжения извне, военных атак и провокаций, для чего необходимо использование военных инструментов (армии и флота). Безопасность политической системы и режима – способность государства функционировать и реагировать на внутренние угрозы. Эффективное государство должно обладать физическим контролем над своей территорией и монополией на насилие, аккумулировать политические решения и устранять внутренние угрозы институциональными (в крайнем случае

военными, что нежелательно) методами. По словам В.М. Кулагина, военная безопасность — это та сфера взаимодействия акторов, основной признак которой — фактическое применение или вероятность применения вооруженной силы. Именно поэтому военная безопасность до сих пор является приоритетной, угрозы в военной сфере обладают “жесткостью” и необходимостью быстрого реагирования [13]. Структурная безопасность — способность государства защитить жизненно важные сферы устойчивого развития общества и системы в целом. В качестве переменных структурной безопасности Н. Шукри выделил удовлетворение запросов общества, доступность ресурсов, уровень развития технологий и свойства среды существования государства [14].

Работа Н. Шукри — пример качественной операционализации национальной безопасности. Она показывает, что данное явление можно представить в виде набора переменных и, соответственно, квантифицировать. Поставим себе задачу провести количественное исследование непосредственно региональной безопасности согласно теории комплексов региональной безопасности с учетом пространственного фактора.

КОНЦЕПЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Географический фактор является важным и весомым в современных международных отношениях, при этом проблема современного изучения международной безопасности состоит, как представляется, в устаревшем подходе к понятию “территориальность”.

Территориальная концепция устройства мира активно развивалась вплоть до конца XX в. Территориальность в ней — это характеристика протяженности и ограниченности объекта в пространстве, предполагающая наличие фиксированных границ применения суверенитета. “Территориальная” парадигма мироустройства предполагает, что мир

разделен на протяженные в пространстве объекты: государства, империи, сферы влияния и т.д. Территориальность больше соотносится с физической географией, будучи материальной характеристикой объектов на политической карте мира.

Однако в современной политической географии сложилось более комплексное понимание роли территории в политических процессах. Отчасти это связано с тем, что территория сама по себе не гомогенна. Так, суверенитет не статичен в рамках даже отдельно взятого государства. Дж. Эгню предложил термин “пространственность”, чтобы отличать это новое понимание от старой трактовки “территориальности”.

Пространственность — это характеристика представленности или распространенности политической системы в пространстве. Внутренняя и внешняя легитимация такой системы может быть достигнута и в нетерриториальных сетевых образованиях (городах-государствах, союзах, морских империях и т. д.). Занимая некоторое пространство, они, однако, не протяженные в пространстве объекты. Пределы пространственности более широкие, так как сетевой принцип организации политики позволяет одной территории распределять свою суверенность между несколькими образованиями. Различия между территориальностью и пространственностью представлены в табл. 1.

Территориальный фактор перестал играть определяющую роль в мировой политике, но это не означает, что он полностью исчез. Для его понимания нам нужно обращение к новой трактовке данного фактора, предложенного Дж. Эгню. Понятие “безопасность” тесно связано в сфере международных отношений с защитой территориальной целостности государства. Когда территориальность государства обсуждалась теоретиками МО, в подавляющем большинстве случаев речь шла о сохранении или устаревании территориального государства как неизменного субъекта, а не его значимости и значения в различных историко-

Таблица 1. Различия пространственности и территориальности

Территориальность	Пространственность
Характеристика протяженности и ограниченности в пространстве, предполагающая наличие фиксированных границ применения суверенитета	Характеристика распространенности политики в пространстве
“Территориальная” парадигма мироустройства предполагает, что мир разделен на протяженные в пространстве объекты (государства, империи, сферы влияния и т. д.)	Внутренняя и внешняя легитимация может быть достигнута и в нетерриториальных сетевых образованиях (городах-государствах, союзах и др.). Они занимают некоторое пространство, однако не являются протяженными в пространстве объектами
Развивается только в Новое время в Европе после отказа от нетерриториальных династических систем с персонализированной суверенностью в пользу народного суверенитета	Пределы пространственности более широкие, так как сетевой принцип организации политики позволяет одной территории распределять свою суверенность между несколькими образованиями
Ресурс сильно ограничен	Ресурс неограничен, не исчерпан, изменчив

Табл. 1, 2 составлены авторами.

географических обстоятельствах. Традиционное мышление базировалось на двух географических допущениях: государства как “фиксированные единицы суверенного пространства” и государства как “площадки размещения сообществ”. Территориальное понимание суверенитета подразумевает, что именно в рамках границ существует так называемая государственная идентичность, именно границы определяют дихотомию “Мы” и “Они”. Каждое из допущений дополняет и усиливает другое, что, по мнению Дж. Эгню, и приводит к “территориальной ловушке” [15]. Пространство во многом определяет “срочность” и “остроту” проблемы. Чем “ближе” проблема, тем она опаснее для государства. Это и определяет важность пространственного подхода к изучению угроз и позволяет применить качественные методы анализа к теории региональных комплексов.

Пространственные методы активно использовались политическими географами для анализа международной безопасности и конфликтов. Дж. О’Лафлин в работе “Возвращение географии к изучению международных отношений: пространственная зависимость и региональный контекст в Африке, 1966–1978” при помощи статистических методов (в частности, индекса пространственной автокорреляции) доказал, что для стран Африки свойственна сильная пространственная зависимость внутривнутриполитической ориентации (дружат/конфликтуют исключительно с соседями первого порядка), а для всей Африки как региона – неоднородность и дезинтегрированность [16]. Также Дж. О’Лафлин участвовал в Оперативной группе по политической нестабильности (*Political Instability Task Force*), в которой исследовал связь между слабостью государства и развитием внутренних конфликтов, в частности между частотой государственных переворотов. Проект с помощью статистических методов обосновал, что высокая детская смертность и слабое вовлечение в международную торговлю влияют на формирование конфликтотенной ситуации.

Другим примером может послужить научный труд Р. Вярююнена “Формирование региональных конфликтов: неразрешимая проблема международных отношений”. Это многоплановая работа, в которой исследуются взаимоотношения региональных субсистем (в рамках общей структуры международных отношений, например, европейское сообщество и страны Магриба). Пространственный фактор раскрывается через положение конфликтных регионов на периферии глобальной системы [17]. В ней Р. Вярююнен демонстрирует наличие субсистем международной безопасности и важность пространственного фактора в их формировании.

Х. Бухауг в своем труде “География гражданской войны” (2002) использовал картографический метод для анализа конфликтности. На основе данных о гражданских войнах с 1946 по 2000 г. он выяснил, что масштаб конфликта зависит от площади территории страны, от близости к границе с другим государством, количества природных богатств и длительности противостояния [18].

Альтернативным подходом может послужить анализ не пространственных зависимостей, а характеристик пространства, рельефа и ландшафта региона как фактора безопасности. Так, американский политолог С. Рейли в работе “Наблюдая лес за деревьями: влияет ли физическая география на риск возникновения конфликтов в государстве?” изучила связь между определенными факторами физической географии и возникновением конфликтов в африканских государствах. Среди физико-географических факторов, влияющих на тактику повстанцев, а также на стратегическое значение и ценность территории физической географии, она рассмотрела влияние ландшафта. В результате исследования не было выявлено прямой зависимости между факторами физической географии и вероятностью возникновения конфликта [19].

Пространственный фактор в международной безопасности часто связан с необходимостью обозначить границы геополитических систем. Часто встречающиеся понятия “европейская безопасность”, “африканская безопасность” и т. д. не имеют однозначной трактовки и являются предметом дискуссии в экспертном сообществе. Споры о границах европейской безопасности особенно усилились после “крымской весны”, но мы исходим из подхода, предлагаемого в монографии “Архитектура евроатлантической безопасности”: к числу механизмов многостороннего взаимодействия в Европе должны быть отнесены и те, которые возникли на пространстве бывшего СССР. Россия по историческим, географическим и социокультурным параметрам – неотъемлемая часть европейской системы безопасности [20]. Кроме того, положение дел и баланс сил на постсоветском пространстве занимают важное место в европейской повестке, поэтому РФ была и будет частью формулы евро-атлантической безопасности [21]. Тем более будет интересно проверить это с помощью методов пространственного анализа.

Несмотря на множество попыток оценить роль пространства в отдельных факторах международной безопасности, до сих пор не было предпринято шагов оценить значимость пространственного фактора в международной безопасности на глобальном уровне и с учетом различных его компонентов. Политико-географические исследования безопасности в основном носят локальный

характер, то есть изучают отдельно взятые макро-регионы или группы стран. Между тем ощущается потребность анализа, который мог бы показать важность пространства в международной безопасности на основе группы разноплановых показателей и использования точных статистических подходов.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, как было показано выше, одна из проблем современных исследований, касающихся безопасности, — это отсутствие комплексного анализа безопасности на глобальном уровне, учитывающего фактор пространства. Гипотеза данной работы состоит в том, что пространственно локализованные государства со схожим набором внутренних и внешних угроз формируют комплекс региональной безопасности. Подобные подсистемы, как уже было сказано выше, выделяет Копенгагенская школа, в частности один из ее основателей Б. Бузан. Данные подсистемы были названы комплексами международной безопасности. Их особенность заключается в применимости к ним теорий международных отношений, то есть они являются самодостаточными системами [9].

В контексте нашего исследования целесообразно классифицировать возможные угрозы и вызовы на внешние и внутренние. Как уже было сказано выше, угрозы и вызовы в сочетании с географическим фактором определяют границы комплексов региональной безопасности. В свою очередь они поддаются операционализации с помощью определенных индикаторов. Классификация представлена в табл. 2.

Таблица 2. Индикаторы внешних и внутренних угроз

Внешние угрозы	Внутренние угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • Военная сила • Уровень конфликтности или стабильности региона и его участников • Интенсивность глобализации • Степень контроля государств над суверенитетом • Уровень загрязнения (CO_2) 	<ul style="list-style-type: none"> • Степень контроля государств над суверенитетом • Уровень эффективности функционирования институтов • Уровень благосостояния граждан • Критичность уровня бедности • Тип политического режима • Эффективность этноконфессиональной политики государств • Эффективность политики государств в миграционной сфере

В ходе исследования было отобрано 70 показателей, описывающих международное влияние, демографию, политику, экономику, качество жизни и ценности. Более многообразную выборку показателей сложно сделать для всех стран мира, основываясь на верифицируемой статистике. На сле-

дующем этапе мы с помощью экспертного опроса выделили 10 показателей, которые наиболее коррелируются с представлениями об угрозах стабильности страны. Мы вынуждены были отобрать не более 10, чтобы в дальнейшем ввести в анализ фактор пространственной близости и чтобы вес этого показателя не оказался слишком незначительным по сравнению с другими параметрами. Ниже представлены отобранные индикаторы, которые, на наш взгляд, позволяют охарактеризовать угрозы и вызовы, формирующие комплексы региональной безопасности:

- индекс глобальной конкурентоспособности¹;
- индекс глобализации²;
- индекс силы³;
- индекс Политии IV⁴;
- индекс бедности⁵;
- индекс этнического разнообразия⁶;
- индекс слабости государства⁷;
- индекс политической стабильности⁸;
- доля иммигрантов⁹;
- уровень выбросов CO_2 ¹⁰.

С помощью кластерного анализа представляется возможным выделить комплексы международной безопасности, но кластерный метод k -средних не отвечает на весьма важный вопрос: какова значимость выделенных кластеров? Кластерный анализ всегда обладает определенной условностью, поэтому для получения более достоверного результата необходимо доказать пространственную зависимость данных стран по выбранным показателям.

¹ *Global Competitiveness Index*. Available at: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/competitiveness-rankings/#series=GCI> (accessed 20.01.2020).

² *KOF Globalization Index*. Available at: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (accessed 20.01.2020).

³ *State Power Index 2017*. Available at: <http://www.statepowerindex.com/> (accessed 20.01.2020).

⁴ *The Polity Project*. Available at: <https://www.systemicpeace.org/polityproject.html> (accessed 12.01.2020).

⁵ *Poverty*. Available at: <https://data.worldbank.org/topic/poverty> (accessed 12.01.2020).

⁶ James D. Fearon Ethnic and Cultural Diversity by Country. *Journal of Economic Growth*, 2013, no. 8 (2), pp. 195–222.

⁷ *Fragile States Index*. Available at: <https://fragilestatesindex.org/country-data/> (accessed 14.01.2020).

⁸ *Political stability – Country rankings*. Available at: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb_political_stability/ (accessed 14.01.2020).

⁹ *International migrant stock (% of population)*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.TOTL.ZS> (accessed 23.12.2019).

¹⁰ *CO₂ emissions (metric tons per capita)*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC> (accessed 02.02.2020).

В этом может помочь индекс пространственной автокорреляции, который учитывает роль пространственного фактора, под которым в первую очередь понимается эффект соседства. Исходя из предложенного набора объектов и связанных с ними атрибутов, указанный инструмент оценивает, имеется ли кластеризация объектов или они распределены разбросанно, случайно.

КЛАСТЕРНЫЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Для визуализации выбранных показателей был использован векторный слой *World Borders Dataset*, подготовленный Бьорном Сандвиком и распространяемый по лицензии *Creative Commons Attribution-Share Alike License*, поэтому представляется возможным свободное использование данного файла в любых целях. Карта отражает международно признанные границы от 13 марта 2008 г., что означает ряд ее неточностей применимо к современному состоянию границ. На карте отсутствуют: Южный Судан, Абхазия, Южная Осетия, а Крым является частью Украины¹¹.

Для того чтобы выделить кластеры безопасности (ранжированные по состоянию элементов внутренней и внешней среды), было решено использовать кластерный метод *k*-средних. Это метод кластерного анализа, целью которого является разделение *m* наблюдений на *k* кластеров, при этом каждое наблюдение относится к тому кластеру, к центру (центроиду) которого оно ближе всего. Главная проблема данного инструмента — необходимость определять количество кластеров заранее.

Кластерный анализ позволяет выделить устойчивые группы стран. В контексте взятых переменных и рассматриваемой проблемы он дает возможность выделить регионы, схожие по своему конфликтному потенциалу и проблематике.

В рамках исследования был проведен кластерный анализ методом *k*-средних для $k = 20$ (то есть было задано разделить всю совокупность стран мира по комплексу анализируемых показателей на 20 кластеров). При этом, поскольку стояла задача учесть и пространственный фактор, к анализируемым показателям были добавлены геометрические центроиды государств, так чтобы их вес не превышал вес каждого из взятых по отдельности показателей, что позволяет учесть пространственный фактор в формировании комплексов региональной безопасности. В ходе подготовительной работы мы рассматривали различное число кластеров: от 2

до 30. При числе кластеров до 8 мир распадается на трансконтинентальные группировки, которые не могут описать региональные кластеры, далее в пределе от 16 до 24 состав кластеров стабилизируется и затем распадается на субконтинентальные группировки, которые опять же не могут дать описание региональным комплексам безопасности. Таким образом, эмпирически число 20 кластеров было определено как оптимальное.

При кластеризации стран по вызовам/угрозам с учетом пространственного фактора должны были получиться регионы безопасности с их уникальной повесткой, особой политической, экономической и социальной ситуацией. Полученные результаты представлены на рис. 1.

Обратим внимание на кластеры, сохранившие пространственную континуальность.

Кластер № 1. Первый кластер включает в себя страны Центральной Африки, обладающие в большинстве своем нестабильными политическими системами. При этом данный макрорегион Б. Бузан разбил на три региональных комплекса: западноафриканский, центральноафриканский и восточноафриканский.

Кластер № 2. Второй кластер представлен старыми европейскими демократиями, Канадой и Японией. Тем самым этот кластер как бы обозначает примерные границы “западного” мира. Это достаточно стабильные страны, но которые столкнулись разве что с проблемами в сфере миграции. Япония включается в данный кластер, что подчеркивает ее статус регионального лидера согласно классификации Б. Бузана.

Кластер № 5. Б. Бузан выделял единый латиноамериканский комплекс безопасности с тремя подкомплексами, отмеченными по географическому признаку: северный, центральный и южный. Получившаяся картограмма демонстрирует подобное размежевание. Латинская Америка в действительности — достаточно независимый регион в плане решения проблем интеграции и безопасности, свидетельством чего является группа Рио, основанная в 1986 г. Другой группой стран в кластере стали страны Юга Африки, которые Б. Бузан выделял в южноафриканский комплекс безопасности, но проводил его границы по Сообществу развития Юга Африки. Границы получившегося же кластера совпадают с границами Южноафриканского таможенного союза (ЮАТС). ЮАТС, будучи таможенным союзом, решает важные проблемы региона, такие как бедность, снижение зависимости от экспортного сырья.

Кластер № 8. В кластер попали страны северной Африки и Ближнего Востока. Данные страны — члены Лиги арабских государств и Союза

¹¹ *Thematic Mapping API*. Available at: <https://thematicmapping.org/downloads/> (accessed 31.12.2019).

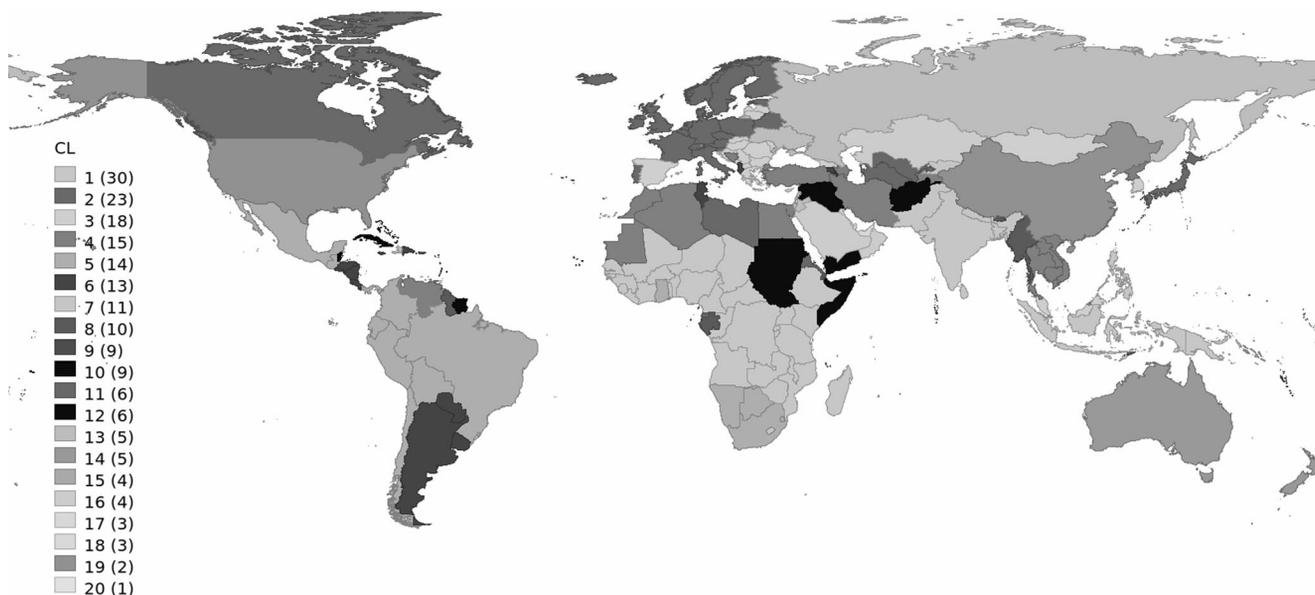

Рис. 1. Кластерное картографирование выбранных переменных

Примечание. Полученные кластеры обозначены цветом и номерами.

Рис. 1, 2 и 3 составлены авторами.

Арабского Магриба. При этом к данной группе, несмотря на включение их Б. Бузаном в единый комплекс, не относятся Ливия, часть стран Аравийского полуострова и часть стран Ближнего Востока как в силу нестабильности политической системы (Йемен, Ливия, Сирия), так и вследствие большего экономического и внешнеполитического потенциалов (Саудовская Аравия).

Также отметим еще два кластера, не сохранивших пространственную континуальность, но важных для понимания региональной безопасности.

Кластер № 12. Кластер несостоявшихся государств/точек абсолютной локализации конфликтов. В силу слабости политической системы данные страны не способны осуществлять эффективное управление без внешней поддержки. Данные страны максимально подвержены внутренним и внешним конфликтам, что определяет их повестку в сфере безопасности. Как видно, они локализованы по контуру Большого Ближнего Востока.

Кластер № 19. В данный кластер вошли две страны: США и Китай. Данную группу можно назвать кластером сверхдержав, главных игроков мировой арены. США и Китай являются важнейшими “трендмейкерами” международных отношений и международной безопасности. При этом Б. Бузан относит Китай не к сверхдержавам, а к великим. На наш взгляд, следует причислить Китай к категории сверхдержав в силу его огромного потенциала.

Описание остальных кластеров мы вынуждены упустить из-за ограничений по объему текста, однако ни один из них не является пространственно

континуальным, а соответственно, не может считаться основанием для выводов о наличии регионального комплекса безопасности.

ЛОКАЛЬНЫЕ ИНДИКАТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ АВТОКОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На следующем этапе мы решили верифицировать полученные результаты за счет расчета показателей автокорреляции, то есть индикаторов, оценивающих похожесть соседних государств. Пространственная автокорреляция индексирует степень взаимосвязи между соответствующими элементами, задающими пространственные связи среди набора из n координат, отражающих сходства между значениями переменной x , реализованной в n местах. Это устойчивая корреляция в соседних объектах анализа.

Существует несколько индексов и методов определения пространственной автокорреляции, но самые популярные и разработанные – индексы Морана и Гирри.

Индекс Морана считается по следующей формуле:

$$M = \frac{N}{W} \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{\sum_i (x_i - \bar{x})^2},$$

где N – количество пространственных единиц (объектов); x – анализируемый показатель; \bar{x} – среднее значение показателя; w_{ij} – матрица пространствен-

ных весов; W – сумма всех пространственных весов w_{ij} [22].

Как видно из формулы, индекс Морана не позволяет оценить пространственную автокорреляцию сразу по комплексу параметров, поэтому для данного исследования был использован индекс пространственной автокорреляции Гири, что связано с возможностью проведения в нем многофакторного анализа. В современной науке методу определения пространственной автокорреляции Гири уделяется меньше внимания по сравнению с методом Морана. При этом метод Гири является интересной альтернативой, так как имеет другую математическую сущность. Индекс Гири не ограничен линейной зависимостью, а основан на квадрате разностей и поэтому подходит для определения многомерной пространственной автокорреляции [23]. Посмотрим, как выглядит **индекс Гири** (или **локальный Гири**) в виде математической формулы:

$$LG_i = \sum_j w_{ij} (x_i - x_j)^2,$$

где w_{ij} – матрица пространственных весов; x_i и x_j – выбранный показатель для разных объектов пространства.

При этом **многофакторный индекс Гири** рассчитывается по следующей формуле:

$$LG = \sum_{h=1}^m \sum_j w_{ij} (x_{hi} - x_{hj})^2,$$

где m – анализируемые переменные; h – индекс суммирования. Значения анализируются для страны i и ее соседей j при матрице соседства w_{ij} [24].

Для осуществления автокорреляционного анализа необходимо задать параметры соседства для стран. Существуют три базовые модели определения соседства: по смежности, по метрике и методу k -ближайших соседей.

Соседство по смежности может определяться по основе одного из трех так называемых правил: “правило лады” (страны соприкасаются только линейными участками границы), “правило слона” (страны соприкасаются только в одной точке, как, например, в районе города Казунгула, где соединяются сразу четыре африканских государства [25]) и “правила ферзя” – любое соприкосновение стран засчитывается как соседство. Недостатком данных методов определения соседства является то, что островные государства, не имея общих сухопутных границ, будут игнорироваться при определении соседства.

Альтернативный метод – соседство по метрике, когда задается условное значение расстояния от центроида и соседними странами считаются

государства, чьи центроиды попадут внутрь такого радиуса. Однако при подобном методе большая статистическая ошибка будет касаться крупных и протяженных государств, у которых искажаются данные об их соседях. Так, например, Россия окажется страной вообще без соседей.

Для целей данного исследования, в силу сложности политической карты мира, был использован третий подход – метод k -ближайших соседей. Он задает для каждой страны фиксированное количество соседей, которые по умолчанию отбираются по близости к центроиду государства. Однако при таком понимании центроида РФ не будет иметь европейских соседей, поскольку ее географический центр находится в Красноярском крае. Поэтому в качестве точки отчета соседей по методу k -ближайших соседей были взяты вместо центроидов координаты столиц всех стран мира при $k = 10$.

С помощью многофакторного индекса Гири было выявлено наличие или отсутствие пространственной автокорреляции между описанными выше переменными, отражающими степень угроз и вызовов. В тестировании гипотезы принимались только данные с показателем фактора p -value выше 0,05, то есть для которых вероятность статистической ошибки ниже 5%.

Согласно получившейся картограмме, представленной на рис. 2, наблюдается пространственная автокорреляция в рамках трех комплексов региональной безопасности: латиноамериканского, европейского и центральноафриканского. Другими словами, в этих регионах локализованы страны, испытывающие схожий комплекс вызовов и угроз, а значит, вынужденные вместе формировать подсистему международной безопасности. Интересен кейс Австралии. Дело все в том, что страна попала в группу исключений, то есть она выбивается по данным показателям из окружающих ее государств. Это можно объяснить особенностями заданного соседства (Австралия в методе соседства k -ближайших, равно 10, граничит с многими политиями Меланезии). На картограмме показаны только страны с незначительной долей статистической ошибки (уровнем показателя p -value). Это означает, что делать выводы о наличии субрегиональных систем международной безопасности в других частях света было бы слишком большим статистическим допущением.

На картограмме 3 представлены те же расчеты, но в качестве центра отчета радиуса соседства взяты не геометрические центроиды, а координаты столиц. При сравнении рис. 2 и 3 становится заметным выпадение из европейского кластера России. Это отражает двойственность ее положения относительно региональных комплексов безопасности: с одной стороны, РФ является ключевым

Рис. 2. Картограмма многофакторного индекса пространственной автокорреляции с центроидами-столицами

Примечание к рис. 2 и 3. Параметры, выбранные для анализа: *COMPETE* – индекс глобальной конкурентоспособности, *POWER* – индекс силы, *GLOBALISAT* – индекс глобализации, *MIGRANT* – доля иммигрантов, *ETHNDIV* – индекс этнического разнообразия, *POV* – индекс бедности, *CO₂PERCAP* – уровень выбросов *CO₂*, *WEAKNESS* – индекс слабости государства, *P4* – индекс Политии IV, *POLSTAB* – индекс политической стабильности.

Not Significant – незначимая автокорреляция; *Positive* – положительная автокорреляция; *Negative* – отрицательная автокорреляция; *Neighborless* – страны, не имеющие соседей; *Undefined* – страны, для которых не удалось рассчитать комплексный показатель безопасности.

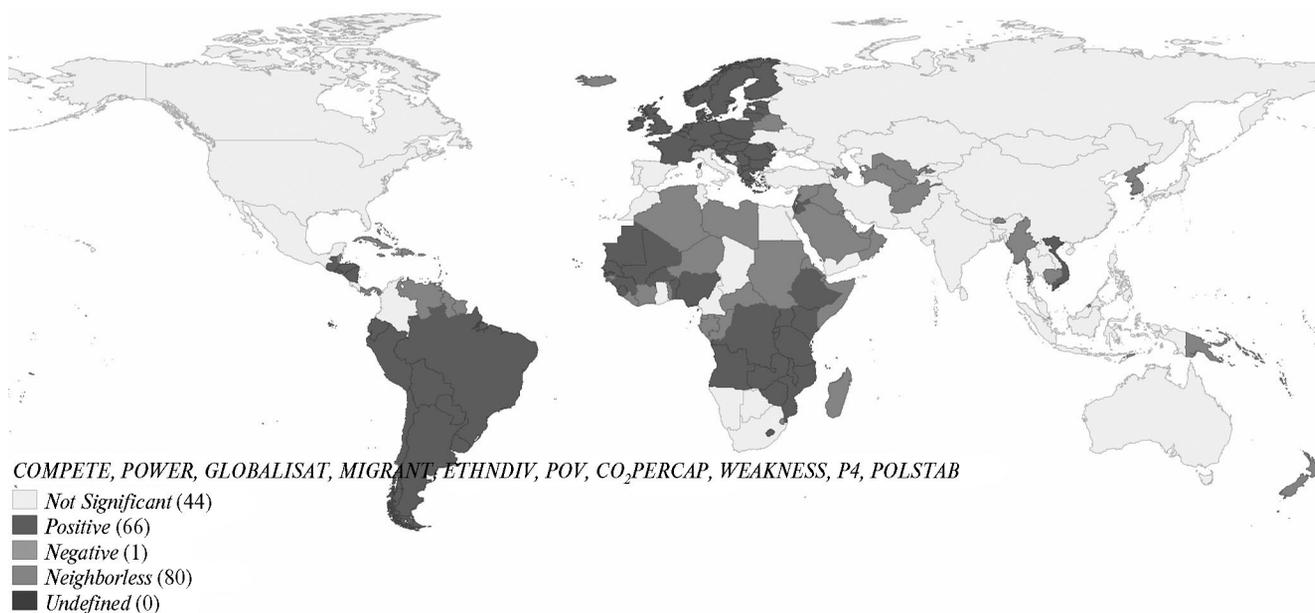

Рис. 3. Картограмма многофакторного индекса пространственной автокорреляции с географическими центроидами

элементом европейского подсистемы, с другой – имеет потенциал формирования собственной подсистемы.

“Мыслить в контексте пространства” – навык, необходимый любому международнику [26]. Опять

же под пространством подразумевается не просто набор географических характеристик, а нечто более цельное. Пространство во многом – объективная реальность, поэтому для понимания международной безопасности и перспектив ее дальнейшего развития необходим в качестве доказательной базы комплексный подход, учитывающий широкий

спектр факторов. Региональные комплексы безопасности — это универсальная теория, которая максимально точно описывает структуру международной безопасности в современных условиях. Более того, сама концепция региональных комплексов не является статичной. Изменения среды международной безопасности так или иначе будут приводить к изменению границ данных комплексов. Мониторинг вызовов, стоящих перед государствами, сможет более точно описать изменение границ комплексов и, как следствие, системы международных отношений в целом.

В результате проведения пространственного кластерного анализа по комплексу показателей, отражающих вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются современные государства, и верификации его методом многофакторного пространственного автокорреляционного анализа было подтверждено наличие трех региональных комплексов безопасности: латиноамериканского, европейского и центральноафриканского. Эти комплексы обладают схожими характеристиками внутренней и внешней среды, что в свою очередь формирует общие аспекты повестки в сфере безопасности. Говорить о существовании остальных комплексов (в том числе предложенных Б. Бузаном) было бы слишком большим статистическим допущением. При этом Россия, в силу масштабов ее территории, занимает двойственное положение: с одной стороны (при расчетах по координатам столицы), она втягивается в европейский комплекс безопасности, с другой (при расчетах по геометрическим центроидам) — откалывается от него и имеет потенциал формирования собственного комплекса безопасности.

Наличие пространственной зависимости показывает исключительную роль пространства в регионализации международной безопасности. Пространство является той самой нитью, которая связывает физические характеристики страны, общественный дискурс, ценности. Безусловно, законы и правила функционирования международной безопасности формируются самими игроками в силу столкновения их интересов, что приводит к необходимости разрешения конфликта силовым или же консенсусным путем. Более комплексная статистика и расширение границ исследования позволят увидеть эволюцию региональных комплексов безопасности, а значит, и структуру международной безопасности в целом.

Цель нашего исследования не состояла в построении новой теории региональных комплексов безопасности, но мы задались вопросом, подтверждают ли методы пространственного статистического анализа наличие региональных комплексов безопасности, широко обсуждаемых в научной литературе (в работах Б. Бузана, и не только). Ведь может получиться, что умозрительно нам кажется, что в Латинской Америке или Восточной Азии существует набор схожих вызовов и угроз для государств, на которые соседние страны реагируют построением комплексной системы реагирования (пусть даже многоядерной и асимметричной), однако в реальности мы выдаем желаемое за существующее. Для этого нами был создан инструментарий, позволяющий верифицировать те или иные предположения о существовании таких комплексов региональной безопасности. Этот инструментарий в ряде случаев подтвердил существование искомого (в Европе, Латинской Америке и в отдельных частях Африки), а в других частях света не подтвердил (вернее, степень статистической ошибки там так велика, что мы не можем делать подобные умозаключения). Кроме того, анализ показал, что в мире с точки зрения безопасности существуют два гегемона (США и Китай), которые столь могущественны, что не могут рассматриваться как часть какой-то отдельной системы безопасности, а скорее сами формируют две глобальные архитектуры безопасности. Наконец, по свету раскиданы страны (Северная Корея, Иран, Куба и т. д.), своей спецификой также выделяющиеся из окружающей системы угроз и реагирования на них. Региональных подсистем, которые бы не описывались в теоретической литературе, наша методика не обнаружила. От данного метода не стоит ожидать, что он сможет объяснить, почему система региональной безопасности выглядит тем или иным образом, как она сложилась и каковы ее перспективы, поскольку задача нашего инструментария была в другом — используя уникальную и до этого никогда не применявшуюся технику, проверить математическим моделированием существующие теоретические наработки. Надеемся, что подобный абстрагированный математический взгляд поспособствует продолжению дискуссии на данную тему.

Исследование выполнено по гранту ИМИ МГИМО № 1921-01-09 “Геополитический атлас современности: аналитическое аниморфирование, многомерное шкалирование и определение локальных индикаторов пространственной автокорреляции в мировой политике”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Buzan B., Hanson L. *The evolution of international security studies*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 400 p.
2. Walt S.M. International relations: one world, many theories. *Foreign Policy*, 1998, no. 110, pp. 29-46. DOI: 10.2307/1149275
3. Haftendorn H. The security puzzle: theory-building and discipline-building in international security. *International Studies Quarterly*, 1991, vol. 35, no. 1, pp. 3-17. DOI: 10.2307/2600386

4. Buzan B. Rethinking security after the Cold War. Cooperation and conflict. *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*, 1997, vol. 32, no. 1, pp. 5-28. DOI: 10.1177/0010836797032001001
5. Williams P. Transnational criminal organisations and international security. *Survival*, 1994, vol. 36, no. 1, pp. 96-113. DOI: 10.1080/00396339408442726
6. Buzan B., Waever O., Wilde de J. *Security: A new framework for analysis*. London, Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
7. Арбатов А. *Уравнение безопасности*. Москва, РОДП Яблоко, 2010. 296 с. [Arbatov A. *Uravnenie bezopasnosti* [Security Formula]. Moscow, RODP Yabloko, 2010. 296 p.]
8. Krause K. Theorizing security, state formation and the “Third World” in the post-Cold War world. *Review of International Studies*, 1998, vol. 24, no. 1, pp. 125-136. DOI: 10.1017/S0260210598001259
9. Buzan B., Waever O. *Regions and powers: the structure of international security*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 598 p.
10. Hopf T. The promise of constructivism in international relations theory. *International security*, 1998, vol. 23, no. 1, pp. 171-200. DOI: 10.2307/2539267
11. Freedman L. International security: changing targets. *Foreign Policy*, 1998, no. 110, pp. 48-63. DOI: 10.2307/1149276
12. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях. *Сравнительная политика*, 2012, № 2 (8), сс. 30-58. [Voskresenskii A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Contemporary IR]. *Comparative Politics Russia*, 2012, no. 2 (8), pp. 30-58.] DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58
13. Кулагин В.М. *Современная международная безопасность*. Москва, КНОРУС, 2012. 432 с. [Kulagin V.M. *Sovremennaya mezhdunarodnaya bezopasnost'* [Modern international security]. Moscow, KNORUS, 2012. 432 p.]
14. Choucri N. Migration and security: some key linkages. *Journal of International Affairs*, 2002, vol. 56, no. 1, pp. 97-122.
15. Agnew J. The territorial trap: the geographical assumptions of international relations theory. *Review of International Political Economy*, 1994, vol. 1, no. 1, pp. 53-80. DOI: 10.1080/09692299408434268
16. O'loughlin J., Anselin L. Bringing geography back to the study of international relations: Spatial dependence and regional context in Africa. *International Interactions*, 1991, vol. 17, no. 1, pp. 29-61. DOI: 10.1080/03050629108434769
17. Väyrynen R. Regional conflict formations: An intractable problem of international relations. *Journal of Peace Research*, 1984, vol. 21, no. 4, pp. 337-359. DOI: 10.1177/002234338402100403
18. Buhaug H., Gates S. The geography of civil war. *Journal of Peace Research*, 2002, vol. 39, no. 4, pp. 417-433.
19. Raleigh C. Seeing the forest for the trees: does physical geography affect a state's conflict risk? *International Interactions*, 2010, vol. 36, no. 4, pp. 384-410. DOI: 10.1080/03050629.2010.524524
20. Юргенс И.Ю., Дынкин А.А., Барановский В.Г., под общ. ред. *Архитектура евроатлантической безопасности*. Москва, Экон-Информ, 2009. 124 с. [Yurgens I.Yu., Dynkin A.A., Baranovskii V.G., eds. *Arkhitektura evroatlanticheskoi bezopasnosti* [Euro-Atlantic Security Architecture]. Moscow, Ekon-Inform, 2009. 124 p.]
21. Тимофеев И.Н. *Формула евроатлантической безопасности: стабильное сдерживание и его альтернативы*. Доклад международного дискуссионного клуба “Валдай”, 2017. [Timofeev I.N. *Formula evroatlanticheskoi bezopasnosti: stabil'noe sderzhivanie i ego al'ternativy* [Euro-Atlantic Security Formula: Stable Containment and Alternatives]. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valdai”, 2017 [Report of the International discussion club “Valdai”, 2017]] Available <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/formula-evroatlanticheskoy-bezopasnosti-stabilnoe-sderzhivanie-i-ego-alternativy/> (accessed 10.06.2020).
22. Sawada M. *Global spatial autocorrelation indices – Moran's I, Geary's C and the general cross-product statistic*. LPC publications. Available at <http://www.lpc.uottawa.ca/publications/moransi/moran.htm> (accessed 17.02.2020).
23. *Local Spatial Autocorrelation*. GeoDa. An Introduction to Spatial Data Analysis. Available at: https://geodacenter.github.io/workbook/6a_local_auto/lab6a.html (accessed 23.12.2019).
24. Anselin L. A local indicator of multivariate spatial association: extending Geary's C. *Geographical Analysis*, 2019, vol. 51, no. 2, pp. 133-150. DOI: 10.1111/gean.12164
25. Окунев И.Ю. *Политическая география*. Москва, Аспект-Пресс, 2019. 512 с. [Okunev I.Yu. *Politicheskaya geografiya* [Political geography]. Moscow, Aspekt Press, 2019. 512 p.]
26. Rhodes A. Thinking in Space: The Role of Geography in National Security Decision-Making. *Texas National Security Review*, 2019, vol. 2, no. 1. Available at: <https://tnsr.org/2019/11/thinking-in-space-the-role-of-geography-in-national-security-decision-making/> (accessed 03.02.2020).

REGIONAL SECURITY COMPLEXES**(Spatial Autocorrelation and Cluster Analysis Stimulation)**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 30-41)

Received 23.03.2020.

Igor Y. OKUNEV (*iokunev@mgimo.ru*),

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Vasily V. VINOGRADOV (*v.vinogradov@inno.mgimo.ru*),

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Acknowledgements. The article has been supported by the grant of the IIS MGIMO No. 1921-01-09 “Geopolitical Atlas of the Modern World: Cartograms Modelling, Multidimensional Scaling and Determination of Local Indicators of Spatial Autocorrelation in World Politics”.

Security studies are going through a new stage of development. The 20th century was marked by scientific discussions about globalization itself and its possible impact on international security, the need to adjust concepts and methodologies. Many modern challenges are a direct consequence of increased global interdependence. At the same time, global attention is shifting towards regions, because the processes originating there can explain and determine the structure of international security. In turn, it is vital to adopt the knowledge and methodology of regional studies and political geography to avoid the “territorial trap”. In our opinion, international studies are still missing the importance of spatiality and its influence on the world political system. Regardless the importance of geographical factor and the fact that in some way it determines the vector of the world political system development, spatiality is often overlooked. “Thinking in the space” is a skill necessary for any researcher. Spatiality is not just a set of geographical characteristics, but something more integral. Therefore, to understand international security and prospects for its further development, we need a comprehensive approach taking a wide range of factors into account. Moreover, an important problem of modern international security is the lack of comprehensive security studies at the global level that take into account the factor of space and regionalization. The research identifies Regional Security Complexes using cluster analysis of *k*-means. A spatial autocorrelation analysis is used to justify found systems, which consider the mutual influence of countries on each other. In a nutshell, it can explain regionalization of international security and the role of spatial factor in this process, create methodological framework for further analysis of Regional Security Complexes.

Keywords: international security, regionalization, spatiality, territoriality, regional security complexes, spatial analysis.

About authors:

Igor Y. OKUNEV, Candidate of Political Science, Professorial Research Fellow, Director of Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies.

Vasily V. VINOGRADOV, Intern Researcher, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-30-41

КОРОНАКРИЗИС В ЕС: НОКАУТ ИЛИ ТРАМПЛИН ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ?

© 2021 г. Д. Чупина

ЧУПИНА Дарья Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики УрО РАН, РФ, 620014 Екатеринбург, ул. Московская, 29 (daria.chupina@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 25.10.2020.

Исследуется влияние первой волны новой коронавирусной инфекции на институциональное развитие Европейского союза. Показано, что распространение заболевания и карантинные меры вызвали беспрецедентно глубокий спад в европейской экономике, а согласованный план восстановления несет риск эрозии системы наднационального управления и угрозу политизации в странах-членах ввиду запоздалости и ограниченности потенциала принятых решений. В то же время при должной корректировке механизмов реализации антикризисной политики и восстановлении ведущей роли наднациональных механизмов регулирования сохраняется возможность укрепления интеграции.

Ключевые слова: Европейский союз, кризис, коронавирус, межправительственный подход, неофункционализм, постфункционализм.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-42-49

Кризисы являются неотъемлемой частью любой экономической системы, они обладают одновременно созидательным и разрушительным потенциалом. Пластичные интеграционные структуры могут по-разному реагировать на возникающие внутренние и внешние шоки. Между противоположными исходами сохранения интеграции и ее распада существуют варианты трансформации целей группировки (тип объединения “иной путь”) или затухания активности при формальном сохранении институтов (типы “кома”, “зомби”) (подробнее см. [1]). Перспективы ЕС в условиях постоянных кризисных явлений последнего десятилетия также поливариантны. Рассматриваются варианты федерализации Союза, полицентричных форм с дифференцированным составом и целями, выхода отдельных стран (например, см. [2, 3, 4, 5]). Предположительно коронакризис станет самым большим потрясением за все время существования объединения и для европейской экономики будет сопоставим по масштабу с Великой депрессией [6]. В совокупности с целым клубком давних проблем пандемия с новой остротой ставит вопрос о жизнеспособности европейского интеграционного проекта.

Попытаемся оценить влияние коронакризиса (по состоянию на конец лета 2020 г.) на дальнейшие перспективы ЕС с позиций основных теорий интеграции. Ясно, что прогнозировать исход кризиса, вызванного новой коронавирусной инфекцией, пока невозможно, поскольку он зависит от большого числа факторов, в том числе развития пандемии. Однако представляется важным подвести промежуточный итог первой волны заболевания и ее последствий. Какие процессы внутри ЕС

усилились или, наоборот, ослабли? Как отреагировали национальные и наднациональные органы управления? Станет ли коронакризис непреодолимым дестабилизирующим фактором или, наоборот, импульсом для обновления и дальнейшего развития?

КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Существует достаточно широкий спектр теоретических трактовок взаимосвязи кризиса и интеграции. Они варьируются от представления интеграции как процесса, формируемого кризисами (нео-неофункциональная теория), до отрицания уникального влияния шоков на интеграцию (межправительственный подход, или интерговернментализм).

Нео-неофункциональная теория рассматривает интеграцию как последовательность “циклов принятия решений” (*decisive cycles*), где триггером каждого нового витка являются внутренние противоречия или внешние шоки, требующие пересмотра стратегий стран-членов и объединения в целом, а следовательно, корректировки полномочий региональных органов управления [7, p. 844]. По мере того как крепнут наднациональные институты и именно они, а не национальные акторы, начинают оказывать определяющее влияние на принимаемые в объединении решения, циклы эволюционируют от “стартовых” (*initiating cycle*) к “цементирующим” (*priming cycles*) и, наконец, “трансформирующим” (*transforming cycles*) [8].

Нео-неофункциональная теория оспаривает идею “автоматического перелива” (*automaticity*

of spillover) Э. Хааса [8], указывая на множественность стратегий стран-членов внутри каждого цикла (*spill-around, spillover, buildup, retrench, spill-back, muddle-about, encapsulation*) [7, pp. 844-846]. Таким образом, итогом каждого отдельного кризиса может стать как расширение, так и сужение широты и изменение уровня полномочий наднациональных институтов, причем динамика может быть разнонаправленной в разных сферах интеграции.

Исход “цикла принятия решений” определяется широким набором внутренних и внешних условий. При этом слишком сильные изменения одного или нескольких факторов могут привести к торможению интеграции из-за ограниченной адаптивной способности любой институциональной структуры [7, pp. 844-846].

Нео- и постфункционалисты выделяют следующие факторы, определяющие исход кризиса для интеграционного проекта. *Неофункционалисты* указывают на определяющую роль двух характеристик интеграции: взаимозависимость стран-членов и развитость наднациональных институтов. Если экономика стран-членов в значительной степени зависит от стабильно работающих интеграционных механизмов (например, свободной торговли с партнерами по интеграции, возможности снятия давления на национальный рынок труда через миграцию работников в соседние страны, единой валюты и т. п.), то страны скорее будут стремиться сохранить союз, потому что потери от распада и затраты на перестройку системы государственного регулирования окажутся слишком высокими.

Кроме того, вероятнее всего, сильные наднациональные институты с широкими полномочиями и достаточным бюджетом смогут выработать и реализовать антикризисные мероприятия. При слабой системе наднационального управления страны рискуют замкнуться в единоличных попытках спасения, которые могут не только оказаться менее эффективными, но и нанести урон партнерам по интеграции, усугубив состояние экономики всего объединения [9, p. 974]. Таким образом, высокая взаимозависимость стран-членов в совокупности с выстроенной архитектурой наднационального управления создает своего рода благоприятный “эффект колеи” и позволяет интеграции успешно преодолевать шоки [10, pp. 142-148].

Представители *постфункционализма* считают, что кризис приводит к политизации в государствах-членах, то есть росту общественного внимания к политике объединения и ее влиянию на экономику стран-участниц [11, p. 560]. Стержнем политизации выступает национальная идентичность, которая может противопоставляться идее интеграции. Высокая степень политизации масс чревата ростом влияния партий, выступающих

за ограничение наднациональных полномочий, и требованиями о проведении референдума за выход из объединения. Это, безусловно, сковывает правительства и наднациональные институты в продвижении интеграционных инициатив [12, pp. 8-9, 12-14, 21].

Можно сказать, что в рамках *межправительственного подхода* кризис не рассматривается как самостоятельный фактор развития интеграции [9, p. 972]. Интерговерменталисты считают, что интеграция является результатом межправительственных переговоров, которые в любых обстоятельствах (и в условиях кризиса в том числе) зависят от интересов стран-участниц, их переговорной силы и спроса на надежные межправительственные соглашения [13, pp. 484, 486-487, 497-507, 510-511]. Конечно, эти факторы в свою очередь подвержены влиянию кризиса. Очевидно, что степень и масштаб изменений в экономике стран под воздействием внешних и/или внутренних шоков определяют их потребность в тех или иных мерах регулирования.

На переговорную силу правительств влияет асимметрия взаимозависимости стран-членов и неравномерное распределение выгод от интеграции. В наиболее уязвимой переговорной позиции находятся страны, сильнее других задеты кризисом и нуждающиеся в помощи, а также те, кто наиболее заинтересован в интеграции либо из-за значительных выгод членства, либо из-за существенных потерь в случае распада.

Спрос на межправительственные соглашения определяется ситуацией на домашней политической арене. Готовность национальных правительств к передаче своих полномочий на наднациональный уровень зависит от того, позволит ли этот шаг укрепить положение правящих элит внутри страны [9, p. 973].

Важно заметить, что рассмотренные теории не противоречат друг другу. Важно то, что они позволяют с разных сторон взглянуть на многогранные процессы региональной интеграции и аналитически выделить широкий набор индикаторов потенциального исхода кризиса.

ВСПЫШКА *COVID-19* В ЕС: МАСШТАБ И АНТИКРИЗИСНАЯ ПОЛИТИКА

В январе 2020 г. первые случаи новой коронавирусной инфекции были зафиксированы в пяти странах ЕС. В марте она затронула все объединение, которое было признано ВОЗ одним из эпицентров пандемии. По состоянию на конец августа 2020 г. на три страны — Испанию, Францию, Италию — приходилось 52% всех заболевших и 68% умерших от

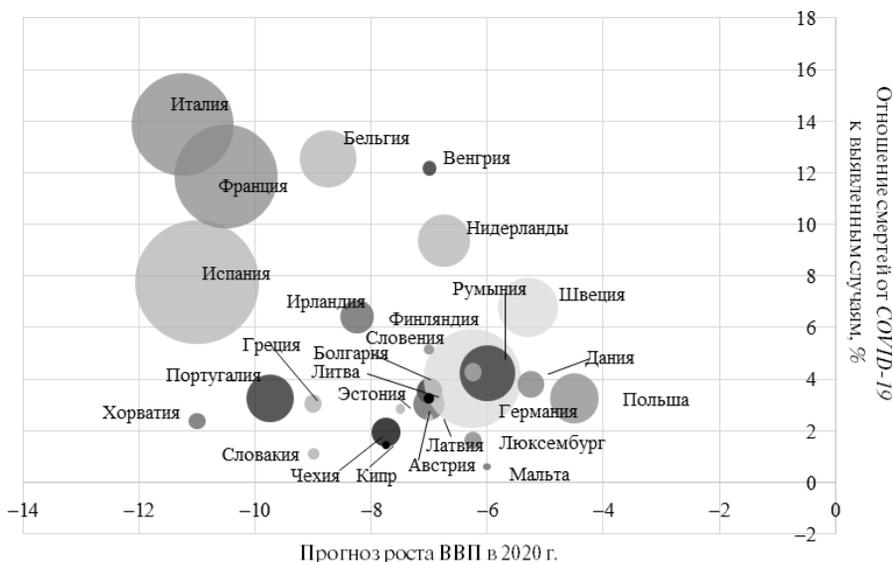

Рис. 1. Влияние COVID-19 на страны – члены ЕС, %

Примечание. Размер окружности отражает количество выявленных в стране случаев COVID-19 по состоянию на 20.08.2020.

Составлено по данным: [14, 15].

COVID-19 в ЕС¹. В этих же странах по итогам 2020 г. ожидается наибольший (более 10%) спад ВВП (рис. 1). Однако в целом глубина кризиса в большей степени зависит не от самой эпидемиологической ситуации, а от структуры экономики (доли малых и средних предприятий, вклада сектора услуг, развитости рынка капиталов) [16]. Именно она определяет, как страна преодолит последствия массовой приостановки работы предприятий и организаций.

В начале пандемии в ЕС доминировал принцип “каждый сам за себя”, выразившийся в ограничении внутриблоковой торговли средствами индивидуальной защиты, отказе соседей в помощи Италии и т. п. [17]. После нескольких недель растерянности и дискоординации (вызванной в том числе отсутствием четкого понимания опасности болезни и масштабов последствий) к середине марта на фоне быстрорастущего числа новых случаев COVID-19 Европейская комиссия наконец перешла от ободряющей риторики² к первым выплатам³ и конкретным предложениям по ослаблению финансового регулирования (рис. 2).

За следующие два месяца в дополнение к национальным мерам поддержки, размер которых колебался вокруг уровня около 12% ВВП отдельных стран-членов [20], ЕС ввел бюджетные меры в раз-

мере 3.2% ВВП и создал механизмы предоставления ликвидности в объеме 22% ВВП [21]. В целом борьба с последствиями вспышки заболевания и последовавшего карантина была сосредоточена на двух направлениях: финансовом (предоставление доступа к капиталу) и регуляторном (смягчение правил для обеспечения большей гибкости управления) (рис. 3).

В марте–июне 2020 г. государства-члены и Брюссель сформировали пакет срочных мер спасения европейской экономики. Выработанные механизмы рассчитаны на срок преимущественно до конца 2020 г. (второй пакет ЕЦБ по покупке активов PEPP II – до середины 2021 г., программа ЕСМ Pandemic Crisis Support – до декабря 2022 г.).

Для реализации пакета помощи объемом до 1.97 трлн евро привлечены четыре института: Европейский центральный банк (ЕЦБ), Европейский стабилизационный механизм (ЕСМ/ESM), Европейский инвестиционный банк (ЕИБ/EIB), Европейская комиссия (ЕК). Основной вклад (1.35 трлн евро) внесли два раунда выкупа ЕЦБ ценных бумаг и долговых обязательств компаний и стран – членов ЕС (PEPP I, PEPP II).

ЕСМ запустил схему Pandemic Crisis Support для получения странами еврозоны займов в размере до 2% своего ВВП. ЕИБ выступил оператором грантовой поддержки бизнеса, особенно малых и средних предприятий (МСП). Наконец, ЕК смогла мобилизовать 180.4 млрд евро для снижения безработицы (SURE – 100 млрд евро), борьбы с последствиями пандемии (перенаправление средств фондов ЕС –

¹ Рассчитано автором по данным [14].

² 11 марта 2020 г. глава Еврокомиссии У. фон дер Ляйен в своем обращении сказала, что “сейчас в Европе мы все итальянцы”.

³ 13 марта 2020 г. страны ЕС-27 получили 37 млрд евро из нераспределенных средств Фонда единства ЕС.

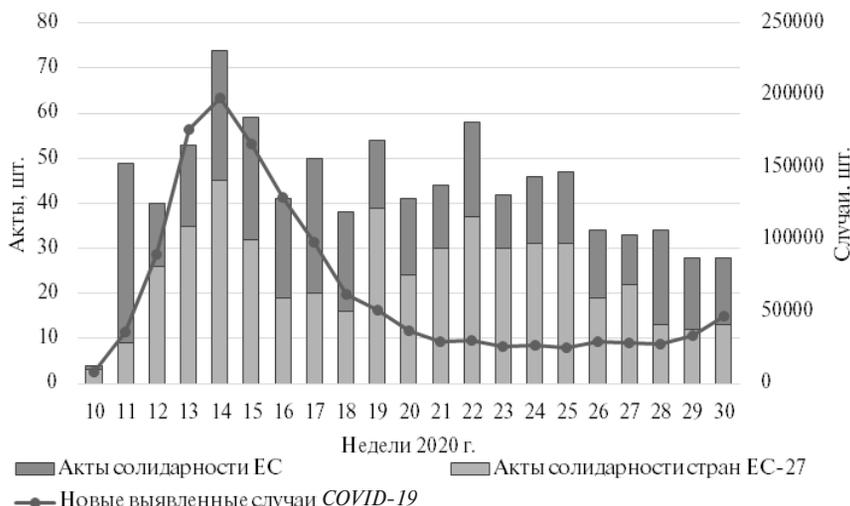

Рис. 2. Проявления солидарности в ЕС на фоне пандемии COVID-19

Примечание.

Акты солидарности – любые действия, демонстрирующие единство ЕС и взаимопомощь. Включает следующие виды солидарности: медицинская (поставка медицинских изделий и лечение); экономическая (финансовая и иная экономическая поддержка преодоления кризиса); декларируемая (заявления лидеров о единстве и поддержке); частная (инициативы людей и групп граждан).

Акты солидарности стран ЕС-27 – действия отдельных стран – членов ЕС.

Акты солидарности ЕС – действия наднациональных органов ЕС.

Составлено по данным: [18, 19].

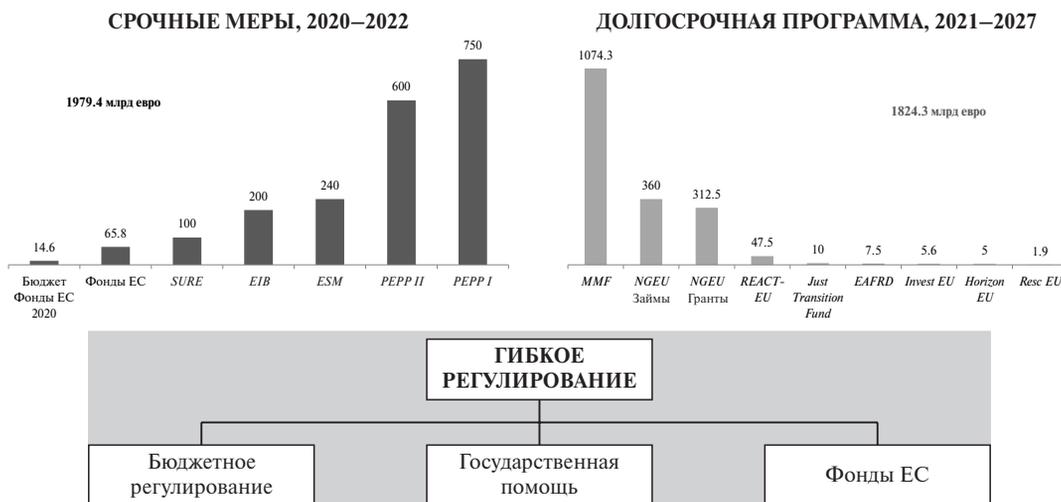

Рис. 3. Подходы ЕС к преодолению коронакризиса

Составлено по данным: [22, 23, 24].

65.8 млрд евро), закупки медицинских изделий, производства тест-систем, эвакуационных рейсов для граждан ЕС и т. п. (корректировка бюджета ЕС 2020 г. – 14.6 млрд евро).

Безусловно, на коротком треке у ЕК мало простора для финансового маневра. Однако на следующий бюджетный период 2021–2027 гг. в дополнение к основному финансовому плану (ММФ) высший исполнительный орган ЕС выдвинул инициативу *Next Generation EU (NGEU)*. Средства в размере

750 млрд евро будут получены из принципиально нового источника – размещения коллективных ценных бумаг ЕС, что даст членам Союза с низким кредитным рейтингом доступ к финансовым ресурсам на более выгодных условиях. При этом более половины средств будет направлено в форме грантов, что позволит избежать дополнительной долговой нагрузки для заемщиков.

Почти для пятой части грантов предусмотрен целевой характер и распределение через специ-

ализированные фонды и программы. Наиболее объемная из них — *ReactEU* — по сути является надстройкой к политике выравнивания ЕС с дополнительным финансированием почти в 50 млрд евро в 2020–2022 гг. и более гибким регулированием. Запланированные средства предназначены для укрепления рынка труда и системы здравоохранения в странах и регионах, наиболее пострадавших от коронакризиса.

Пандемия также обусловила дополнительные транши в *HorizonEU* (исследования в области здоровья и климата) и *RescEU* (борьба с крупномасштабными чрезвычайными ситуациями). Незначительная часть грантов *NGEU* запланирована для поддержки главной цели следующей семилетки — климатически нейтральной экономики. Для смягчения последствий “зеленой сделки” в рамках *NGEU* выделено 23,1 млрд евро через *Just Transition Fund*, *European Agricultural Fund for Rural Development (EAFRD)* и *InvestEU*.

Еще одним важным вкладом в преодоление коронакризиса стали временные послабления в правилах и нормах регулирования ЕС:

- последствия вспышки *COVID-19* признаны достаточным условием для государственной помощи согласно ст. 107(3)(b) Соглашения о функционировании ЕС [25];

- действие Пакта стабильности и роста в части потолка государственного долга (60% ВВП) и дефицита бюджета (3%) приостановлено [26];

- новые правила работы фондов ЕС разрешают трансферы между фондами, полное финансирование проектов со стороны ЕС без дополнительного вклада страны-бенефициара, увеличивают максимальные размеры выплат и пр. [27, 28].

В новых институциональных рамках страны ЕС-27 выделили более 3 трлн евро для поддержания ликвидности пострадавших компаний и банков (в том числе опираясь на новые правила оказания государственной помощи), а также 575 млрд евро — на преодоление последствий пандемии, используя снятие бюджетных лимитов Пакта стабильности и роста [29].

Таким образом, новое заболевание и вызванный им карантин привели Европу к глубочайшему за последние 100 лет кризису одновременно и со стороны спроса, и со стороны предложения. Очевидно, что спустя несколько месяцев после вспышки *COVID-19* в Европе преждевременно судить об эффективности принятых мер. Кроме того, бюджет 2021–2027 гг. еще должен получить одобрение национальных и Европейского парламентов. Последний уже высказал целый ряд замечаний к предложенному проекту [30]. Тем не менее промежуточные итоги первой волны важны для понимания

узких мест дальнейшего восстановления европейской экономики и развития интеграции в целом.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЕС ПОД ВЛИЯНИЕМ КОРОНАКРИЗИСА

На первый взгляд коронакризис в ЕС может пойти по “благоприятному” сценарию кризиса еврозоны 2008–2012 гг., когда “эффект колеи” вывел страны-члены на выработку необходимых решений. В 2020 г. изоляционизм и распад ЕС также чреват исключительными потерями для экономик стран-членов, которые будет невозможно компенсировать в условиях обрушивающихся рынков. Это должно подтолкнуть страны к поиску компромисса (что в целом и произошло после трудных переговоров).

“Историческое” решение ЕС-27 о введении коллективных заимствований льет воду на мельницу позитивных ожиданий. Наконец, залог благополучного исхода кризиса — прямое участие наиболее сильных наднациональных институтов (ЕК, ЕЦБ), которые имеют полномочия и финансы для активных действий. Однако именно здесь и скрыта первая ловушка принятой антикризисной программы.

Право любой страны опротестовать программу восстановления соседа при ее рассмотрении в ЕК не только создает благодатную почву для взаимных уколов и шантажа, но и приводит к эрозии принципов наднационального управления и укреплению взаимодействия на межгосударственной основе. Последнее опасно тем, что ставит общеевропейские решения в прямую зависимость от национальных политических элит, которые в свою очередь подчиняются требованиям своего электората [31], хотя с позиций нео-неофункциональной теории этот откат может рассматриваться как проявление нормального течения интеграционного процесса.

Взгляд на ситуацию с позиций межправительственного подхода показывает, что сделка на саммите 17–21 июля 2020 г. оставила неразрешенные вопросы, которые становятся бременем для дальнейшего развития ЕС. Наиболее задетые *COVID-19* страны (преимущественно представители экономического “юга” ЕС) требовали расширения пакета помощи и льготных условий ее предоставления. Менее пострадавшие страны европейского “севера” видели в этих требованиях очередное проявление иждивенчества и в свою очередь настаивали на системе контроля расходов, надеясь повысить отдачу от вложений в хронически отстающих соседей.

Более сильная переговорная позиция так называемой скупой четверки (Австрии, Дании, Нидерландов, Швеции) позволила ей добиться уступок со стороны оппонентов. Во-первых, введен принцип увязки получения поддержки с пакетом

реформ, которые должны быть одобрены ЕС. Во-вторых, предусмотрена возможность отказа в доступе к финансированию странам, нарушающим верховенство права и другие фундаментальные принципы евроинтеграции. В-третьих, “скупая четверка” смогла уменьшить суммы собственных отчислений в европейский бюджет. В-четвертых, сокращена доля грантов в общем пакете *NGEU*.

Более того, утвержденный на саммите вариант механизма распределения грантов отличается от майского проекта ЕК в сторону большего веса показателей размера, а не уровня развития экономики. От новой системы распределения выиграют только две страны: Франция и Германия. Для остальных 25 стран ЕС суммы грантов снизились: например, на 11.4 млрд евро для Польши и 9.6 млрд евро для Испании⁴, а для Эстонии и Финляндии – на 40% [32].

Таким образом, итоговые суммы грантов не сыграют решающей роли в восстановлении стран – членов ЕС. Так, падение экономики Италии в 2020 г. скорее всего превысит 10%, в то время как предполагаемая чистая сумма гранта от ЕС составит не более 0.6% ВВП в 2021–2023 гг. [33].

Дальнейшие переговоры осложнятся неравномерным спросом на межправительственные соглашения внутри объединения. Среди стран-членов есть явные адвокаты европейской интеграции. Например, Франция, чей президент поставил успех ЕС и лидерство в Союзе во главу своей предвыборной кампании. Противоположную позицию занимают Нидерланды, где участники внутривнутриполитической борьбы пытаются разыграть карту выхода из ЕС.

Однако интеграционная политика стран-членов зависит от предпочтений избирателей. Шок такой силы, как пандемия, в равной степени мог усилить и евроскептиков, и проевропейских федералистов. Опросы европейцев показывают, что несмотря на преобладающее недовольство (46–52% опрошенных) действиями Брюсселя, значительная часть населения (63–69%) выступает за укрепление наднационального регулирования [34, 35].

Возможно, ключ к пониманию этой связки кроется не во внутривнутриполитических предпочтениях граждан ЕС, а в их оценках будущих глобальных контуров. Более 40% опрошенных считают, что крах послевоенного мультилатерализма и растущая конкуренция между США и КНР заставляют Европу сплотиться, чтобы сохранить независимость стран ЕС-27 и остаться самостоятельным актором международных отношений [39].

Политизация является еще одним фактором, определяющим спрос на межправительственные соглашения. В начале коронакризиса национальная и европейская идентичности оказались проти-

вопоставлены друг другу. Это было использовано правыми партиями (например, в Италии, Польше, Венгрии) для укрепления антиевропейского курса и может быть использовано вновь.

* * *

Коронакризис стал квинтэссенцией кризисов предыдущего десятилетия. Нерешенные проблемы оказались вновь подняты на поверхность. Часть их них (национализация фискальной политики при единстве монетарной, отклонение от основных принципов евроинтеграции) получила варианты разрешения, проблемность другой части (столкновение национальной и европейской идентичности с возможным выходом стран из состава Союза), наоборот, усилилась.

Политика стран-членов и Брюсселя во время первой волны заболевания заложила три ловушки на пути дальнейшего развития ЕС. Первая и главная – сдвиг в сторону межгосударственного взаимодействия и ослабление наднациональных институтов, попадающих под влияние переменчивых и противоречивых предпочтений электората в отдельных странах-членах. Во-вторых, начальный период бездействия скомпрометировал европейские институты в глазах европейской общественности, предоставив козырь в руки правых политических кругов в странах Союза. Наконец, внушительные в общем объеме программы помощи при детальном рассмотрении и с учетом конкретных механизмов реализации могут иметь достаточно скромный восстановительный эффект, что в очередной раз усилит евроскептиков.

Тем не менее выработка общего плана выхода из кризиса – важный сигнал сохранения способности к взаимодействию. Успешность реализации намеченного, пожалуй, будет зависеть от трех факторов:

1. Время – оптимально утвердить узловые точки восстановления экономики ЕС до выборов глав государств в Германии и Франции, поскольку в нынешних условиях именно этот тандем во многом удерживает партнеров в Союзе.

2. Исполнение – реализация программы восстановления требует конкретизации таких деталей, как механизм санкций за нарушение основных принципов ЕС, введение новых источников бюджета ЕС (например, углеродный и цифровой налоги).

3. Дискурс – с учетом запроса населения на сильные европейские институты и сохранение мирового лидерства ЕС при подорванном доверии к действующей власти важен посыл, сопровождающий предлагаемые программы восстановления. Вероятно, оправданной станет замена дискредитированной идеи солидарности на защиту национальных интересов каждой отдельной страны Союза с помощью общих инструментов.

⁴ В ценах 2018 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Региональные организации: типы и логика развития*. Санкт-Петербург, ЦИИ ЕАБР, 2016. 88 с. [Regional organizations: the logic of development. St. Peterburg, CII EABR, 2016. 88 p. (In Russ.)]
2. Арбатова Н. Будущее европейской интеграции в контексте внутренних и внешних кризисов. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 10, сс. 57-65. [Arbatova N. Budushchee evropeiskoi integracii v kontekste vnutrennikh i vneshnikh krizisov [Future of European integration in the context of internal and external crises]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 61, no. 10, pp. 57-65.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-57-65>
3. Хесин Е. Экономика Европейского союза: итоги посткризисного десятилетия. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 1, с. 73-81. [Khesin E. Ekonomika Evropeiskogo soyuza: itogi postkrizisnogo desyatiletiya [Economy of the European Union: a decade after the crisis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 1, pp. 73-81.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-73-81>
4. *White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU-27 by 2025. COM(2017)2025*. Brussels, EU, 01.03.2017.
5. Maher R. International Relations Theory and the Future of European Integration. *International Studies Review*, 2019. DOI: 10.1093/isr/viaa010
6. European Economic Forecast. Spring 2020. *Institutional Paper 125*, May 2020. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ip125_en.pdf (accessed 20.08.2020).
7. Schmitter P. A Revised Theory of Regional Integration. *International Organization*, 1970, no. 24, pp. 836-868. DOI: 10.1017/S0020818300017549
8. Niemann A., Lefkofridi Z., Schmitter P. Neofunctionalism. *European Integration Theory*. Wiener A., Börzel T.A., Risse T., eds. Oxford, Oxford University Press, 2018, pp. 43-63.
9. Schimmelfennig F. European Integration (Theory) in Times of Crisis. A Comparison of the Euro and Schengen Crises. *Journal of European Public Policy*, 2018, vol. 25, no. 7, pp. 969-989. DOI: 10.1080/13501763.2017.1421252
10. Pierson P. The Path to European Integration. A Historical Institutional Analysis. *Comparative Political Studies*, 1996, vol. 29, no. 2, pp. 123-163. DOI: 10.1177/0010414096029002001
11. De Wilde P. No Polity for Old Politics? A Framework for Analyzing the Politicization of European Integration. *Journal of European Integration*, 2011, vol. 33, no. 5, pp. 559-575. DOI: 10.1080/07036337.2010.546849
12. Hooghe L., Marks G. A Postfunctionalist Theory of European Integration: from Permissive Consensus to Constraining Dissensus. *British Journal of Political Science*, 2009, vol. 39, no. 1, pp. 1-23. DOI: 10.1017/S0007123408000409
13. Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach. *Journal of Common Market Studies*, 1993, vol. 31, no. 4, pp. 473-524. DOI: 10.1111/j.1468-5965.1993.tb00477.x
14. *COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University*. Available at: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed 20.08.2020).
15. European Economic Forecast. Summer 2020 (Interim). *Institutional Paper 132*, July 2020. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ip132_en.pdf (accessed 21.08.2020).
16. Conte A., Lecca P., Sakkas S., Salotti S. The Territorial Economic Impact of COVID-19 in the EU. A RHOMOLO Analysis. *Territorial Development Insight Series*, July 2020. Available at: <https://ec.europa.eu/jrc/sites/jrcsh/files/jrc121261.pdf> (accessed 23.08.2020).
17. Di Feo G. Coronavirus: "François, ouvrez les yeux sur le drame que vit l'Italie, livrée à elle-même!" *Le Figaro*, Mars 15, 2020. Available at: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/coronavirus-francais-ouvrez-les-yeux-sur-le-drame-que-vit-l-italie-livree-a-elle-meme-20200315> (accessed 05.08.2020).
18. *European Council on Foreign Relations EU Solidarity Tracker*. Available at: <https://www.ecfr.eu/solidaritytracker> (accessed 20.08.2020).
19. *WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard*. Available at: <https://covid19.who.int/> (accessed 26.08.2020).
20. Revoltella D. COVID-19 Policy Response and the Role of the EIB. *SUERF Policy Briefs*, May 2020, no. 8. Available at: https://www.suerf.org/docx/f_2bec63f5d312303621583b97ff7c68bf_13167_suerf.pdf (accessed 22.08.2020).
21. Revoltella D., Strauch R., Verwey M. *Helping People, Businesses and Countries in Europe*. Available at: <https://www.esm.europa.eu/blog/helping-people-businesses-and-countries-europe> (accessed 22.08.2020).
22. *Monetary Policy Decisions*. European Central Bank Press Release. June 4, 2020. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/press/pr/date/2020/html/ecb.mp200604~a307d3429c.en.html> (accessed 18.08.2020).
23. *Recovery Plan for Europe*. Available at: https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en (accessed 18.08.2020).
24. *COVID-19: the EU's Response to the Economic Fallout*. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/coronavirus/covid-19-economy/#> (accessed 18.08.2020).
25. *Temporary Framework for State Aid Measures to Support the Economy in the Current COVID-19 Outbreak. Communication from the Commission, C(2020) 1863*. Brussels, EU, 19.03.2020.
26. *Communication from the Commission to the Council on the Activation of the General Escape Clause of the Stability and Growth Pact, COM(2020) 123*. Brussels, EU, 20.03.2020.

27. *Amending Regulation (EU) no. 1303/2013, Regulation (EU) no. 1301/2013 and Regulation (EU) no.508/2014 as Regards Specific Measures to Mobilise Investments in the Health Care Systems of the Member States and in Other Sectors of Their Economies in Response to the COVID-19 Outbreak [Coronavirus Response Investment Initiative], Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council. COM/2020/113 final. Brussels, EU, 13.03.2020.*
28. *Increase of Payment Appropriations for the Emergency Support Instrument to Finance the COVID-19 Vaccines Strategy and for the Impact of the Corona Response Investment Initiative Plus. Draft Amending Budget № 8 to the General Budget 2020, COM/2020/900 final. Brussels, EU, 28.08.2020.*
29. *Jobs and Economy during the Coronavirus Pandemic.* Available at: https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/health/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic_en (accessed 16.08.2020).
30. *Conclusions of the Extraordinary European Council Meeting of 17–21 July 2020. European Parliament Resolution. 2020/2732(RSP).* Brussels, EU, 23.07.2020.
31. Бордачев Т. *Магический шар европейской интеграции: что дальше?* [Bordachev T. *Magicheskii shar evropeiskoi integratsii: chto dal'she?*] [Magic ball of European integration: what's next?]] Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/magicheskij-shar-ebro/?fbclid=IwAR1mJ0TWQqesLLzDbRIIoaIFjqseHlp8aWpI6uhsTNalsNJ00GsF9bMafo> (accessed 20.08.2020).
32. Darvas Z. *Having the Cake, but Slicing It Differently: how Is the Grand EU Recovery Fund Allocated?* *Bruegel*, July 23, 2020. Available at: <https://www.bruegel.org/2020/07/having-the-cake-how-eu-recovery-fund/> (accessed 20.08.2020)
33. Varoufakis Y. *The EU Coronavirus Fund Will Take Europe another Step to Disintegration.* *The Guardian*, July 24, 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/world/commentisfree/2020/jul/24/eu-coronavirus-fund-europe-recovery-package> (accessed 03.08.2020).
34. *Public Opinion Monitoring at a Glance in the Time of COVID-19.* May 27, 2020. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/eurobarometer/2020/covid19/en-public-opinion-in-the-time-of-COVID19-27052020.pdf> (accessed 20.08.2020).
35. Krastev I., Leonard M. *Europe's Pandemic Politics: how the Virus Has Changed the Public's Overview.* European Council of Foreign Relations, ECFR/326, June 2020. Available at: https://www.ecfr.eu/page/-/europes_pandemic_politics_how_the_virus_has_changed_the_publics_worldview.pdf (accessed 29.08.2020).

CORONACRISIS IN THE EU: A KNOCK-DOWN OR A JUMP-OFF FOR INTEGRATION?

(World Economy And International Relations, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 42-49)

Received 25.10.2020.

Darya A. CHUPINA (daria.chupina@gmail.com)

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Moskovskaya Str., 29, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation.

The spread of the new coronavirus infection and the ensuing lock-down dealt a devastating blow to the EU economy. The depth of the crisis, as well as the difficulties of developing a common recovery program, put under question the EU ability to overcome this challenge. As long as the first wave of COVID-19 is over, the stage of urgent measures responding to unexpected threats is over, the long-term anti-crisis program is negotiated, it is possible and necessary to summarize the interim results of the impact of the COVID-19 outbreak on the European economy. The purpose of this article is not only to assess the impact of the first wave of the pandemic on the European economy and systematize the anti-crisis measures taken, but also to analyze the role of the coronacrisis in the further development of the EU through the prism of the main integration theories. The study revealed that the coronavirus crisis has not (yet) brought the European integration to its final. Faced to a huge threat to security and well-being, European leaders managed to negotiate a recovery plan. The disadvantages of the deal are the risk of erosion of the supranational governance and the threat of politicization due to belated decisions with limited potential. However, the majority of EU citizens still support further strengthening of the integration. To maintain this momentum, it is important to quickly finalize the mechanisms for implementing the recovery program in order to reduce public discontent and prevent the replacement of supranational governance by intergovernmental interaction.

Keywords: the European Union, crisis, coronavirus, neofunctionalism, intergovernmentalism, postfunctionalism.

About author:

Darya A. CHUPINA, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-42-49

ОРДОЛИБЕРАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

© 2021 г. Д. Трубников

*ТРУБНИКОВ Дмитрий Алексеевич, доктор философии (PhD), доцент,
Санкт-Петербургская школа экономики и менеджмента, Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”, РФ, 194100 Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, 3 (da.trubnikov@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 20.09.2020.

В дискуссии о месте и роли ордолиберальных взглядов в современной европейской экономической политике в последнее время звучат противоречивые заявления как об ордолиберальном фундаменте современной Европы, так и о необходимости возврата к проведению ордолиберальных реформ. Эта дискуссия часто обнаруживает неправильное толкование основных положений ордолиберальной доктрины, что обусловлено политическими, экономическими и идеологическими мотивами. Вместе с тем можно утверждать, что на фоне растущего уровня концентрации экономической власти вполне оправданными звучат призывы о необходимости выстраивать экономическую политику на принципах, провозглашенных фрайбургской школой, которые продолжают оставаться реальной альтернативой как неоклассическому мейнстриму, так и стремлению социалистов дирижировать социально-экономическими процессами.

Ключевые слова: ордолиберализм, фрайбургская школа, европейская интеграция, экономическая политика, антимонопольное регулирование, концентрация экономической власти, социальное рыночное хозяйство, конкурентный порядок.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-50-57

В последнее десятилетие в европейской научной дискуссии, посвященной вопросам социально-экономической политики, наблюдается заметный всплеск интереса к идеям так называемой фрайбургской школы экономики и права, известной также как ордолиберализм. Данная тема многократно поднималась в совершенно разных научных изданиях и активно обсуждалась представителями различных научных взглядов. В 2019 г. некоторые известные журналы посвятили этой тематике свои номера целиком¹. Звучат заявления о возрождении ордолиберализма или, точнее, о возврате к этой идеологии, которая, казалось бы, уже потеряна для основного научного направления, и это возрождение в первую очередь объясняется реакцией на финансовый кризис 2008 г. [1].

Однако далеко не все соглашаются с термином “возрождение”, и даже, напротив, видят в ордолиберальной программе главный источник бед современной Европы, что особенно громко звучит на фоне заявлений об “авторитарном либерализме” [2] и европейской “ордолиберальной железной клетке” [3].

Попробуем оценить, насколько обоснованы заявления как о возрождении ордолиберальной мысли, так и об ордолиберальном фундаменте со-

временной европейской экономической политики. Можно ли вообще говорить об “ордолиберализации Европы” [4, р. 995] или гораздо резоннее звучат рассуждения о перспективах приложения идей фрайбургской школы к проблемам наших дней и проведения возможных ордолиберальных реформ [5]? Также анализируется место взглядов фрайбургской школы в современном спектре направлений социально-экономической мысли и объясняется, почему сегодняшняя дискуссия очень часто сталкивается с мифами и неправильным толкованием основных положений ордолиберальной доктрины.

ФРАЙБУРГСКАЯ ШКОЛА И ФИЛОСОФИЯ ПОРЯДКОВ

Фрайбургская школа экономики и права появилась в Германии в 30-е годы прошлого века. Ее связывают в первую очередь с именами экономиста В. Ойкена и юриста Ф. Бёма, работавших во Фрайбургском университете. Они были озабочены процессами, происходившими тогда в Германии, и пытались, во-первых, научно объяснить их фундаментальные причины, а во-вторых, понять, как общество могло бы обезопасить себя от тоталитарных тенденций. Главную их причину они видели в отказе общества от либеральных ценностей и концентрации экономической и политической

¹ См., например: *Journal of Common Market Studies*, 2019, № 1; *Critical Sociology*, 2019, № 7–8.

власти. Решением проблемы, по их мнению, может выступать симбиоз свободного рынка и сильного государства, обеспечивающего эффективную работу рыночных механизмов и не допускающего концентрацию власти ни в экономической, ни в политической сферах. По окончании Второй мировой войны сторонники таких взглядов получили возможность участия в формировании экономической политики западной части Германии, что, по мнению многих, способствовало последующему немецкому экономическому чуду (*Wirtschaftswunder*).

Этимологически термин ордолиберализм происходит от смешения слов *ordo* и либерализм. Его применение фрайбургской школой обуславливается, во-первых, близостью ее идей к классическому либерализму, а во-вторых, важностью для нее концепции порядка (*Ordnung*) во всех сферах — социальной, экономической, политической — с учетом их взаимозависимости [6, 7].

Основатели фрайбургской школы выступали за создание такого экономического порядка, при котором государство не вмешивается в хозяйственные процессы, а лишь создает институциональные рамки, способствующие их наиболее эффективному развитию (*Ordnungspolitik*). Подчеркивалось, что свободный рынок не следует ассоциировать с капитализмом *laissez-faire*, в условиях которого наиболее сильные игроки способны ограничивать свободу выбора других экономических акторов. Поистине же свободным рынок делает только развитая конкуренция, а, следовательно, государство должно фокусировать свои усилия на ее создании и поддержании.

Ордолиберализм нельзя считать исключительно экономической теорией. Начало этому направлению было положено документом, получившим название “Ордоманифест”, где говорилось о необходимости сближения права и политической экономии [8]. В дальнейшем учение получило еще более ярко выраженную междисциплинарную направленность, вобрав в себя элементы политологии, социологии и моральной философии.

Лейтмотив ордолиберального представления об экономической сфере, во всяком случае в интерпретации Ойкена, может быть сформулирован как “свободный рынок без экономической власти”, или, другими словами, рынок, где игроки соревнуются в честной борьбе, не имея возможностей влиять на выбор других участников рынка [6, 9]. Такое видение получило в работах фрайбургской школы название “конкурентного порядка”. По мнению Ойкена, монополии должны быть ликвидированы везде, где это возможно, а само хозяйство должно представлять собой деконцентрированную среду, позволяющую исключить влияние экономических акторов на принятие политических решений [6].

ОРДОЛИБЕРАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Будет правильным начать дискуссию о месте ордолиберальной теории в спектре экономических воззрений с вопроса о ее уникальности, которая иногда ставится под сомнение. Стоит отметить, что фундаментальные принципы, провозглашенные фрайбургской школой, “витали в воздухе” того времени, когда общество столкнулось с масштабной экономической катастрофой Великой депрессии. Многие искали причины этой ситуации и строили теории, которые бы позволили выйти из нее и избежать повторения в будущем [10].

Все те же идеи о взаимозависимости порядков и о необходимой роли участия государства в построении и поддержании конкурентного рынка звучали в работах формировавшейся тогда чикагской экономической школы [11]. Г. Саймонс в знаменитой «Позитивной программе для “*Laissez-Faire*”» (1934 г.) призывал устранить концентрированную рыночную власть и даже разделить на части крупные корпорации [12]. Несмотря на сходное отношение к роли конкуренции в эффективной работе рыночных механизмов, чикагский неоклассический и фрайбургский взгляды обладают рядом существенных отличий, прежде всего в понимании природы самой конкуренции. Более того, позднее чикагская школа кардинально поменяла свою исходную точку зрения, которая сближала ее с ордолиберальной позицией [13].

Кроме ранней чикагской школы среди исследователей творчества Ойкена очень распространено сравнение его взглядов с позицией Ф. Хайека того же времени [11]. Можно услышать даже заявления о “поразительных сходствах” во взглядах Хайека, Ойкена и Саймонса [11, р. 14]. Следует заметить, что идея “конкурентного порядка” звучала в работах Хайека с использованием практически той же самой терминологии и в том же самом смысле, что и в работах Ойкена [14]. Точно так же, как и тот, Хайек концентрирует внимание на роли законодательной системы в создании правильно функционирующего рынка [14]. Правда, признавая роль государства в создании конкурентного порядка, Хайек в отличие от Ойкена избегал, следуя традиции австрийской школы, идеи сильного государства [14].

Несмотря на очевидные элементы сходства в философии Ойкена и Хайека первой половины XX в., в них присутствуют и заметные различия. Для ордолибералов, как было отмечено выше, главной проблемой выступала концентрированная рыночная власть². Для Хайека она выглядела таковой

² В. Автономов, например, отмечает, что “понятие свободы от экономической власти” выступает важной особенностью аргументации Ойкена, которая не встречается в ра-

постольку, поскольку не была продуктом свободного рынка. В его работах нет кардинальных призывов к устранению рыночной власти. Более того, его понимание “спонтанного порядка” заметно отличается от ордолиберального представления об экономической конкуренции, оставляющего мало места для спонтанного формирования институтов. Если у Хайека, как и в австрийской школе в целом, конкуренция рассматривается больше как процесс предпринимательского взаимодействия, то в идеях фрайбургской школы ее главная функция, хотя и дополненная идеей о роли свободного предпринимателя, – это ограничение экономической и политической власти [5].

Таким образом, несмотря на очевидные сходства фрайбургской школы с другими прорыночными взглядами того времени, ордолибералы обладали рядом отличий. В сегодняшней же социально-экономической мысли наиболее родственные с ними сходства демонстрирует так называемая виргинская школа политической экономии. Так, в работах В. Ванберга, бывшего директора Института В. Ойкена и в прошлом коллеги нобелевского лауреата Дж. Бьюкенена по Центру исследований общественного выбора Университета Дж. Мейсона, можно встретить комбинацию ордолиберальной философии, австрийской школы и теории общественного выбора [7]. Ванберг продемонстрировал близость теории Ойкена с появившейся несколькими десятилетиями позже концепцией конституционной экономики, берущей свое начало в виргинской школе. Согласно ордолиберальному представлению, рыночный порядок определяется его институциональными рамками и, следовательно, зависит от конституционного выбора, о чем также заявляет и конституционная экономика [7].

Кроме виргинской школы, следует также отметить близость к фрайбургским либералам отдельных направлений в неоинституциональной экономике³. Например, Й. Цвайнерт отмечал, что теория порядков ограниченного и открытого доступа (*limited and open access orders, LAO/OAO*), разработанная при участии нобелевского лауреата Д. Норта, как и фрайбургская традиция, уделяет большое внимание “взаимозависимости порядков” [16]. Правда, теория *LAO/OAO* больше сфокусирована на трансформационных процессах движения от порядков закрытого доступа (*LAO*) к порядкам открытого доступа (*OAO*), а ордолибералы озабочены необходимостью не допустить обратный процесс. В связи с этим Цвайнерт обращает внимание на то, что ордолиберальные идеи во многом способны

ботях других представителей экономического либерализма [10, с. 17].

³ Можно даже встретить утверждения, что “Ойкен наметил контуры современной институциональной экономики” [15, с. 73].

послужить толчком к дальнейшему развитию теории *LAO/OAO* [16].

Можно найти близость ордолиберальных идей и с другими направлениями социально-экономической мысли. Тем не менее очевидна уникальность фрайбургской школы, связанная в первую очередь с постулированием необходимости поддержания государством деконцентрированной рыночной структуры. В сегодняшнем спектре социально-экономических взглядов ордолиберализм продолжает играть свою роль, что и подтверждает современный дискурс.

ОРДОЛИБЕРАЛИЗМ СЕГОДНЯ

Проблема современных дискуссий вокруг фрайбургской идеи заключается в необходимости очищения ее от мифов и сомнительных толкований. Можно выделить несколько направлений, где активно обсуждается данная тема. В первую очередь речь идет о современной экономической политике Евросоюза и ее якобы имеющемуся ордолиберальном бэкграунде. Наиболее серьезные дебаты развернулись вокруг кредитно-денежной политики ЕС, которая, по мнению ее критиков, главным образом основывается на подходах фрайбургской школы. Также важной темой продолжает оставаться антимонопольное регулирование, которое в Европе называется конкурентной политикой. Также можно выделить запрос на возрождение интереса к классическим взглядам фрайбургской школы и анализ возможности их применения к проблемам сегодняшнего времени.

Анализ современной литературы, обсуждающей связь между текущей европейской экономической политикой и ордолиберализмом, приводит к выводу, что многие искренне верят в то, что подход Брюсселя к организации рыночного хозяйства базируется на ордолиберальном фундаменте [1]. Однако с такой позицией категорически не соглашаются исследователи, которые пытаются взглянуть глубже в суть учения фрайбургской школы. Хотя нельзя полностью отрицать влияния ордолиберальных воззрений на формирование во второй половине XX в. единого европейского рынка и риторики относительно необходимости конкуренции, многие фундаментальные принципы фрайбургской школы остались за рамками европейской повестки дня.

Стоит особо отметить критические взгляды ордолибералов на другие, помимо конкуренции, основные лозунги европейской интеграции. Прежде всего имеются в виду идеи государства благосостояния (*welfare state*), а также гармонизации европейских институтов и возможности дирижирования экономическими процессами.

Близкий к фрайбургской школе В. Рёпке, например, относился с осторожностью к тенденциям начинавшегося в 1950-е годы становления новой Европы. Он обращал внимание на то, что управление экономикой на общеевропейском уровне способно создать систему “общего командования”, а не свободный общий рынок [17]. Схожие опасения проявлял и Л. Эрхард, негативно относившийся к попыткам гармонизировать европейскую экономическую политику [18]. Однако это именно те тенденции, которые стали особенно заметны в настоящее время. Как справедливо отмечается некоторыми современными исследователями, за последнее десятилетие в Евросоюзе принят ряд фундаментальных решений, которые показывают предпочтение европейских политиков к “координации и контролю экономических процессов вместо генерирующей знание и дисциплинирующей силы свободной конкуренции”, что совершенно не вписывается в ордолиберальную концепцию [5, р. 32].

Более того, совершенно непонятно, как можно говорить об ордолиберальном фундаменте европейской экономики на фоне высокой концентрации всех ее ключевых отраслей, гармонизации европейских институтов и централизации принимаемых решений. Правда, критики несуществующего ордолиберального европейского фундамента не считают серьезной помехой для себя отсутствие оснований для подобных нападок. Некоторые доходят до того, что заявляют об “ордолиберальном повороте” на мировой арене, где, по их мнению, главной действующей ордолиберальной силой становится Китай [19]. Подобное видение отождествляет такой “ордолиберальный поворот” с “эрозией демократических ценностей, свобод и прав человека” [19, р. 412].

Для сегодняшних критиков ордолиберализма очень привлекательным для нападок стало неоднозначное отношение ордолибералов к демократии [2, 4]. Действительно, в выборе между дискреционными решениями и верховенством права представители фрайбургской школы проявляли симпатии в пользу жестких и неизменных независимо от сиюминутных потребностей институциональных норм [7]. В связи с этим отдельные исследователи подмечают, что наднациональные европейские институты в гораздо большей степени зависят от установленных правил игры, чем от потенциальной воли избирателей менять их в любой момент по своему усмотрению. Именно этот институциональный аспект позволяет им находить ордолиберальную подоснову в конструкции Евросоюза [2, 4].

Однако подобные параллели на фоне отмеченного выше пренебрежения другими принципами фрайбургской школы выглядят неубедительно.

Следуя такой логике, ордолиберальный фундамент можно найти не только в Европе, но и во всем глобальном мироустройстве, где электоральные институты слабо влияют на действия международных организаций. Не будет излишним отметить, что авторы подобных концепций не утруждают себя попытками объяснить, каким образом подобная форма институциональных рамок соотносится с ключевым для фрайбургской школы тезисом о “свободном рынке без экономической власти”.

МЕСТО ОРДОЛИБЕРАЛИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОЙ МОНЕТАРНОЙ ПОЛИТИКЕ

Другая тема, активно обсуждаемая после кризиса 2008 г. и ставящая вопрос об ордолиберальных устоях ЕС, — это европейская монетарная политика. Наибольшее подозрение относительно ее связи с фрайбургскими принципами вызывают достаточно низкий уровень инфляции в еврозоне, а также воплощенные в Маастрихтском договоре критерии объема государственного долга, бюджетного дефицита и других кредитно-финансовых требований, предъявляемых к странам-участницам.

Действительно, один из ключевых принципов, провозглашенных В. Ойкеном и его последователями, — жесткость кредитно-денежной политики. Поскольку Бундесбанк в целом придерживался такой стратегии, то отчасти можно согласиться с тем, что ордолиберальные взгляды оказывали влияние на экономическую систему ФРГ.

Данный факт позволяет отдельным исследователям заявлять, что консервативные немецкие экономисты, приверженные ордолиберальным традициям, стараются предотвратить “более кейнсианскую альтернативу, которая бы бросила вызов дискурсу жесткой экономии” [20, р. 277]. Однако именно в этой отдельно взятой сфере экономической теории фрайбургские принципы нельзя считать уникальными. В. Ойкен и другие представители фрайбургской школы были далеко не единственными, кто критично отнесся к кейнсианским представлениям о задачах государства в монетарной сфере. Более того, принимая во внимание ордолиберальные представления о необходимости деконцентрации и децентрализации, сам проект единого валютного пространства выглядит скорее противоречащим идеям *Ordnungspolitik*.

В опубликованной в 1995 г. работе “Гнилое сердце Европы: грязная война за европейские деньги” британский экономист Б. Коннолли активно критикует европейских политиков и банкиров за преследование ими своих собственных интересов в навязывании Европе единой валюты [21]. Он утверждает, что решение о переходе к единой

европейской валюте отвечало в первую очередь французским, а не немецким интересам.

Подробный анализ политико-экономических вопросов, связанных с принятием Маастрихтского договора и формированием сегодняшней европейской монетарной политики, проведен в работе представителя австрийской школы Ф. Багуса “Трагедия евро”, где он прямо указывает на сопротивление немецких либеральных экономистов происходившим процессам [22]. Багус утверждает, что проект евро был “продавлен европейскими социалистами для воплощения их мечты о централизованном европейском государстве” [22, р. xviii]. Его заявления о том, что “классическое либеральное воззрение крайне скептически относится к центральному европейскому государству, поскольку таковое рассматривается угрозой индивидуальной свободе” [22, р. 3], подтверждают описанные выше опасения по поводу европейской интеграции В. Рёпке и Л. Эрхарда. Даже Еврокомиссия признает в своих пяти сценариях развития Евросоюза до 2025 г., что если страны-участницы не смогут прийти к согласию по вопросам, выходящим за пределы рыночных отношений, и будут вынуждены сфокусироваться исключительно “на углублении определенных ключевых аспектов единого рынка” (сценарий 2, рассматриваемый как наиболее либеральный вариант развития событий), то это “поставит под угрозу единую европейскую валюту” [23, р. 18].

Таким образом, весомых оснований для утверждений об ордолиберальной основе функционирования европейской монетарной сферы нет. Даже в тех аспектах, где проводимая ЕС политика совпадает с идеями фрайбургской школы, она не в меньшей степени совпадает с прорыночными взглядами неоклассического мейнстрима. В этой связи можно согласиться с утверждением, что хотя вопрос относительно связи ордолиберализма с этой системой интересен, в то же время очевидно, что “не он образует эту систему” [4].

ФРАЙБУРГСКАЯ ШКОЛА И ЕВРОПЕЙСКОЕ АНТИМОНОПОЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Наиболее правдоподобная легенда о наличии связей сегодняшней европейской экономической политики с работами фрайбургской школы имеет отношение к европейскому антимонопольному (конкурентному) законодательству. Довольно часто исследователи европейского конкурентного права (*competition law*) воспринимают эту версию как данность. Их убежденность проистекает из того факта, что европейское антимонопольное законодательство на первый взгляд отличается от северо-

американского. Так, отмечается, что концепция “злоупотребления доминирующим положением”, которая играет важную роль в европейском конкурентном праве, “не берет свое начало в американском антитрастовом законодательстве”, где упор сделан на “монополизацию” [24, р. 293]. В то же время отдельные эксперты в области европейского антимонопольного регулирования высказывают точку зрения, что, несмотря на очевидную разницу в применяемых терминах, анализ реальных судебных разбирательств позволяет сделать вывод, что обе концепции – “злоупотребление доминирующим положением” и “монополизация” – со временем “сошлись в зоне их действия” [9, р. 3].

В европейском регулировании можно найти подходы, нацеленные на то, чтобы заставить доминирующие фирмы вести себя так, как если бы они находились в конкурентных условиях, что также напоминает ордолиберальное видение [24]. Однако ордолибералы рассматривали данный подход как исключительный в тех случаях, когда нет другой возможности решить проблему концентрации рыночной власти, например, путем разделения доминирующей компании [6]. Для них главным объектом антимонопольного законодательства должна быть экономическая власть сама по себе, а не злоупотребление этой властью [9]. В каком-то смысле американский подход ближе к ордолиберальной мысли, чем европейский. Европейское законодательство не пытается предотвратить создание “доминирующих фирм”, а в США существует возможность распустить отдельные монополии [9, р. 11]⁴. К тому же можно утверждать, что сегодняшняя европейская конкурентная риторика в первую очередь фокусируется на идее единого рынка, а не проблеме рыночной концентрации [25].

Если отбросить окружающие ордолиберализм мифы, то становится очевидным, что современная конкурентная политика Евросоюза фактически базируется на доктрине чикагской школы, связывающей антимонопольное регулирование с понятиями экономической эффективности и благосостояния потребителей [26]. Примечательно, что именно в этой сфере наблюдается наиболее интересная тенденция, касающаяся перспектив возрождения ордолиберальных принципов. На фоне растущей концентрации всех сфер социально-экономической жизни развитых стран в академической дискуссии стали чаще появляться призывы о необходимости пересмотра целей антимонопольной политики, в том числе возвращения к ордолиберальным истокам [26].

⁴ Наиболее яркий случай – это разделение в начале 1980-х телекоммуникационного гиганта AT&T в результате длительного антимонопольного разбирательства.

ИСТОКИ МИФОВ О ФРАЙБУРГСКОЙ ШКОЛЕ

Как было отмечено выше, сегодняшняя дискуссия относительно места ордолиберализма в европейской политике характеризуется мифами и неправильным толкованием основных положений этой доктрины. Это можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, фактом является доминирующая роль ФРГ в европейской экономике. Ордолиберализм считается немецким изобретением, что так или иначе позволяет делать заявления о наличии сугубо немецкой школы экономической мысли, которая еще не потеряла свою актуальность. В результате многие решения как во внутригерманской экономической политике, так и на общеевропейской арене нередко объясняются, причем зачастую совершенно необоснованно, связями немецкой социально-экономической стратегии с ордолиберальными традициями.

Во-вторых, с ордолиберальной доктриной тесно связан термин “социальное рыночное хозяйство” (СРХ), который в свою очередь подвержен принципиально различным интерпретациям. Даже в среде тех, кто себя причисляет к представителям ордолиберальной мысли, можно встретить совершенно разные подходы к пониманию того, что стоит за подобной терминологией. Еще более вольно эта терминология трактуется теми, кто имеет поверхностные представления о данном социально-экономическом направлении. Иногда даже доходит до того, что под “социальным рыночным хозяйством” понимается немецкая версия “государства благосостояния” (*welfare state*), в то время как ордолибералы демонстрировали скорее отрицательное отношение к ней. Например, В. Рёпке заявлял, что “государство благосостояния в своем увлечении эгалитаризмом дает своим гражданам статус и возможности рабов” [27, р. 234]. Вопреки сегодняшнему восприятию СРХ как экономической системы, находящейся где-то между капитализмом и социализмом, Л. Эрхард в первую очередь подразумевал именно свободную рыночную экономику [28].

СРХ в послевоенной Германии рассматривалось его адептами как альтернатива не только социализму, но также кейнсианству и социал-демократии. Социальный компонент появляется в их идеологии как результат работы рыночных механизмов, а не перераспределительной политики государства [29]. Однако начиная с конца 1950-х годов данное видение начинает меняться, формируя сегодняшнее понимание СРХ, которое значительно отличается от классических взглядов фрайбургской школы [15, 16, 29]. Более того, некоторые исследователи вообще указывают на логическую несовместимость ордолиберализма и СРХ [1, р. 19].

В-третьих, то, что часто понимается как ордолиберальная идеология, на самом деле представляет собой совокупность зачастую несовместимых по многим критериям взглядов. В существующей литературе разные представители немецкой социально-экономической мысли, вышедшие в той или иной степени из ордолиберального течения, нередко классифицируются в одной категории, несмотря на принципиальные отличия в их взглядах. Необходимо понимать, что к классическому ордолиберализму относится именно фрайбургская школа, где на первых ролях были В. Ойкен и Ф. Бём. Отнесение туда, например, Мюллера-Армака, который проявлял принципиально иное отношение к перераспределительной роли государства, весьма условно [15, с. 87].

В-четвертых, ордолиберальная доктрина вообще по-разному понимается различными исследователями в зависимости от собственных социально-политических взглядов. Так, если социалисты видят в ней угрозу демократическим ценностям [4, 19], то радикальные сторонники свободного рынка ассоциируют ее с социалистическими настроениями. Более того, учитывая стремление ордолибералов не просто взглянуть на картину в целом, а еще и постараться уловить все нюансы взаимосвязей между ее отдельными элементами, неправильное толкование их теории зачастую основывается на принципиально ином способе анализировать действительность. Часто встречаются критики, рассматривающие лишь отдельные элементы ордолиберальной системы и полностью игнорирующие остальные.

Наконец, наличие многих мифов обусловлено политическими, экономическими и идеологическими мотивами. Фрайбургская школа активно использовалась и продолжает использоваться разными силами для достижения собственных целей. Похоже, что школа общественного выбора, имеющая сходство с ордолиберальной доктриной, в не меньшей степени, чем к анализу механизмов установления правил регуляторной игры, применима и к описанию выбора доминирующих научных теорий. В этой связи Ф. Бём сетовал, что “наиболее радикальные и всеобъемлющие социалистские нападки на рыночную экономику, такие как у К. Маркса, не подрывают авторитет рынка настолько серьезно, как недобросовестный и невежественный цинизм из лагеря тех, кто, казалось бы, должен поддерживать рынок” [30, р. 445].

* * *

Дискуссии о современной роли ордолиберальной концепции характеризуются зачастую неправильным толкованием ее основных положений и весьма узким взглядом на социально-экономиче-

ские проблемы, которые представители фрайбургской школы считали необходимым рассматривать комплексно, исходя из идеи взаимозависимости порядков. Мифы и легенды относительно места фрайбургской школы в европейской практике иногда трансформируются в утверждения об “ордолиберальной железной клетке” или даже “ордолиберальном повороте” на мировой арене.

Вместе с тем обоснованными выглядят призывы к возврату к принципам, провозглашавшимся фрайбургской школой. С такой точки зрения ор-

долиберализм остается реальной альтернативой как неоклассическому мейнстриму, так и дирижистским подходам к регулированию социально-экономических процессов. В первую очередь он может быть применим в антимонопольной политике, которая в сегодняшнем виде допустила тот уровень рыночной концентрации, который ощутимо начинает угрожать сохранению либеральных и демократических ценностей, пока еще остающихся в числе ключевых завоеваний западной цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Biebricher T. The Return of Ordoliberalism in Europe: Notes on a Research Agenda. *Rivista di Scienze Giuridiche, Scienze Cognitive ed Intelligenza Artificiale*, 2014, vol. 9, no. 21, pp. 1-24.
2. Wilkinson M.A. Authoritarian Liberalism in Europe: a Common Critique of Neoliberalism and Ordoliberalism. *Critical Sociology*, 2019, vol. 45, no. 7–8, pp. 1023-1034.
3. Ryner M. Europe's Ordoliberal Iron Cage: Critical Political Economy, the Euro Area Crisis and Its Management. *Journal of European Public Policy*, 2015, vol. 22, no. 2, pp. 275-294.
4. Bonefeld W. Ordoliberalism, European Monetary Union and State Power. *Critical Sociology*, 2019, vol. 45, no. 7–8, pp. 995-1010.
5. Wandel J. Prospects for an Ordoliberal Reform of the European Union. *Economic Affairs*, 2019, vol. 39, no. 1, pp. 28-43.
6. Eucken W. *Grundsätze der Wirtschaftspolitik*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2004. 415 S.
7. Vanberg V.J. Ordnungspolitik, the Freiburg School and the Reason of Rules. *Freiburger Diskussionspapiere zur Ordnungsökonomik*, 2014, no. 14/01, pp. 1-17.
8. Böhm F., Eucken W., Grossmann-Doerth H. The Ordo Manifesto of 1936. Peacock A., Willgerodt H., eds. *Germany's Social Market Economy: Origins and Evolution*. London, Palgrave Macmillan, 1989. 291 p.
9. Larouche P., Schinkel M.P. Continental Drift in the Treatment of Dominant Firms: Article 102 TFEU in Contrast to § 2 Sherman Act. *TILEC Discussion Paper*, no. 2013-020, 2013, pp. 1-33.
10. Автономов В.С. На какие свойства человека может опереться экономический либерализм? *Вопросы экономики*, 2015, № 8, сс. 5-24. [Avtonomov V.S. Na kakie svoistva cheloveka mozhnet operet'sya ekonomicheskii liberalizm? [Which human qualities can economic liberalism be based on?] *Voprosy Ekonomiki*, 2015, vol. 8, pp. 5-24.]
11. Köhler E., Kolev S. The Conjoint Quest for a Liberal Positive Program: “Old Chicago“ Freiburg and Hayek. *HWWI Research Paper*, 2011, no. 109, pp. 1-32.
12. Simons H.C. *A Positive Program for Laissez Faire: Some Proposals for a Liberal Economic Policy*. Chicago, University of Chicago Press, 1934. 40 p.
13. Van Horn R. Chicago's Shifting Attitude Toward Concentrations of Business Power (1934–1962). *Seattle UL Rev.*, 2010, vol. 34, pp. 1527-1544.
14. Hayek F.A. *Individualism and Economic Order*. London, Routledge & Kegan Paul, 1949. 272 p.
15. Гутник В.П. Теоретическое обоснование политики хозяйственного порядка и ее основные принципы. *Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применений в России*. Москва, ГУ ВШЭ, 2007, сс. 69-97. [Gutnik V.P. Teoreticheskoe obosnovanie politiki khozyaistvennogo poryadka i ee osnovnye printsipy [Theoretical substantiation of the policy of economic order and its main principles]. *Sotsial'noe rynochnoe khozyaistvo: kontsepsiya, prakticheskii opyt i perspektivy primeneniya v Rossii* [Social market economy: the concept, practical experience and prospects of implementation in Russia]. Moscow, SU HSE, 2007, pp. 69-97.]
16. Zweynert J. The Concept of Ordnungspolitik Through the Lens of the Theory of Limited and Open Access Orders. *Constitutional Political Economy*, 2015, vol. 26, no. 1, pp. 4-18.
17. Röpke W. Europa als Wirtschaftliche Aufgabe. *Schweizer Monatshefte: Zeitschrift für Politik, Wirtschaft, Kultur*, 1956, vol. 36, no. 1, ss. 1-9.
18. Erhard L. Harmonie durch Harmonisierung? *Frankfurter Allgemeinen Zeitung*, 31 December, 1959, S. 2.
19. Lagerkvist J. The Ordoliberal Turn? Getting China and Global Economic Governance Right. *Global Affairs*, 2015, vol. 1, no. 4–5, pp. 411-419.
20. Young B. German Ordoliberalism as Agenda Setter for the Euro Crisis: Myth Trumps Reality. *Journal of Contemporary European Studies*, 2014, vol. 22, no. 3, pp. 276-287.
21. Connolly B. *The Rotten Heart of Europe: The Dirty War for Europe's Money*. London, Faber & Faber, 1995. 427 p.
22. Bagus P. *The Tragedy of the Euro*. Auburn, Ludwig von Mises Institute, 2012. 176 p.

23. European Commission. *White Paper on the Future of Europe: Reflections and Scenarios for the EU27 by 2025*. Brussels, European Commission, 2017. 31 p.
24. Vatiéro M. Dominant Market Position and Ordoliberalism. *International Review of Economics*, 2015, vol. 62, no. 4, pp. 291-306.
25. Akman P., Kassim H. Myths and Myth-Making in the European Union: The Institutionalization and Interpretation of EU Competition Policy. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2010, vol. 48, no. 1, pp. 111-132.
26. Gerbrandy A. Rethinking Competition Law within the European Economic Constitution. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2019, vol. 57, no. 1, pp. 127-142.
27. Roepke W. The Economic Necessity of Freedom. *Modern Age*, 1959, vol. 3, no. 3, pp. 227-236.
28. Sally R. *Ludwig Erhard's Social Market Economy – a Liberal, not a Social Democratic Concept*. Institute of Economic Affairs, 15.04.2016. Available at: <https://iea.org.uk/blog/ludwig-erhards-social-market-economy-a-liberal-not-a-social-democratic-concept> (accessed 30.09.2020).
29. Claassen R., Gerbrand A., Princen S., Segers M. Rethinking the European Social Market Economy: Introduction to the Special Issue. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2019, vol. 57, no. 1, pp. 3-12.
30. Böhm F. Left-wing and Right-wing Approaches to the Market Economy. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 1979, vol. 135, no. 3, pp. 442-448.

**ORDOLIBERAL FOUNDATIONS OF EUROPEAN ECONOMIC POLICY:
MYTHS AND REALITY**

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 50-57)

Received 20.09.2020.

Dmitrii A. TRUBNIKOV (da.trubnikov@gmail.com),

St. Petersburg School of Economics and Management, National Research University "Higher School of Economics", 3, Kantemirovskaya Str., St. Petersburg, 194100, Russian Federation.

The theme of the role and place of ordoliberal views in contemporary European economic policy has attracted attention of many researchers. While some scholars raise their concerns about the ongoing ordoliberalization of Europe and criticize the ordoliberal foundations of the European Union, the others call for the restoration of the ordoliberal principles in economic policy and argue about the necessity of ordoliberal reforms. This article is focused on this discussion and aims to assess the various arguments that use the ordoliberal issue to justify their positions. The analysis leads to the conclusion that this discussion very often faces misinterpretations of the main outlook of the ordoliberal theory, what can be explained by the dominant role of Germany in the European political scene, complexity of the relationship between ordoliberalism and the social market economy model, as well as by political, economic and ideological motives. For ordoliberals, the main task for the state was to create and maintain a competitive order that will allow market forces to distribute the wealth according to merits and will result in what can be called achievement of social justice. Meanwhile, it has become apparent that European policymakers have noticeably eschewed the competitive order proposals, and modern arrangements of the European economy might be better characterized in terms of regulatory capitalism and managed competition. Moreover, it can be argued that the raising concentration of economic power makes the appeals for the return to the ordoliberal principles very reasonable. The Freiburg school ideas continue to be a real alternative not only to the neoclassical mainstream, but also to the socialist wishes to control and direct economic and social processes.

Keywords: ordoliberalism, Freiburg school, European integration, European economic policy, competition law, concentration of economic power, social market economy, competitive order.

About author:

Dmitrii A. TRUBNIKOV, PhD (Tilburg University), Associate Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-50-57

ЭКОНОМИКА САМОПРОВОЗГЛАШЕННОГО КОСОВО

© 2021 г. Е. Арляпова, Е. Пономарева

*АРЛЯПОВА Елена Сергеевна, кандидат политических наук,
Институт системно-стратегического анализа, РФ, 111398 Москва, ул. Кусковская, 16
(elena.s.arlyapova@gmail.com).*

*ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна, доктор политических наук,
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (nastya304@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 30.10.2020.

Активизация процессов по окончательному урегулированию косовского вопроса заставляет обратить пристальное внимание на социально-экономические характеристики самопровозглашенной Республики Косово (РК), являющиеся обязательным фундаментом суверенности. Задача статьи – на основе актуальных и репрезентативных исследований (акцент сделан на малоизвестных в России работах западных и региональных авторов), данных официальной статистики Косово (со всеми оговорками относительно достоверности), материалов международных финансовых структур и организаций оценить динамику экономического развития современного Косово, выявить качественные изменения, позволяющие дать ответ на вопрос об экономической состоятельности и самостоятельности политики на текущий момент и в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: Косово, структура экономики, инвестиционный климат, безработица, социально-экономическое развитие.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-58-70

КАЗУС КОСОВО В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

С конца июня 2020 г. косовский вопрос вновь занял важное место в глобальной повестке. С одной стороны, это определено перетягиванием политического “каната” между Вашингтоном и Брюсселем, которые проявили активность в попытке урегулирования давнего балканского спора. В итоге после паузы, связанной с обнародованием 24 июня Специальной прокуратурой Суда по военным преступлениям Армии освобождения Косово обвинений “в преступлениях против человечности и военных преступлениях, включая убийство, насильственное исчезновение людей, преследование и пытки” [1] нескольких косовских граждан, в числе которых президент самопровозглашенной Республики Косово (РК) Х. Тачи и экс-спикер косовского парламента К. Весели, Вашингтон все же переиграл ЕС на “косовом поле”. 4 сентября 2020 г. в Белом доме президент Сербии А. Вучич и косовский премьер А. Хоти в присутствии Д. Трампа подписали каждый свою часть “Экономической нормализации” – именно так называется обнародованный документ [2]. Встреча “на троих” вывела переговоры по урегулированию косовского вопроса на новый уровень. Планы развития экономического взаимодействия по линии Белград–Приштина (строительство авто- и ж/д магистралей; развитие малого и среднего бизнеса; создание безвизового пространства между Албанией, Северной

Македонией и Сербией и др.) были дополнены рядом политических обязательств, выходящих за рамки региона. Страны обязались признать движение “Хизбалла” террористическим; Сербия согласилась перенести посольство из Тель-Авива в Иерусалим, а Республика Косово обязалась признать государственность Израиля. Помимо политических уступок “в пользу Трампа” Белград согласился на диверсификацию энергоресурсов за счет американского сжиженного газа, что может привести к снижению российского импорта. Кроме того, были зафиксированы обязательства не развивать на своих территориях инфраструктуру сетей 5G (это “привет” китайским компаниям). Таким образом, Белый дом благодаря активности спецпредставителя по этому вопросу Р. Греннела добился от сторон конфликта максимально тесного взаимодействия, связав их при этом рядом обязательств мирополитического уровня.

С другой стороны, активность внешних игроков по урегулированию косовского вопроса в самой Сербии воспринимается как подготовка к признанию официальным Белградом РК. Неприятие значительной частью сербского общества такой перспективы стало триггером самых масштабных и довольно кровавых (несколько десятков раненых и сотни пострадавших с обеих сторон) после октябрьских событий 2000 г. беспорядков в Сербии. Массовые протесты стали реакцией на итоги парламентских выборов 21 июня 2020 г. и политику победившей Сербской прогрессивной партии, воз-

главляемой действующим президентом. Для усмирения демонстрантов власти использовали конную полицию и применяли слезоточивый газ. Жесткие действия полиции сбили протестный накал, но запущенный в Вашингтоне процесс “экономической нормализации” ввел сербский социум в режим напряженного ожидания. Ситуация в стране сегодня сравнима с пожаром на болоте: огонь пока не виден, но он разгорается глубоко внутри общества и может в любой момент стать всепоглощающим пламенем.

Политизация косовского вопроса в очередной раз сместила аналитический фокус отечественной науки с проблематики социально-экономического развития края, которая и без того обделена вниманием. На протяжении десятилетий стабильный интерес исследователей к политико-правовому анализу косовского конфликта и его этнополитической составляющей, к вопросу эффективности международного присутствия, а также позиции РФ в отношении урегулирования проблемы Косово. Пул авторитетов, пишущих на эти темы, довольно узок и практически не меняется – Н.В. Бондарев, Е.Ю. Гуськова, П.А. Искендеров, П.Е. Кандель, А.Б. Мезяев, К.В. Никифоров, К.А. Половченко, Е.К. Энтина. Перечень актуальных для российских авторов балканских проблем заметно отличается от такового за рубежом, где аналитики традиционно внимательны к вопросам нациестроительства, политической практики и управления, культурной и ценностной трансформации, конструирования идентичности [3, 4, 5].

В зарубежных исследованиях современного этапа развития РК также основательно представлен интересующий нас экономический блок. Обоснованность такого подхода представляется очевидной в силу приоритетности в условиях глобализации экономики над политикой, а также в силу того, что самодостаточность и само существование любого государственного образования зависят от качества экономического фундамента.

Существующий массив тематической литературы можно разделить на два блока. Первый – наиболее объемный: количество работ по экономике Косово исчисляется десятками. Проблематика представлена с впечатляющего набора ракурсов – вплоть до экологии и трудовой дисциплины, что делает материал исследований детализированным, а подачу – живой и интересной [6, 7]. Эти работы, как правило, имеют местное происхождение и редко выходят за региональные рамки. Исключение составляет лишь Турция со стилистически близкими балканским исследованиями [8]. С западными авторами турецких коллег объединяет только то, что работы выполнены, безусловно, с позиций внешнего по отношению к ре-

гиону игрока (чего нельзя сказать, например, об албанских экспертах).

Для отечественной историографии косовского вопроса в его экономической и социальной частях анализ местных (иногда в соавторстве с западными коллегами) авторов имеет особую ценность. В определенной мере он компенсирует вынужденное отсутствие полевой работы – доступность этих методов сбора данных для российских исследователей практически сведена к нулю политическими (РФ строго придерживается Резолюции СБ ООН 1244 и рассматривает Косово как часть Сербии) и визовыми ограничениями вкуче с соображениями безопасности, хотя смельчаки все же находятся. Неудивительно, что проведенные на местах зарубежными коллегами интервью и опросы – фермеров, владельцев малых и средних предприятий, инвесторов, а также иные исследовательские проекты [9, 10, 11] – в силу значимой эмпирической ценности вызывают неподдельный интерес.

Второй блок – социально-экономические изыскания западных авторов. Таковых немного, хотя ряд интереснейших (по перечню и глубине проработки научных вопросов) исследований в целом по Балканам был проведен. В числе наиболее выдающихся, на наш взгляд, те, где изучается связь социально-экономических вопросов с явлениями, традиционно находящимися в ведении политической науки. В преломлении к балканской повестке это в первую очередь анализ влияния феномена политизированной этничности на проблему неравенства доходов с охватом наиболее злободневных региональных тем: клиентелизма, этнического патронажа, социально-экономической дискриминации этнических групп [12, 13].

Тема воздействия этнической палитры на экономику прошла длительный путь: от простой констатации характерных для большинства мозаичных сообществ черт в виде сниженных инвестиций и, наоборот, повышенного государственного потребления до выявления связи этих явлений не с этническим или иным разнообразием вообще, а с поляризацией этих различий [14]. В итоге проблематика экономического неравенства на данной почве приобрела со временем более четкие очертания и строгий исследовательский фокус. Зафиксировав негативное влияние на экономическое развитие со стороны институционально закрепленных и широко используемых в текущей политике этнических и религиозных различий, аналитики сосредоточились на процессах их политизации с последующим контрпродуктивным проникновением в макроэкономике. Для рассматривания того или иного явления экономической жизни ученые чаще всего обращаются к опыту Боснии и Герцеговины (БиГ) и Македонии, признанных хрестоматийными примерами

сопряженности вопросов экономического развития и политического строительства [15, 16]. Опыт Косово на нынешнем этапе остается менее востребованным (вне региона) и изученным.

В России социально-экономический блок исследований по Косово представлен скромно. Как справедливо отмечают коллеги, “условия успешного функционирования экономики этого новообразования чаще всего остаются вне рассмотрения” [17]. В итоге любое обращение к косовскому сюжету немедленно выявляет недостаток актуальных сведений базового порядка. Авторы статьи делают попытку восполнить этот пробел, продолжив исследование социально-экономической динамики постконфликтного Косово [18]. На основе данных официальной статистики Косово (со всеми оговорками относительно достоверности), материалов международных организаций, СМИ, интервью во время рабочих поездок на Балканы, а также собственных наблюдений авторов в работе дана оценка динамики социально-экономического развития РК в настоящий период, выявлены качественные изменения, позволяющие определить уровень экономической состоятельности и самостоятельности политики на текущий момент. Принципиальной позицией авторов является максимально возможное дистанцирование от острых политических тем и рассмотрение предмета в отрыве от действующей политической конъюнктуры. Только с помощью наибольшего отвлечения от жестких рамок “национальных интересов” в изучении, на наш взгляд, можно достичь результатов, которые будут действительно полезны в планировании и реализации этих интересов.

ЭКОНОМИКА КОСОВО: ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ

Косово – традиционно бедный регион Западных Балкан: серьезные вложения в автономный край из федерального бюджета за 45 лет существования СФРЮ не смогли кардинально изменить социально-экономическую картину. Темпы прироста населения (за социалистический период население края увеличилось вдвое) сводили на нет все усилия центра по модернизации экономики и выравниванию макроэкономических показателей. Например, в 1947 г. прирост ВВП *per capita* в Косово и Метохии (КиМ) был в 3 раза меньше, чем в наиболее развитой Словении, а спустя 40 лет – в 6 раз меньше. При сравнении с Сербией данное соотношение составляло 2:1, а в конце 1980-х годов – 3.5:1 [19, с. 38]. Несмотря на постоянные финансовые вливания, поднять уровень развития края до среднефедерального, снять социально-экономическую напряженность так и не удалось. В этой оценке существует полный консенсус между приверженцами разных позиций,

оценок и стратегий. Обретение “независимости” в 2008 г., ставшей отложенным итогом военной операции НАТО против Югославии в 1999 г., также не способствовало экономическому росту. На сегодняшний момент Косово – не только беднейшая, но и самая проблемная в социальном и (гео)политическом смыслах полития Европы [20, р. 169].

Несмотря на фигурировавшие в риторике лидеров движения за независимость благоприятные стартовые условия в виде обилия разнообразных природных ресурсов и промышленной базы, слова в массе своей так и остались словами. Главные причины тому – отсутствие необходимых инвестиций в модернизацию ресурсных объектов и промышленных предприятий, доставшихся в наследство от социалистического периода (умолчим при этом об обстоятельствах экспроприации и полном отсутствии стремления к урегулированию нарушенных прав собственности), а также квалифицированных кадров. В результате к середине второй декады XXI в. Косово подошло с неутешительными данными и прогнозами на будущее.

Огромный теневой сектор (до 40% ВВП) и катастрофическая ситуация с безработицей (в среднем по стране – 33%, а среди молодежи – около 60% [21]) дают основания относить бывшую сербскую провинцию к “серым зонам” мировой экономики. Большая часть населения Косово проживает в сельских районах. Неэффективное, почти натуральное хозяйство является обычным явлением – результатом наличия небольших земельных наделов, ограниченной механизации и отсутствия даже минимальных технических знаний. Все это дополняется гипертрофированной зависимостью от внешних вливаний (как легальной, так и нелегальной природы), высоким уровнем коррупции, неисполнением контрактов и ненадежным электроснабжением, что не только обескураживающе действует на потенциальных инвесторов, но и отражается на эффективности попыток региона интегрироваться в ЕС. В результате РК оказывается перед непреодолимым барьером финансовой зависимости, от которой не может отказаться и которая сквозь призму потенциального членства в Евросоюзе становится одним из главных препятствий на этом пути.

Самым “недавним, исчерпывающим и всеобъемлющим” [22] официальным документом из оценивающих внутреннее положение дел Приштины называется отчет Европейской комиссии (ЕК) за 2019 г. [23]. Учитывая скудность и крайнюю непрозрачность косовской статистики (многие данные не обновляются по несколько лет, министерства Республики Косово часто оперируют данными 2010 г.), мы также полагаем собранные ЕК данные определяющими. В то же время с целью получения максимально репрезентативной картины анализ

экономической динамики невозможен без обращения к данным: Всемирного банка (ВБ); сайта *Trading Economics* (в англоязычной версии, так как в русской РК не представлена), обобщающего макроэкономические показатели и полезного при фундаментальной оценке экономической привлекательности страны; сайта *Foreignassistance.gov*, где аккумулируются данные по помощи США, оказываемой разным странам; также с необходимыми оговорками — к статистике правительственных структур Косово.

Документ ЕК-2019 начинается с неудовлетворения введенными “по политическим и экономическим соображениям” в ноябре 2018 г. 100%-ми тарифами на импорт товаров из БиГ и Сербии. Эта мера названа контрпродуктивной, нарушающей Центральноевропейское соглашение о свободной торговле (*Central European Free Trade Agreement, CEFTA*), не отвечающей духу Соглашения о стабилизации и ассоциации Косово с ЕС (*Stabilisation and Association Agreement, SAA*) и подрывающей успешные усилия по региональному сотрудничеству [24]. Несмотря на жесткие требования Еврокомиссии, пошлины были отменены лишь 6 июня 2020 г.

Общая внутривнутриполитическая обстановка в течение отчетного периода оценена в документе как сложная. Практически по всем ключевым направлениям — административная реформа, соблюдение фундаментальных прав, совершенствование судебной системы, борьба с коррупцией и организованной преступностью, развитие регионального сотрудничества и т. д. — зафиксирован лишь незначительный прогресс. К слову, отечественные и балканские эксперты, в отличие от западных коллег, неоднократно называли неурегулированность отношений с соседями и прежде всего с Сербией в числе факторов, затрудняющих движение РК в выбранном направлении [18, 20].

В экономическом плане отчет, равно как и другие источники, показал рост активности с 2015 г. По итогам четырех кварталов реальный рост ВВП в 2018 г. составил 3.9% [23, р. 44]. В ряду главных сдерживающих факторов — узкая производственная база и значительное недоиспользование рабочей силы. Согласно документу, в последние годы экономика развивалась за счет государственных инвестиций в инфраструктуру и частного потребления, в основе которого по-прежнему финансовые поступления из-за рубежа в виде крупных денежных переводов (деньги диаспоры, расположенной в основном в Германии, Швейцарии и Скандинавских странах, составляют около 17% ВВП, а международная донорская помощь — около 10% ВВП [21]), а также увеличение заработной платы и кредитования.

Зависимость экономики Косово от международной помощи — вполне самостоятельная тема, заслуживающая отдельного глубокого исследования. Однако в рамках данной статьи нельзя обойти вниманием ряд формирующих ее вопросов.

По данным *ActionAid*, уже в 2009 г. РК вошла в двадцатку наиболее зависимых от помощи стран, расположившись на 18-м месте с условным показателем 45.6% (где % — программируемая помощь странам в процентах от их государственных расходов). Примечательно, что Косово — единственный участник рейтинга, не относящийся ни к одной из имеющихся категорий: *LDC*¹ — наименее развитая страна, *SIDS*² — малое островное развивающееся государство, *LLDC*³ — развивающаяся страна, не имеющая выхода к морю [25, р. 20].

Локомотивами финансовой помощи изучаемой политики выступают ЕС, США, Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР).

Обратимся к цифрам. В рамках финансовой поддержки за все время (с 1999 г.) в том или ином виде Всемирный банк предоставил Косово 470 млн долл. До вступления Косово в группу ВБ в 2009 г. все поддерживаемые проекты финансировались за счет грантов из различных источников (главным образом из чистого дохода банка, трастового фонда Косово, Фонда постконфликтного восстановления и Международной ассоциации развития). В настоящее время РК все еще имеет право на кредитное финансирование со стороны последней. По состоянию на октябрь 2019 г. активный кредитный портфель Ассоциации составил примерно 204.3 млн долл. по проектам в сферах энергетики, образования, сельского хозяйства, здравоохранения, конкурентоспособности, водоснабжения, ИКТ и кадастра [26].

Действующая Рамочная программа партнерства ВБ и Косово на 2017–2021 гг. имеет три основных направления: улучшение условий для ускоренного экономического роста и занятости, обеспечиваемых частным сектором; укрепление системы предоставления госуслуг и макрофискального управления; содействие энергоснабжению и бережному отношению к окружающей среде [27, pp. 19, 22–34]. Все текущие финансируемые ВБ проекты в Косово распределены между указанными направлениями (табл. 1).

Финансовая поддержка РК со стороны ЕС в рассматриваемый период осуществляется в формате помощи странам до их вступления в объединение. В рамках действующего Европейско-

¹ *Least Development Country.*

² *Small Island Developing State.*

³ *Land Locked Developing Country.*

Таблица 1. Активные проекты Всемирного банка в Косово, 2019 г.

	Название проекта	Финансирование, млн долл.
1	Цифровая экономика	25
2	Развитие сельского хозяйства и сельских районов	42.2
3	Энергоэффективность и возобновляемые источники энергии	31.5
4	Здравоохранение	17.3
5	Совершенствование системы образования	7.52
6	Обеспечение водной безопасности и защиты каналов	24.5
7	Конкурентоспособность и готовность к экспорту	15.3
8	Недвижимость и геопространственная инфраструктура	16.5
9	Укрепление финансового сектора	25
	Итого	204.82

Источник: [23, p. 92; 24, p. 80].

го инструмента соседства и партнерства (П) на 2014–2020 гг. ориентировочное финансирование распределено в соответствии с обозначенными Евросоюзом приоритетами, за исключением в части “улучшения региональных и добрососедских отношений с помощью программ трансграничного сотрудничества”, заявленного в качестве приоритетного сектора программы для Косово, но не представленного в табл. 2.

С октября 2012 г. Республика Косово – член Европейского банка реконструкции и развития. Начало сотрудничества было сразу же омрачено разногласиями ЕБРР и Европарламента по поводу строительства новой буроугольной электростанции (Косово Ц) недалеко от Приштины. Общественные обсуждения по данному вопросу были проведены излишне торопливо, а возможные действия в рамках проекта противоречат климатическим обязательствам ЕС. Тем не менее в 2013 г. стартовало сразу четыре проекта с участием ЕБРР (один из них позже был закрыт). В общей сложности, согласно данным Банка, с 2013 по 2020 г.

в РК был инициирован 21 проект по следующим направлениям: финансовые институты (4), инфраструктура (7), транспорт (4), энергетика (3), недепозитный кредит (2), ИКТ (1) [29].

В сводных данных на август 2020 г. ЕБРР приводит 75 проектов по Косово, 40 из которых формируют текущий портфель стоимостью 375 млн евро. Совокупные инвестиции (без указания временных рамок) ЕБРР оценивает в 504 млн евро. Лидирующими составляющими являются финансовые институты, промышленность, торговля и агробизнес, а также устойчивая инфраструктура [30].

Соединенные Штаты – безусловно, главный нерегиональный игрок. Этому не смогли помешать ни сопротивление Конгресса на начальном этапе (речь, в частности, об установлении 15%-го лимита американской донорской помощи по отношению к общему объему международной поддержки), ни обвинения со стороны других, преимущественно европейских игроков в преследовании США собственных интересов, часто в ущерб программам реформ, финансируемым иными донорами. Как правило, американская активность в косовском направлении ассоциируется с работой Агентства по международному развитию (*USAID*). Так, с 1999 по 2019 г. оно инвестировало более 920 млн долл. в “самостоятельность” Косово [31]. Однако список работающих с РК структур гораздо шире. В “Стратегии сотрудничества в целях развития” на 2020–2025 гг. перечислены партнеры Агентства из числа правительственных организаций: Госдепартамент, Министерство обороны, Министерство юстиции и др. [32, p. 16]. Кроме того, внешняя помощь транслируется через частные фирмы. За последние пять лет сводные данные внешней помощи Косово со стороны США выглядят так (см. табл. 3).

Во все без исключения годы лидером по объемам запрашиваемого финансирования оставался сектор “Демократия, права человека и государственное управление” – от 37 до 62% всех средств в отдельные периоды. Его антиподом выступало “Образование и социальные службы” – в среднем 2%. Что же касается поддержки экономического

Таблица 2. Распределение финансирования со стороны ЕС, 2014–2020 гг., млн евро

Направление	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Всего
Демократия и управление	18.00	12.10	38.86	44.96	8.20	24.40	22.90	169.42
Верховенство закона и основные права и свободы	20.60	23.00	8.00	3.00	16.00	5.50	18.00	94.1
Окружающая среда, климат и энергетика	5.50	33.00		10.00	51.50	22.00	21.80	143.8
Конкурентоспособность, инновации, сельское хозяйство и развитие сельских районов	22.65	14.00	10.00	8.20	9.00	37.50	23.00	124.35
Образование, занятость и социальная политика			17.00	12.00	16.00	9.50	16.00	70.5
Всего	66.75	82.10	73.86	78.16	100.7	98.9	101.7	602.17

Источник: [28, p. 52].

Таблица 3. Внешняя помощь США Косово, 2015–2021 гг., млн долл.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Запрошено	48.12	50.72	53.44	34.47	30.97	26.25	32.4
Потрачено	72.20	56.92	59.26	50.26	47.17	42.70	

Источник: [33].

Таблица 4. Финансирование США экономического развития Косово, млн долл.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Запрошено	4.35	4.25	4.45	0.30	1.65	1.05	0.55
Потрачено	12.06	19.95	12.27	12.52	9.38	8.68	

Источник: [33].

Таблица 5. ВВП на душу населения, 2010–2019 гг., долл.

	ВВП на душу населения	ВВП на душу населения (ППС)
2010	3284	8372
2011	3398	8664
2012	3465	8828
2013	3548	9076
2014	3596	9214
2015	3785	9724
2016	3908	10 180
2017	4040	10 531
2018	4161	10 895
2019		11 368

Источник: [23, р. 92; 24, р. 80].

развития, то здесь показатели распределились следующим образом (см. табл. 4).

Завершая обзор ключевых внешних доноров, представляется возможным заключить: на сегодняшний день роль международной помощи в экономике региона по-прежнему высока. Неслучайно отчет ЕК за 2019 г. напрямую связывает финансовую устойчивость Косово с внешней поддержкой (через финансирование реформ) [26, р. 10], а внутриевропейские дискуссии вокруг проблемы эффективности и общей пользы форсированной финансовой подпитки извне не утихают.

Несмотря на существенную внешнюю поддержку, ВВП на душу населения в Косово остается самым низким в регионе [23, р. 45]. Этот фактор неизменен на протяжении ряда лет (табл. 5, рис. 1).

Лучший показатель ВВП за прошедшее десятилетие в 7.93 млрд долл. пришелся на 2019 г. Пандемия естественным образом отразилась на экономике края, которая, как и в целом ряде более устойчивых стран, переживает понижительную волну. Падение реального ВВП прогнозируется до 7.5 млрд долл. Если в январе 2020 г. рост составлял 3.9%, то на июль 2020 г. – всего 1.3% [24]. И все же худшим в формате десятилетия был 2010 г. с показателем 5.84 млрд долл. (табл. 6, рис. 2), а самый низкий показатель за 20 лет – 1.85 млрд долл. – пришелся на 2000 г. [26].

Экономическая диверсификация в крае идет крайне медленно. В товарном экспорте все так же преобладают недорогие металлы и минеральные продукты (48% общего объема экспорта). Исключительный его рост в 2017 г. – 18.8% – замедлился из-за временного падения экспорта базовых металлов в 2018 г. и показал 13.9%. Экспорт услуг продолжает расти главным образом за счет туристических расходов диаспоры [24].

Еще одна базовая характеристика экономики Косово – чрезмерная опора на импорт (табл. 7,

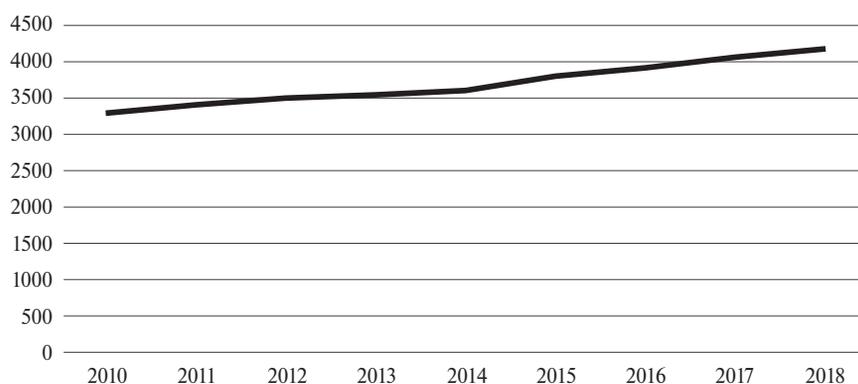

Рис. 1. ВВП на душу населения, 2010–2018 гг., долл.

Таблица 6. Реальный ВВП, 2010–2019 гг.

	Реальный ВВП, млрд долл.	Рост реального ВВП, %
2010	5.84	3.3
2011	6.7	4.4
2012	6.5	2.8
2013	7.07	3.4
2014	7.4	0.9
2015	6.44	4
2016	6.72	4.1
2017	7.23	4.4
2018	7.94	3.9
2019	7.93	4.2

Источник: [23, р. 92; 24; 34].

рис. 3). Торговый баланс со всеми партнерами отрицательный и имеет четкую тенденцию к увеличению этого разрыва (см. табл. 7, рис. 4). В общем с 2003 по 2020 г. он составлял в среднем минус 164 304.89 тыс. евро, достигнув рекордно высокого уровня в минус 46 937 тыс. евро в январе 2003 г. и рекордно низкого уровня в минус 308 350 тыс. евро в декабре 2019 г. [35].

В то же время за изучаемый период в ряду крупнейших торговых партнеров произошли изменения. Если на начальном этапе, по данным

Министерства торговли РК, главными рынками сбыта местной продукции и сырья были Италия и Албания (в порядке убывания), далее – Индия, Швейцария и Македония [18, с. 110], то к концу второй декады XXI в. в этот список вошли Германия, Болгария, Сербия, Китай. Впрочем, Сербия, Китай и особенно Индия основательно сократили в 2018 г. свое присутствие в этом качестве (по отношению к 2017 г.) – в 1.4, 3.7 и 16 раз соответственно [36, р. 23]. Однако, несмотря на некоторое снижение китайского присутствия в регионе, “балканское дыхание” Пекина становится все горячее: только за период с 2012 по 2016 г. Министерством торговли и промышленности Республики Косово было зарегистрировано около 410 китайских предприятий [37, р. 81]. Незначительно сдали свои позиции Болгария и Македония, покинула список Швейцария. Албания, Германия, Италия и вошедшие в категорию “другие страны” последовательно наращивали импорт косовских товаров в 2017–2018 гг. По подсчетам Министерства финансов РК, порядка 85% общего экспорта приходится на страны ЕС и *CEFTA*.

В импорте на то же время Евросоюз стабильно занимал позицию чуть выше 40%: в 2018 г. эта цифра составила 42.79%. Второе место с 26.6% приходилось на *CEFTA* [36, р. 23]. Страновыми лидерами

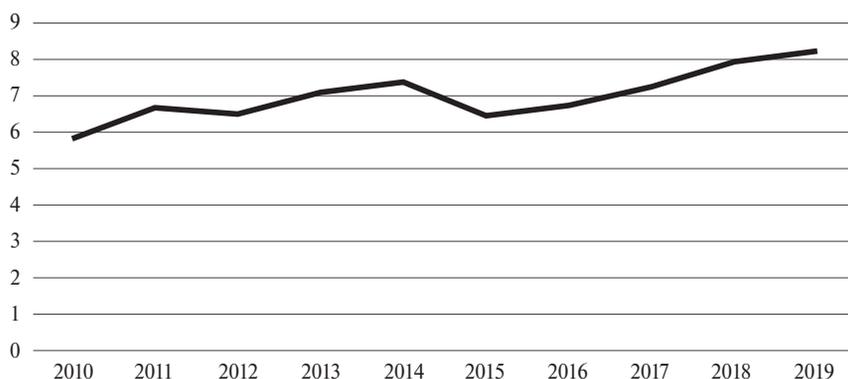

Рис. 2. Реальный ВВП, 2010–2019 гг., млрд долл.

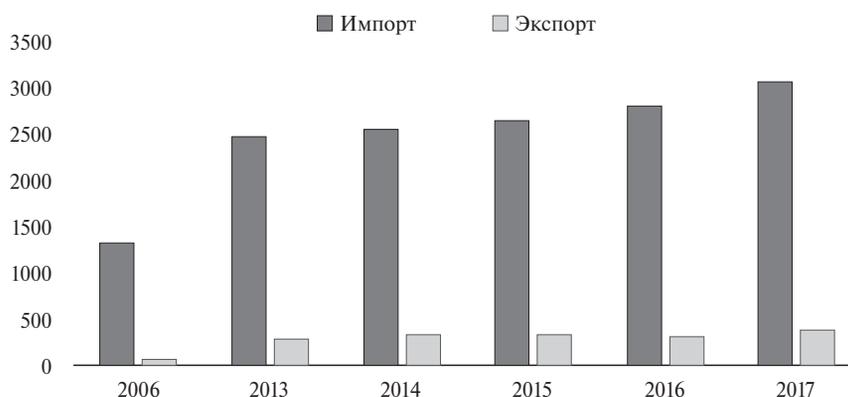

Рис. 3. Импорт и экспорт Косово, 2006–2017 гг., млн евро

Таблица 7. Внешняя торговля Косово, 2006–2017 гг., млн евро

	2006	2013	2014	2015	2016	2017
Импорт	1315	2449	2538	2635	2789	3047
Экспорт	82	294	325	325	310	378
Торговый баланс	-1233	-2155	-2214	-2309	-2480	-2669

Источник: [23, р. 96; 35; 36].

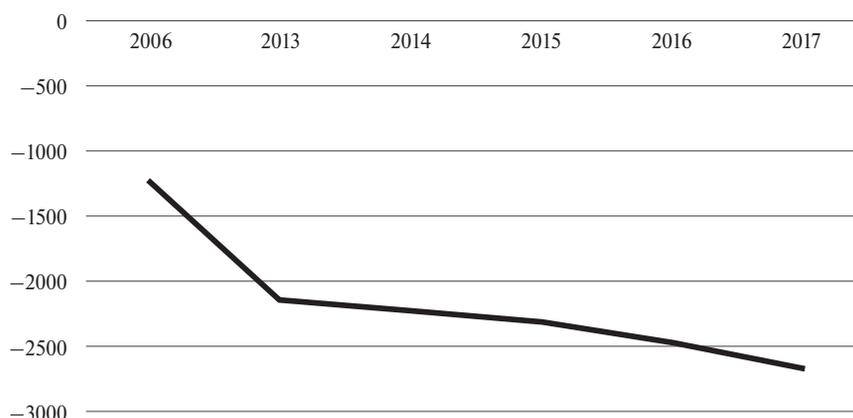

Рис. 4. Торговый баланс Косово, 2006–2017 гг., млн евро

остались Италия и Германия (из числа государств ЕС). С последней за доминирование в косовском импорте состязалась до введения пошлин Сербия с наибольшим показателем за 2017 г., но с меньшим ростом, чем у Германии, на первый квартал 2018 г. [24]. Пятерку ключевых партнеров РК по-прежнему замыкают Китай и Турция. Все страны-импортеры уверенно наращивают свое присутствие в регионе. Список экспортеров оказался стабильнее, его в верхней части покинула только Македония, сместившись в обобщающую категорию “другие”.

Безработица (табл. 8), в отчете ЕК-2019 – “очень сложная ситуация на рынке труда”, справедливо определяется всеми экспертами в качестве одной из главных проблем и приоритетных задач актуальной экономической повестки. С ней сопряжены вопросы имеющейся структуры занятости и ее оптимизации, а также выраженный гендерный дисбаланс. В 2015 г. при общих низких показателях занятости и активности, характерных для Косово, только одна из пяти женщин трудоспособного возраста была активна на рынке труда и лишь каждая восьмая – тру-

доустроена [38, р. 32]. По результатам исследования рабочей силы, проведенного в 2017 г., численность трудоспособного населения составила 1.2 млн человек с аналогичным прошлым годам гендерным распределением. При этом активную рабочую силу (в возрасте 15–64 лет) формировали 513 678 человек, из которых лишь 119 027 – женщины. Следовательно, коэффициент участия женщин в рабочей силе был значительно ниже, чем участия мужчин (20 и 65.3% соответственно), хотя и показал небольшой рост по отношению к 2016 г. [36, р. 16]. В общем и целом эта тенденция сохраняется: на 2019 г. разница между показателями занятости у женщин и мужчин в РК составляла 33% (12.3 и 45.3% соответственно [23, р. 49]). Во многом этому способствует отсутствие детских дошкольных учреждений.

Относительно общих цифр по безработице, фигурирующих в отчетах, следует заметить, что они далеко не в полной мере отражают реальную картину. Например, к безработным не относятся те, кто имеет сезонный заработок или занят один-два раза в неделю, а также включен в разного рода серые и нелегальные схемы. Фактически уровень безработицы значительно выше.

Отдельная проблема – безработица среди молодежи. Впрочем, здесь отмечены небольшие улучшения: от 61% в 2015 г. к 55.4% в 2019 г. В то же время, например, американские эксперты уже традиционно не соглашаются с официальными цифрами косовской статистики и указывают, что безработица среди молодежи значительно выше декларируемых значений [40]. Так или иначе общая картина остается в целом прежней, обнажая

Таблица 8. Уровень безработицы Косово, 2014–2018 гг., %

Год	Уровень безработицы
2014	35.3
2015	32.9
2016	27.5
2017	30.5
2018	29.6
2019	25.7

Источник: [23, р. 97; 27, р. 101; 39; 40].

несоответствие работы местной образовательной системы потребностям рынка труда.

Диспропорции распределения людей по секторам занятости увеличивают нагрузку на бюджет. Давление оказывают социальные льготы для определенных категорий населения, что одновременно подрывает веру остальных в справедливость системы социальных пособий. Постоянное повышение заработной платы госслужащих и работников госпредприятий также создает риски для государственных финансов, а кроме того, препятствует развитию частного сектора, негативно влияя на его привлекательность. Еще один демотиватор в поиске работы — денежные поступления от диаспоры. В целом активность на рынке труда и уровень занятости остались без улучшений с 2016 г.

Согласно исследованию структуры предприятий на 2016 г., наибольшее число их относилось к сектору торговли — 47.7%, затем шли бизнес и другие услуги — 13.6% и далее обрабатывающая промышленность — 13.5%. Общее количество занятых в частном секторе составляло 156 504 человек. Из них: в торговле — 34.9%, обрабатывающей промышленности — 15.6%, бизнес-услугах — 11.8%. Соответственно, наибольший удельный вес в общем объеме товарооборота пришелся на сектор торговли — 57.5%, за ним следуют обрабатывающая промышленность — 11.9% и строительство — 10.5% [34, pp. 45-46]. В числе существенных структурных изменений — заметная тенденция к снижению доли сельского хозяйства (по последним данным, 10.8%). Еще один сектор определяется как “другое” — формально он составляет 9.3% занятости, а фактически, учитывая распространение нелегальных и криминальных практик, — существенно больше [36, p. 63].

На 2018 г. в Косово было зарегистрировано 2636 предприятий. С учетом сведений о закрывшихся (таких 412, по данным на первую половину года [40]) этот показатель вырос по отношению к 2017 г. (2237 предприятий). Подавляющее большинство из них занято в сфере оптовой и розничной торговли — 723, здесь же и самый заметный рост — плюс 100 к предыдущему году; далее — обрабатывающая промышленность, услуги по размещению и питанию, строительство и, наконец, сельское, лесное хозяйство и рыболовство. В силу описанных выше причин более свежих данных по отраслям экономики РК нет. Очевидно только одно: карантинные меры в условиях *COVID-19* не способствовали оздоровлению экономики, многие предприятия вынуждены будут закрыться или перейдут в разряд убыточных.

В общем и целом все отчетные материалы за рассматриваемый период говорят о том, что структурные изменения происходят очень медленно, экономика Косово по-прежнему сильно зависит

от внешних вливаний и внутренней торговли. Некоторое улучшение деловой среды происходит на фоне сохраняющихся масштабных проблем: широкого распространения неформальной экономики, неэффективной судебной системы, всепроникающей коррупции и общей слабости институтов.

Задачи в области нормализации экономической жизни РК также остаются неизменными. В 2019 г. для улучшения экономической ситуации региону было предписано: гарантировать соответствие бюджета требованиям бюджетных правил, особенно в части заработной платы; улучшить финансовый надзор и подотчетность госпредприятий и ускорить их приватизацию; сделать более доступным финансирование малых и средних предприятий; разработать и внедрить активные меры по расширению участия женщин на рынке труда [23, pp. 45-47].

Стратегия реформирования системы государственного финансового управления была пересмотрена на среднесрочную перспективу в 2018 г. Ранее (в 2015–2017 гг.) видение этого направления развития РК было представлено в Национальной стратегии государственных закупок на 2017–2021 гг. и в Стратегии государственного внутреннего финансового контроля на 2015–2019 гг. Однако эти меры пока не принесли желаемых результатов. Опасения по поводу финансовой дисциплины лишь возрастают, а годовой бюджет все так же не пользуется достаточной степенью доверия [7; 34, pp. 11-12]. Отчеты фиксируют значительный перерасход средств по некоторым статьям бюджета (таким как социальные расходы). Дефицит госбюджета в 2018 г. составил 1% ВВП, что несколько выше по сравнению с 2017 г. (0.9%). Однако следует признать, что не дефицит бюджета является главной проблемой экономики изучаемой политики, а отсутствие прозрачности и работающих (в том числе технически) механизмов контроля. Для повышения прозрачности бюджета Министерство финансов РК запустило специальный портал, содержащий информацию о центральных и муниципальных учреждениях, но *IT*-системы Министерства на данном этапе не могут обеспечить полную интегрированную информацию о государственных доходах и расходах.

По итогам 2018 г. отмечен также рост государственного долга до 17.1% ВВП [23, p. 12]. В то же время увеличилась выручка от инвестиционной деятельности правительства. К положительной динамике следует отнести улучшение сети автомобильных дорог. Проведена работа в области обеспечения стабильного энергоснабжения, хотя потери в электроэнергетическом секторе остаются колоссальными. Энергетическая и железнодорожная инфраструктуры — это те сферы, где основная работа еще

только предстоит. Показательно, что существенный интерес в этом вопросе проявляет Китай [37].

ПРОБЛЕМА ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ И ИНВЕСТИЦИЙ

Отдельный пласт предстоящей властям Косово работы — урегулирование прав собственности. Определенные изменения коснулись законодательной и институциональной базы, регулирующих связанные с конфликтом имущественные претензии. Она считается “в целом адекватной”. Тем не менее, несмотря на выделение средств на компенсации, ни один собственник бывшей жилой недвижимости, пострадавшей в ходе конфликта, до сих пор не получил возмещение [41]. Запутанное сочетание законов, постановлений, административных инструкций и судебной практики, а также незаконное повторное занятие собственности и многочисленные претензии на одну и ту же собственность, по мнению европейских наблюдателей, продолжают препятствовать разрешению дел о реституции, возникших в результате войны и ее последствий. Стоит отметить, что более 96% из этих дел были поданы этническими сербами. Физические лица и религиозные общины в массе своей безуспешно ходатайствовали о возвращении захваченного или конфискованного имущества [41]. “Прогресс” в данном направлении олицетворяет только принятый закон о налогах на имущество, который освобождает от их уплаты лица, чье имущество было незаконно приобретено (на период незаконного владения). Такая полумера вряд ли удовлетворит пострадавших. Скорее, “прогрессом” выглядит признание отсутствия политической воли на местах для решения этой проблемы. Нарушение прав собственности в значительной степени касается населения сербских муниципалитетов. Попытка запустить процесс решения этого вопроса А. Вучичем на переговорах в Вашингтоне 4 сентября 2020 г. в очередной раз потерпела неудачу, хотя стороны условились продолжить техническую работу по этому треку [2].

В контексте нарушений прав собственности остро ставится гендерный вопрос. Имущественные права женщин были усилены в новых законах о наследстве, семье и нотариате в ноябре 2018 г. Кроме того, была продлена мера по бесплатной регистрации недвижимого имущества от имени двух супругов — до апреля 2019 г. Но в целом косовские женщины все так же сталкиваются с проблемами в части вопросов владения собственностью и наследования. В общей сложности они владеют менее чем 20% недвижимости [23, р. 28].

В завершение темы коснемся инвестиций. Привлекательность Косово в инвестиционном плане по-прежнему остается под вопросом даже у оптимистично настроенных аналитиков. Несмотря на

то что законодательная база доброжелательна к инвесторам и направлена на привлечение их в регион, развитие в этом направлении идет очень сложно. В числе общих ограничений из отчета в отчет перечисляются: отсутствие информации о регионе и его потенциале на глобальных рынках; плохо отлаженная коммуникация на международном уровне относительно экономической среды РК и возможностей для иностранных инвестиций; отсутствие кредитного рейтинга со стороны уважаемых рейтинговых агентств. Приток иностранных инвестиций в не меньшей степени затруднен высоким уровнем коррупции, медленными и неэффективными реформами в деловой сфере, отсутствием прозрачности, экономической пассивностью во многих секторах, неспособностью действующих институтов справляться со своими задачами и, как следствие, общим негативным восприятием региона со стороны потенциальных инвесторов [7, 17, 18].

Очень редкие аналитические материалы по оценке инвестиционного климата Республики Косово на текущий момент оперируют данными не выше 2017 г. (а по ряду показателей — не выше 2015 г.). К этому рубежу среди наиболее заметных проектов в регионе были связанные с турецко-французским консорциумом *Limak-Aeroport de Lyon*, турецким консорциумом *Limak-Calik*, американо-турецким *Bechtel-Enka*. Довольно споро офисы и представительства здесь открыли *Coca-Cola*, *RC Cola*, *FedEx*, *UPS*, *DHL*, *Deloitte*, *Booz Allen Hamilton*, *Price Waterhouse*, *Hertz*, *Century 21* и *Microsoft*. В то же время ни одной западной франшизы не присутствовало в пищевой и гостиничной индустриях, хотя в этих областях есть определенный прогресс. Наряду с секторами *IT*, энергетики и инфраструктурой они признаны наиболее привлекательными для иностранных инвестиций [40, р. 3].

В период 2008–2015 гг. основной приток инвестиций осуществлялся в сферы недвижимости и финансов, тогда как сельское хозяйство и энергетика были обойдены вниманием инвесторов. Впрочем, падение уровня инвестиций в сельское хозяйство по отношению к самым “прибыльным” годам (2008–2009 гг.) все равно обернулось ростом в 2015 г. по сравнению с пятью предыдущими. Пик инвестиций в обрабатывающую промышленность также пришелся на конец первой декады 2000-х годов, а наименьшие значения — на 2014 г. Транспорт, логистика и коммуникации тоже начали с подъема в 2008 г. и продолжили чередой взлетов и падений в дальнейший период вплоть до 2015 г. Недвижимость и финансовый сектор стабильно остаются лидерами в привлечении зарубежных инвестиций. В 2015 г. иностранные банки представляли 90.4% от общего объема банковских активов РК. На тот же год абсолютный пик значений пришелся и на сферу недвижимости. Здесь драйвером является

косовская диаспора: из ее выходцев сформирован весь костяк инвесторов – до 60% [42, р. 19].

По целому ряду ключевых для инвестиционной привлекательности показателей, таких как открытие бизнеса, получение разрешений на строительство, доступность электричества, регистрация собственности, защита миноритарных инвесторов и др., Республика Косово в пятилетний период (2011–2015 гг.) показала отрицательную динамику. Определенный прогресс в инвестиционном плане был достигнут в налоговой сфере, весьма значительный – в области разрешения проблемы неплатежей. Практически без изменений остались сферы трансграничной торговли и принудительного исполнения контрактов. В рейтинге простоты ведения бизнеса РК поднялась с 75-го места на 44-е. Однако по остальным показателям ситуация не претерпела существенных изменений [43, р. 196].

Общий объем прямых иностранных инвестиций в 2016 г. уменьшился почти на треть: с 338 млн до 234.8 млн евро. Приток прямых инвестиций осуществлялся (в порядке убывания) из Турции, Германии, Швейцарии, Словении и Нидерландов. Этот список остался прежним, если принять во внимание ротацию позиций внутри него: все перечисленные партнеры составляли топ-5 в 2013–2014 гг. В 2017 г. в Косово функционировали 10 коммерческих банков (отделений значительно больше) и 15 лицензированных страховых компаний. Четыре банка представляют турецкий капитал, два – ЕС, по одному принадлежит Австрии, Германии, Сербии и Словении. Для сравнения: на начало 2014 г. это было 9 и 13 соответственно [18, с. 111]. Такая динамика может быть определена, скорее, как стагнация банковского сектора. Количество государственных предприятий – чуть более 60 – осталось практически неизменным [40].

* * *

Подводя итог, можно заключить, что существенных структурных изменений в экономике Косово за прошедший с момента провозглашения “независимости” период не произошло. РК по-прежнему числится в списке беднейших и дотационных регионов Европы. Реформы протекают очень медленно и тяжело. Большая доля госпредприятий убыточна. Частный сектор фрагментирован, доминируют микропредприятия. Экономика чрезмерно опирается на импорт и все больше зависит от торгового сектора. Не решена проблема безработицы, особенно среди молодежи. Финансовая дисциплина, эффективность распределения ресурсов, оптимизация межсекторного взаимодействия, борьба с коррупцией – эти вопросы все так же звучат в актуальной повестке в наши дни, как и 5 и 10 лет назад. Инвестиционная привлекательность региона остается низкой. Экономическая помощь извне формирует значительную часть доходов, ставя под сомнение способность к самостоятельному экономическому существованию региона. Неурегулированные проблемы прав собственности и отсутствие политической воли к их решению наносят дополнительный ущерб имиджу РК и замедляют развитие сразу по нескольким направлениям.

Главный вывод: социально-экономические показатели и их динамика вне зависимости от политических решений в Белграде, Брюсселе или Вашингтоне и планов по “экономической нормализации” относят самопровозглашенную политику в категорию зависимых переменных мировой экономики. Не только в средне-, но и в долгосрочной перспективе оснований для превращения региона в экономически самостоятельный и суверенный субъект международного права не предвидится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Press Statement*. 24 June 2020. Kosovo Specialist Chambers & Specialist Prosecutor's Office. Available at: <https://www.scp-ks.org/en/press-statement> (accessed 25.07.2020).
2. Tekst sporazuma koji je u Vašingtonu potpisao Aleksandar Vučić. *KoSSev*, 04.09.2020. [Text of the Agreement Signed by A. Vucic in Washington. *KoSSev*, 04.09.2020. (In Serb.)] Available at: <https://kossev.info/tekst-sporazuma-koji-je-u-vasingtonu-potpisao-aleksandar-vucic/> (accessed 15.10.2020).
3. Gjevori E. Kin State Non-Interventionism: Albania and Regional Stability in the Western Balkans. *Nations and Nationalism*, 2018, vol. 24 (1), pp. 171-193. DOI: 10.1111/nana.12344
4. Arifi D., Nuhiu F. Kosovo Political Party Attitudes towards European Integration. *European Journal of Social Sciences Education and Research Articles*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 142-149. Available at: <https://journals.euser.org/index.php/ejsr/article/view/ejsr-2018.v5i1-474> (accessed 25.07.2020).
5. Vasiljević J. Citizenship as Social Object in the Aftermath of the Yugoslav Break-Up. *Nations and Nationalism*, 2018, vol. 24, part 4, pp. 1142-1161. DOI: 10.1111/nana.12389
6. Lekë P., Alban E. Role of Public Expenditure in Economic Growth: Econometric Evidence from Kosovo 2002–2015. *Baltic Journal of Real Estate Economics and Construction Management*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 74-87. DOI: 10.2478/bjreecm-2018-0006
7. Matoshi R., Veseli B. Economic Growth in Kosovo as a Challenge to Environmental Preservation in the Republic of Kosovo. *European Journal of Marketing and Economics*, 2018, vol. 1, pp. 26-34. DOI: 10.26417/ejme.v1i2.
8. Agir B.S., Arman M.N., Akçay E.Y. The Peace-Building Efforts of the European Union in the Western Balkans: Cases of Macedonia and Kosovo. *Dokuz Eylül Üniversitesi Yayın Söyşal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 2019, vol. 21, no. 2, pp. 517-531.

9. Muriqi Sh., Fekete-Farkas M., Baranyai Zs. Drivers of Cooperation Activity in Kosovo's Agriculture. *Agriculture*, 2019, vol. 9, no. 5, pp. 1-12.
10. Bajćinca E. Some Features of Investing SMEs in Kosovo. *Journal of Economics and Political Economy*, 2015, vol. 2, no. 3, pp. 309-316. DOI: 10.1453/jepe.v2i2.262
11. Williams C., Krasniqi B. Explaining Informal Sector Entrepreneurship in Kosovo: An Institutional Perspective. *Journal of Developmental of Entrepreneurship (JDE)*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 1-20. DOI: 10.1142/S1084946718500115
12. Terry D. Politicized Ethnicity and Income Inequality. *Studies in Ethnicity and Nationalism*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 68-90. DOI: 10.1111/sena.12220
13. Alestina A., Michalopoulos S., Papaioannou E. Ethnic Inequality. *Journal of Political Economy*, 2016, no. 124 (2), pp. 428-488.
14. Brown G.K., Langer A. Conceptualizing and Measuring Ethnicity. *Oxford Development Studies*, 2010, no. 38 (4), pp. 411-436. DOI: 10.1080/13600818.2010.525629
15. Kolev K., Wang Y. Ethnic Group Divisions and Clientelism. *Paper Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association*, 2010, August. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1644406 (accessed 25.07.2020).
16. Vachudova M. The Thieves of Bosnia: The Complicated Legacy of the Dayton Peace Accords. *Foreign Affairs*, 24.02.2014. Available at: <http://www.foreignaffairs.com/articles/140966/milada-vachudova/the-thieves-of-bosnia> (accessed 25.07.2020).
17. Дрыночкин А. Экономические проблемы реализации проекта "Косово". *Мировое и национальное хозяйство*, 2014, № 4 (31). [Drynochkin A. Ekonomicheskie problemy realizacii proekta "Kosovo" [Economic Problems of Implementing the "Kosovo" Project]. *Mirovoe i nacional'noe hozjajstvo*, 2014, no. 4 (31).] Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2014/2014-04/ekonomicheskie-problemy-realizacii-proekta-kosovo> (accessed 25.07.2020).
18. Арляпова Е.С. Косово – экономическая "витрина" постконфликтного регулирования? *Обозреватель*, 2014, № 12 (299), сс. 101-113. [Arlyapova E.S. Kosovo – ekonomicheskaya "vitrina" postkonfliktного regulirovaniya? [Kosovo – an Economic "Showcase" of Post-Conflict Regulation?] *Obozrevatel'-Observer*, 2014, no. 12 (299), pp. 101-113.]
19. Попович Н. *Откровенно об экономике Косово и Метохии*. Москва, Известия, 2009. 564 с. [Popovich N. *Otkrovenno ob ekonomike Kosovo i Metohii* [Frankly about the Economy of Kosovo and Metohija]. Moscow, Izvestiya, 2009. 564 p.]
20. Ponomareva E. Quo Vadis, Serbia? *Russia in Global Affairs*, 2020, no. 1 (69), January/March, pp. 158-179. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-158-179
21. *Kosovo Economy – Overview*. Index Mundi. Available at: https://www.indexmundi.com/kosovo/economy_overview.html (accessed 25.07.2020).
22. Perez A.E. *Renewing Hope? An Analysis of the New EU Enlargement Methodology and Its Implications for Kosovo*. Policy Analysis. Prishtina, Group for Legal and Political Studies, 2020. 18 p.
23. *Kosovo 2019 Report*. European Commission. Available at: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-kosovo-report.pdf> (accessed 25.07.2020).
24. *Kosovo GDP 2000–2019*. Trading Economics. Available at: <https://tradingeconomics.com/kosovo/gdp> (accessed 25.07.2020).
25. *Real Aid. Ending Aid Dependency*. Action Aid. Available at: https://www.actionaid.org.uk/sites/default/files/doc_lib/real_aid_3.pdf (accessed 14.10.2020).
26. *World Development Indicators (Kosovo)*. The World Bank. Available at: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&country=XKX> (accessed 25.07.2020).
27. *Country Partnership Framework for Republic of Kosovo for the Period FY17-FY21*. April 25, 2017. The World Bank Group. Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/297951496160148830/pdf/112337-Corrigendum-PUBLIC-Kosovo-CPF-with-Corrigendum-May-8-clean-w-scd-box-edits-May-24-2017-08032017.pdf> (accessed 15.10.2020).
28. *Annex to the Commission Implementing Decision amending Commission Decision C(2014)5772 of 20.8.2014 adopting the Indicative Strategy Paper for Kosovo* for the period 2014–2020*. European Commission. 10.08.2018. 56 p. Available at: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20180817-revised-indicative-strategy-paper-2014-2020-for-kosovo.pdf> (accessed 13.10.2020).
29. *Project Summary Documents (2020)*. European Bank for Reconstruction and Development. Available at: <https://www.ebrd.com/work-with-us/project-finance/project-summary-documents.html?filterCountry=Kosovo> (accessed 11.10.2020).
30. *Kosovo Data (2020)*. European Bank for Reconstruction and Development. Available at: <https://www.ebrd.com/kosovo-data.html> (accessed 11.10.2020).
31. *U.S. Government Continues Its Commitment to Support Kosovo's Journey to Self-Reliance*. USAID. Available at: <https://www.usaid.gov/kosovo/news-information/press-releases/us-government-continues-its-commitment-support-kosovos-journey-self-reliance> (accessed 12.10.2020).
32. *Country Development Cooperation Strategy*. May 13, 2020 – May 13, 2025. USAID / Kosovo. Available at: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1870/CDCS-Kosovo-May-2025_External.pdf (accessed 12.10.2020).
33. *U.S. Foreign Assistance*. Available at: <https://foreignassistance.gov/explore/country/Kosovo> (accessed 12.10.2020).
34. *Kosovo 2018 Report*. European Commission. Available at: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20180417-kosovo-report.pdf> (accessed 25.07.2020).

35. *Kosovo Balance of Trade (2020)*. Trading Economics. Available at: <https://tradingeconomics.com/kosovo/balance-of-trade> (accessed 25.07.2020).
36. *Economic Reform Programme (ERP) 2019–2021*. January, 2019. 164 p. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/kosovo_erp_2019-2021.pdf (accessed 25.07.2020).
37. Chrzova B., Grabovac A., Hala M., Lalić J., eds. *Western Balkans at the Crossroads: Assessing Influences of Non-Western External Actors*. Prague, Prague Security Studies Institute, 2019. 92 p. Available at: https://docs.wixstatic.com/ugd/2fb84c_0111856c88724a8cb0caac1dad0d762e.pdf (accessed 25.10.2019).
38. *Kosovo 2015 Report*. European Commission. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2015/20151110_report_kosovo.pdf (accessed 25.07.2020).
39. *The World Bank in Kosovo. Overview*. The World Bank. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/kosovo/overview#3> (accessed 25.07.2020).
40. *Kosovo Investment Climate Statement 2017*. U.S. Department of State. Available at: <https://xk.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/133/2017/07/KosovoICS2017.pdf> (accessed 25.07.2020).
41. *2019 Country Reports on Human Rights Practices: Kosovo*. U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/reports/2019-country-reports-on-human-rights-practices/kosovo/> (accessed 25.07.2020).
42. Pula E., Loxha A., Elshani D. *How 'Friendly' is Kosovo for Foreign Direct Investments*. Prishtina, Group for Legal and Political Studies, 2017. 39 p.
43. *Doing Business 2015*. Washington, World Bank Group, 2014. 331 p.

THE ECONOMY OF SELF-DECLARED KOSOVO

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 58-70)

Received 30.10.2020.

Elena S. ARLYAPOVA (elena.s.arlyapova@gmail.com),

Institute of System-Strategic Analysis (ISSA), 16, Kuskovskaya Str., Moscow, 111398, Russian Federation.

Elena G. PONOMAREVA (nastya304@mail.ru),

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Intensification of the final resolving processes over the Kosovo issue made it necessary to pay closer attention to social and economic features of the self-declared polity, which are often underestimated losing scores in favor of political, not economical, agenda. With emphasis on the most recent data (2015–2020), Kosovo official statistics, international and local organizations, mass media materials, with high involvement of interviews and surveys conducted during working trips to the Balkan region, and long-term observations, this paper is urged to remove this gap and to answer the question of economic independence and viability, directly concerned with the fundamental matter of sovereignty. Despite the thesis on favorable starting conditions in a form of abundance of various natural resources and ready-made industrial base, widely used in public rhetoric during separatist movement, the words have mostly remained just words – no significant structural changes have taken place in Kosovo's economy since its self-declared independence in 2008. Reports reflect some increase of economic activity since 2015, but in almost all key directions – administrative reform, fundamental rights, fight against corruption and organized crime, regional cooperation development, etc. – there has been a very little progress up to date. Huge informal sector, desperate situation with youth's unemployment, gender disproportion in the labor and legal fields – these are among the strongest economic challenges and the highest barriers for Kosovo on its way to European integration. In recent years, local economy drivers were state investments into infrastructure and private consumption, which is still mostly based on large transactions from abroad, together with increasing salary rates and lending. Economic diversification goes slowly. Base metals and mineral products dominate – same as during previous years – in regional export of goods, providing slightly less than a half of its entire volume. Excessive reliance on import is another feature of economic development in contemporary Kosovo. List of services and goods providers remains stable for the past decade, led by Germany and Italy, with growing influence of China and Turkey. Some improvement of business climate co-exists with essential economic problems. Kosovo's economy still highly depends on external incomes and internal trade sector. Local educational system does not match local labor market needs. Financial discipline, efficient distribution of resources, optimization of sectoral interaction, fight against corruption and crime – these tasks remain the ones of high priority and are still in the current economic agenda today, like they were five and 10 years ago. Kosovo's real investment attractiveness is in question; however, much work has been done in the legal field to speed up and secure the fundraising process. Unresolved problems of property rights and lack of political will to handle these issues hurt investment perspectives and slow down economic development. COVID-2019 brings additional damage to Kosovo's economy, but its overall results are to be yet evaluated.

Keywords: Kosovo, economic structure, investment climate, unemployment, socio-economic development.

About authors:

Elena S. ARLYAPOVA, Candidate of Political Science, Senior Researcher.

Elena G. PONOMAREVA, Doctor of Political Science, Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-58-70

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОАЛИЦИОННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ РЕГИОНАЛИСТСКИХ И ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РЕГИОНАХ ИСПАНИИ

© 2021 г. Е. Филиппова

ФИЛИППОВА Евгения Юрьевна, аспирантка,
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, РФ, 614990 Пермь, ул. Ленина, 13А;
Европейский университет в Санкт-Петербурге, РФ, 191187 Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
(evfilippova@eu.spb.ru).

Статья поступила в редакцию 09.09.2020.

Исследование нацелено на определение факторов, влияющих на создание коалиционных правительств регионалистских и общенациональных политических партий в автономных сообществах Испании. Рассматривается влияние таких факторов, как размер коалиции, идеологическая межпартийная дистанция (включая регионалистско-идеологическое измерение) и соответствие раскладов партийных сил на региональном и общенациональном уровнях управления. Определено, что размер коалиции принципиален для коалиционных сделок, в то время как две другие категории факторов проявляют себя ситуативно, однако в ряде автономных сообществ демонстрируют устойчивую тенденцию к влиянию в совокупности со структурными (контекстуальными) условиями.

Ключевые слова: коалиционные правительства, коалиционные соглашения, политические партии, регионалистские партии, общенациональные партии, регионализм, многоуровневая политика, автономные сообщества, Испания.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-71-79

Политический порядок, организованный государствами современного типа *nation-state*, постепенно трансформируется: меняется система взаимоотношений между разными уровнями власти внутри самих государств и, если речь идет о Европейском союзе, между национальными государствами и наднациональным властным ярусом [1]. Многоуровневость управления, выступающая результатом этой трансформации, приобретает политическое значение и становится многоуровневой политикой – “контейнером” взаимодействий между разными ярусами и акторами [2, 3, 4]. Опыт федерализирующихся европейских государств демонстрирует, что значимой движущей силой многоуровневой политики выступает субнациональный регионализм, понимаемый как “движение, которое стремится к политическому конституированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс” [5, с. 105]. Ключевым актором регионализма в этих условиях становятся регионалистские политические партии, осуществляющие электоральную мобилизацию в границах одной субнациональной административно-территориальной единицы и манифестирующие требования расширения ее политической субъектности [6, 7, 8].

Фрагментированные сложноустроенные государства, как убедительно демонстрируют резуль-

таты тематических исследований, имеют меньшую степень национализации региональных партийных систем (и, соответственно, большую степень регионализации), чем общества с относительно монолитной структурой населения [9]. Такой контекст и связанная с ним актуализация политико-субъектной роли регионалистских политических партий связаны, с одной стороны, с количественным увеличением присутствия этих партий в регионах, которое объясняется исследователями в рамках кросснационального сравнительного анализа [10]. С другой стороны, расширение присутствия регионалистских партий обострило академическую дискуссию о возможностях и перспективах получения и осуществления такими организациями реальных властных полномочий [11]. Одним из каналов достижения этих полномочий на региональном уровне в парламентских демократиях выступают коалиционные интеракции между регионалистскими и общенациональными политическими партиями: первые ассоциируются преимущественно с региональным ярусом управления, в то время как вторые – с центральным (национальным).

Богатый эмпирический материал для исследования обозначенной арены многоуровневой политики предоставляют испанские автономные сообщества, где в 2000-е годы было заключено порядка трех десятков коалиционных соглашений между региона-

листскими и общенациональными политическими партиями [12, 13]. Неочевидно, однако, почему в одних случаях таким партиям удается прийти к коалиции и сформировать региональное правительство, а в других — нет? В статье представлена попытка с опорой на теории партийных коалиций очертить пул факторов, влияющих на достижение коалиционных соглашений между названными политическими акторами в испанских автономных сообществах.

КЛАССИЧЕСКИЕ ОБЪЯСНЕНИЯ И НОВЫЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ ПАРТИЙНЫХ КОАЛИЦИЙ

В политической науке сформировался спектр коалиционных теорий, призванных объяснить факторы формирования партийных союзов. Относительно простые и одномерные теоретические модели, начало которым дал М. Дюверже, дорабатывались и усложнялись, приобретая многоаспектный характер. Со временем стало понятно, что коалиционные теории достигли такой точки, которую М. Лейвер обозначил как *incestuous relationship* между теорией и данными [14]. В лейверовской метафоре под этим термином понимаются такие отношения между теорией и данными, в чьих границах наблюдаемые данные порождают новые гипотезы, которые дополнительно проверяются на тех же самых данных. Бельгийская исследовательница И. Стэфурюк определила такой процесс как “точку замкнутости в коалиционных исследованиях” (*a point of circularity in coalition research*), то есть как замкнувшийся цикл в отношениях между теорией и данными, который не прерывается и перманентно порождает сам себя [12]. Эта осознаваемая “точка замкнутости” в последние десятилетия дала исследователям возможность для еще большего усложнения теории партийных коалиций применительно к субнациональному уровню управления в условиях многоуровневой политики.

Согласно классическим теориям формирования коалиционных правительств, ключевой интерес политических партий к стратегическому объединению заключается в максимизации своей полезности [15, 16]. Реализация такого интереса объясняется исследователями через принцип минимального размера коалиции, сформулированный У. Райкером и интерпретируемый исследователями различными способами: одни считают, что речь идет о минимальном количестве партий внутри коалиции, достаточном для ее формирования, другие — что подразумевается минимальное количество полученных парламентских мест [17, 18]. Идею о минимальном количестве партий развил М. Лайзерсон, логика которого состоит в том, что “коалиция с двумя участниками всегда предпочтительнее коалиции с тремя участниками.

Если невозможно сформировать выигрывающую коалицию из двух акторов, то выигрывающая коалиция из трех акторов, если таковая есть, предпочтительнее коалиции из четырех акторов и т. д.” [19, с. 214; 20]. Логика минимального размера коалиции продолжил развивать У. Гамсон [21]. Во главу угла при анализе факторов, влияющих на их формирование, исследователь поставил аспект максимизации партийной полезности, операционализируемой через объем ресурсов (парламентских мандатов) и объем дивидендов (“прибыли”, получаемой после заключения коалиции).

Другой классический спектр теорий связан с учетом партийно-идеологического компонента при объяснении факторов заключения коалиционных соглашений. Р. Аксельрод сформулировал теорию “связанных коалиций”, где под связанностью имеется в виду детерминированность коалиционной успешности идеологическим аспектом. В логике исследователя межпартийные союзы конструируются партиями, которые оказываются близки друг к другу в границах идеологического спектра [22]. Свою теоретическую модификацию с учетом идеологического компонента предложил А. Де Сваан. Исходным тезисом исследователя выступило предположение о том, что идеология имеет значение для формирования коалиции наряду с дистанцией политических взглядов между партиями [23].

Наличие двух пулов объяснений коалиционной политики, основанных на размерном и идеологическом критериях, постепенно привело к возникновению многомерных моделей коалиционирования. Среди таких моделей — теория М. Лейвера, разработанная в соавторстве с К. Шепсле и основанная на комбинации идеологического и политического аспектов партийных характеристик, которые укладываются в двухмерную шкалу и “работают” в комбинации друг с другом [24]. Опыт комбинирования факторов коалиционного строительства повлек за собой конвенцию исследователей по поводу того, что отстаивать мнение о наличии у политической партии в данный момент времени какого-то единственного из резонансов для заключения коалиции — не очень реалистично [25, 26, 27, 28]. Тем не менее обе теории — и про размер коалиций, и про идеологическую межпартийную дистанцию — считаются классическими объяснениями конструирования межпартийных союзов. Вместе с тем отчетливыми стали и ограничения этих теорий: учет только национального уровня управления, попытки так называемых *large-N* сравнений коалиций, не позволяющие должным образом контролировать влияние специфических страновых политико-институциональных контекстов и т. д. На волне критики теорий в качестве одного из вариантов выхода из ограничений Р. Зариски предложил сравнение процессов формирования коалиций в региональ-

ных законодательных органах внутри одной страны и продемонстрировал это сравнение на примере итальянских регионов [29].

Контекст многоуровневой политики и возрастающая значимость регионального уровня управления уже в 2000-е годы привели к необходимости переосмысления теорий партийных коалиций не только с позиций выбора случаев для исследования, но и с позиций учета дополнительных объясняющих факторов помимо размерности и идеологии. В результате было подтверждено предположение о том, что в многоуровневых условиях изменения составов коалиции на национальном уровне могут определять соответствующие изменения и на региональном: субнациональная арена иногда выступает своего рода “тренировочной базой” для создания новых партийных объединений и тестирования их успешности перед попыткой перехода на национальный ярус управления [30, 31]. Продолжая идею о многоуровневости, И. Стэфурюк подтвердила, что формирование региональной коалиции является частью двухмерного политического пространства, в результате чего может быть полезно дополнять логику анализа изучением партийных стратегий не только в региональном, но и в национальном разрезе [32, 12]. В логике двухмерности пространства проведены исследования совпадения/несовпадения коалиционных стратегий общенациональных партий на центральном и региональном уровнях [13].

Отдельным уточнением теории партийных коалиций выступил учет парламентского присутствия регионалистских партий, игнорируемый классическими трактовками. Сравнительный анализ участия автономистских партий (разновидность регионалистских) в правительственных коалициях провели А. Элиас и Ф. Тронкони, продемонстрировав, что такие партии влияют на многоуровневую динамику формирования правительств [11]. В рамках количественного исследования региональных коалиций в Испании и Италии Ф. Тронкони объяснил, что парламентский опыт и факт получения голосов на последних выборах не отражаются на вероятности участия этнорегионалистских партий в правительстве, в то время как политико-идеологическая межпартийная дистанция имеет значение [33]. А. Фалько-Гимено показал, что географическая концентрация голосов оказывает воздействие на вероятность вхождения региональных партий в коалиционные правительства на локальном уровне [34]. Э. Масетти и А. Шекель исследовали проблему конфигурации региональных и национальных правительств в присутствии регионалистских политических партий [7]. Вместе с тем интеракции регионалистских и общенациональных партий при заключении коалиционных соглашений с учетом маркирования регионалистских партий в качестве контрагента со

специфической повесткой пока остаются исследовательской лакуной, шаг по заполнению которой предпринят в данной статье.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРТИЙНЫХ КОАЛИЦИЙ

Коалиционная политика на региональном уровне представляет собой привычный для Испании партийно-электоральный контекст [35, 36]. Регионалистские и общенациональные политические партии в девяти автономных сообществах заключили 33 коалиционных соглашения во всех электоральных циклах в 2000-е годы. Определение этого обстоятельства в рамках данного исследования реализовано с помощью последовательности следующих аналитических шагов. Во-первых, была проанализирована региональная электоральная статистика за указанный период на предмет выявления специфики партийных систем, сложившихся в испанских автономных сообществах. Во-вторых, все парламентские политические партии были разделены на две группы: регионалистские и общенациональные. Определение того, какие из них можно считать регионалистскими, реализовано с помощью изучения текстов партийных манифестов. В случае если в этих текстах обнаруживались требования по поводу расширения политической субъектности “своего” региона, партии присваивался статус регионалистской. На этом этапе было установлено присутствие 19 регионалистских партий в 10 из 17 автономных сообществ Испании. В-третьих, на основании анализа электоральной статистики с учетом выявленных регионалистских партий составлен спектр случаев заключенных коалиционных межпартийных соглашений в испанских регионах в 2000-е годы. В-четвертых, зафиксированные случаи анализировались с точки зрения размера коалиции, идеологической межпартийной дистанции (включая регионалистско-идеологическое измерение) и соответствия раскладов партийных сил на региональном и общенациональном уровнях управления. Эмпирическим материалом для определения идеологической межпартийной дистанции стали тексты партийных манифестов и материалы официальных партийных сайтов, для определения двух других факторов — данные электоральной статистики.

Фактор размера коалиции и важность учета специфики региональных партийных систем. Сравнительный кроссрегиональный взгляд на случаи состоявшихся правительственных коалиций позволяет сделать вывод о работоспособности аргументации теории рационального выбора в объяснении факторов межпартийного коалиционирования. Аргумент М. Лайзерсона по поводу необходимости и достаточности коалиции с двумя участниками, если сумма их результатов на парламентских

выборах позволяет сформировать правительство без привлечения третьей стороны, срабатывает если не безусловно, то относительно успешно [20]. Можно наблюдать, что только 8 случаев из 33 состоявшихся коалиционных правительств потребовали включения в коалицию более двух партий, что было обосновано нехваткой объединенного результата какой-либо пары политических сил для формирования правительства. Более того, шесть из восьми наблюдаемых отклоняющихся случаев имели место в период трансформации испанской партийной системы, когда сначала “Граждане” и “Подemos” (с 2015 г.), а затем и “Вокс” (с 2019 г.) заявили о своей претензии на активную роль в общенациональной политике и случилась трансформация традиционного для этой страны бипартизма в сторону многопартийности [37].

То, что С.М. Хенкин метафорично и точно обозначил в качестве “политического землетрясения” в контексте перестройки партийной системы Испании, в этот период повлекло за собой практики усиления двухпартийных коалиций третьими и четвертыми участниками там, где это было необходимо для сохранения влияния “Испанской социалистической рабочей партии” (ИСРП) или “Народной партии” (НП) Испании [38]. Так, в Арагоне в 2019 г. была сформирована коалиция не просто из общенациональной партии и одного из двух присутствующих в парламенте регионалистских акторов (как было до этого), но из ИСРП и одновременно из обеих регионалистских партий — “Арагонской партии” (АП) и “Арагонского союза” (АС), каждая из которых получила только по 3 мандата из 67 возможных. При этом в Наварре, Валенсии и на Канарских островах в качестве третьего партнера в коалиционное правительство включилась “Подemos”, тем самым позволив ИСРП оставить НП в оппозиции вместе с довольно сильными (например, в Валенсии) “Гражданами”. Аутсайдером в электоральном цикле 2019 г. выглядит случай Канарских островов в том смысле, что новый формат коалиции там (ИСРП + “Подemos” + “Новые Канарские острова” + “Социалистическая группа Гомеры”) впервые с 1999 г. не включил регионалистскую по своей повестке “Канарскую коалицию”, оставив ее в оппозиции с 20 из 70 полученных мандатов в парламенте [39].

Два из восьми наблюдаемых случаев относятся к Каталонии — там в 2003 и 2006 гг. были сформированы коалиционные правительства между общенациональной ИСРП и двумя регионалистскими партиями — “Левыми республиканцами Каталонии” и “Инициативой для Каталонии — Зелеными”. Ключевой задачей каталонского отделения ИСРП в оба электоральных цикла выступило противостояние регионалистскому альянсу “Конвергенция и Союз”, который с 1980 по 2003 г. ни разу не терял

правительственный статус, а в 2010 г. вновь вернул его до момента своего распада в июне 2015 г. Коалиционная сделка с двумя партиями поэтому выступила для социалистов наиболее эффективным способом оставить на тот момент не привыкшую терпеть поражения “Конвергенцию и Союз” в оппозиции.

Необходимо отметить, что коалиционная партийная политика в Каталонии представляет собой выделяющийся особый случай в общем спектре заключенных правительственных соглашений в силу ярко выраженной специфики региональной партийной системы. Неслучайно ряд исследователей, среди которых, например, В. Кутузова, констатирует функционирование в Каталонии особой партийной подсистемы, которую отличает “гегемония националистических партий” [40]. Оговариваясь, что под националистами в данном случае понимаются регионалистские партии, их доминирование можно отчетливо рассмотреть в спектре заключенных после 2010 г. коалиционных соглашений. Если в 2003 и 2006 гг. общенациональная социалистическая партия выступала значимым участником коалиционного правительства, то с 2010 г. Каталония устойчиво демонстрирует феномен коалиций и однопартийных правительств, состоящих только из регионалистских политических партий. Два кабинета, последовательно сформированные лидером “Конвергенции и Союза” Артуром Масом (в 2010 и 2012 гг.), включили в себя только регионалистов (“Демократическую конвергенцию Каталонии” и “Демократический союз Каталонии”), а кабинет Карлеса Пучдемона в 2015 г. сложился посредством регионалистского альянса «Вместе за “Да”» на волне обострившегося в тот период центр-регионального конфликта. Действующее каталонское правительство также составлено регионалистами, среди которых “Левые республиканцы Каталонии”, “Вместе за Каталонию” и “Каталонская европейская демократическая партия”. Таким образом, отсутствие в автономном сообществе коалиций между регионалистами и общенациональными партиями в 2000-е годы за исключением 2003 и 2006 гг. определяет нахождение Каталонии за пределами данного исследования, однако подчеркивает и актуализирует специфику и уникальность региональной партийно-электоральной политики.

Кроме Каталонии, отмечают исследователи, особая партийная подсистема сложилась в Стране Басков, где, как и в каталонском случае, очень успешны националисты [41]. Принципиальная разница между Каталонией и Страной Басков заключается в том, что баскские националисты в 2000-е годы гораздо чаще оказывались перед необходимостью вступать в коалиции с общенациональными партиями из-за недостаточной электоральной поддержки для формирования однопартийного правительства. Важно, что “Баскская националистическая

партия» (БНП) играет устойчивую роль «старшего партнера» по коалиции, в разные электоральные циклы привлекая в качестве «младших» общенациональную партию «Объединенных левых – Зеленых» (2005–2009) и социалистов (два раза подряд, начиная с 2016 г.). Случай Басконии позволяет наблюдать, какое значение имеет контекстуальный фактор в виде специфики региональной партийной системы, выраженной в «силе» и устойчивости региональных националистов, для конфигураций коалиционных партийных стратегий. Принципиально важно поэтому при анализе факторов, способных влиять на партийные коалиционные стратегии, учитывать контекстуальную специфику автономных сообществ подобно случаю Каталонии и Страны Басков. Как подчеркивает И. Прохоренко, в Испании «в силу исторических причин столь сильны региональные различия», и данное обстоятельство, представляется, само по себе определяет сложность и неоднородность коалиционной политики в автономных сообществах [42, с. 34]. Кажется, однако, что это не влечет за собой необходимость ограничиться описанием отдельных случаев и, напротив, усиливает исследовательский интерес к поиску общих факторов, которые могут влиять на заключение коалиционных соглашений между регионалистскими и общенациональными политическими партиями в условиях мозаичного сложноставного «государства автономий».

Как сказано выше, одним из таких общих факторов выступает размер коалиции: ревизия теории рационального выбора (ТРВ) с учетом присутствия регионалистских партий со специфической повесткой позволяет наблюдать, что данный критерий имеет значение. Регионалисты, зачастую оказываясь для общенациональных партий единственной альтернативой друг другу (например, анализ демонстрирует, что НП склонна объединяться с регионалистами, оставляя в оппозиции ИСРП, а последняя действует точно так же для усиления своей конкурентоспособности в отношении НП), выглядят потенциально успешным коалиционным партнером. Эту логику подтверждают наблюдения исследователей-испанистов, констатирующих, что идеологические разногласия между ИСРП и НП очень сильны в частных аспектах: «Так, консерваторам модель «государства автономий» представляется оптимальной, они используют жесткую риторику в отношении любых притязаний сепаратистов, отказываясь даже обсуждать их антиконституционные планы. Социалисты все чаще поднимают вопрос о конституционной реформе с целью дальнейшей федерализации государства, превращения сената испанского парламента в подлинную палату территориального представительства, уравнивания в правах мужчин и женщин в вопросе наследования монаршего трона, выступают за изменение электро-

рального законодательства страны на более «справедливое» и так далее» [43, с. 46].

Успешность коалиционного потенциала регионалистов в условиях противостояния крупнейших общенациональных партий иллюстрирует, например, случай Кантабрии, где с 1999 по 2015 г. (до трансформации системы в многопартийную) в условиях трехпартийности «Регионалистская партия Кантабрии» лишь единожды, в 2011 г., не смогла принять участие в формировании кабинета, фактически постоянно разделяя министерские портфели как с НП (1999–2003), так и с ИСРП (устойчиво с 2003 г.). При этом более углубленный ретроспективный взгляд позволяет заметить, что, когда одна из общенациональных партий в Кантабрии оказывалась способной самостоятельно сформировать правительство, забирать регионалистов в коалицию она не стремилась: так происходило, например, в 1983–1995 гг. и уже в упомянутом выше 2011 г., когда НП получила абсолютное большинство (20 мест из 39), что позволило ей не задумываться о коалиции.

Случай Кантабрии не уникален в отношении потребности общенациональных партий вступать в коалицию с регионалистами в условиях безальтернативности: похожая ситуация наблюдается, например, в Арагоне, где регионалистская «Арагонская партия» на протяжении фактически всего демократического периода успешно получала региональные министерские портфели в результате вступления в коалиционное правительство, а в 1987–1989 гг. формировала его единолично. Партнером для регионалистов в разное время были как НП (1989–1993, 1995–1999, 2011–2015), так и ИСРП (1999–2011 и с 2019 г.). Случай Арагона демонстрирует довольно успешный и устойчивый коалиционный потенциал регионалистской партии в условиях, когда одна из двух ведущих общенациональных партий оказывается неспособной сконструировать кабинет единолично. Важно при этом, что в партийной системе Арагона присутствует и вторая регионалистская партия – «Арагонский союз», находившаяся в оппозиции с 1995 по 2015 г., а в 2015–2019 гг. – в правительственной коалиции с социалистами, оставившей «за бортом» «Арагонскую партию». В 2019 г. ситуация изменилась, и впервые за весь постфранкистский период обе регионалистские партии в Арагоне вошли в состав коалиционного правительства вместе с ИСРП.

В контексте присутствия в регионе двух регионалистских партий, которые устойчиво получают примерно одинаковый результат на выборах, как в Арагоне в 2000-е годы, возникает вопрос о недостаточности фактора размера для формирования коалиции между регионалистской и общенациональной партиями. Даже беглый взгляд на результаты региональных выборов позволяет обозначить,

что в 2003 г., например, когда “Арагонский союз” и “Арагонская партия” получили девять и восемь мандатов соответственно, ИСРП предпочла заключить коалицию с АП. С одной стороны, в логике классических теорий формирования партийных коалиций на это может влиять идеологический фактор (с учетом того, что само по себе понятие идеологии и его наполнение в реальности довольно размыты: неслучайно исследователи и эксперты определяют “Арагонскую партию” в качестве более умеренной и центристской в отличие от “Арагонского союза” [44], хотя содержание манифестов обеих организаций можно оценить как регионалистское). С другой стороны, этот фактор идеологии, если он имел место, не помешал ИСРП в 2015 г. впервые взять с собой в правительство АС, оставив в оппозиции АП, а в 2019 г. привлечь в правительство обе эти силы.

Факторы идеологической межпартийной дистанции и двухуровневой конгруэнтности. Иллюстрируя значимость идеологической межпартийной дистанции в ее регионалистско-идеологическом измерении для заключения коалиционных соглашений, можно обратиться к случаям Страны Басков и Наварры. Как было отмечено выше, специфическая черта баскского автономного сообщества – устойчивое лидерство регионалистов на выборах в региональный парламент (“Баскская националистическая партия”), позволяющая им выбирать себе партнера по коалиции, в то время как в “обычной” ситуации в иных регионах Испании ведущим соратником, как правило, оказывается одна из двух общенациональных партий. БНП в 2001–2005 и в 2005–2009 гг. заключала коалиционные пакты с общеиспанскими “Объединенными левыми”, в 2016 г. – с социалистами, оставляя за бортом радикальных регионалистов из “Бильду”, связанных с запрещенной в Испании радикальной баскской партией “Батасуна” и выступающих с сепаратистских позиций. Однако в Наварре, например, те же самые “Бильду” вошли в коалицию с “Объединенными левыми” в 2015 г., но в 2019 г. по итогам новых выборов снова оказались за ее пределами.

Случаи Наварры и Страны Басков говорят, по-видимому, о том, что регионалистско-идеологический компонент может иметь значение при заключении коалиционных соглашений, но не является необходимым условием и/или принципиальным препятствием для этого. Вместе с тем, осознавая специфику Наварры и Страны Басков, для подтверждения предварительного вывода по поводу идеологического фактора следует обратиться к другим случаям коалиционных интеракций в Испании. Сравнительный анализ практик межпартийных взаимодействий показывает, во-первых, что более склонными к коалициям среди общенациональных партий оказываются социалисты (со-

циал-демократы), а правоцентристская НП к ним менее склонна. Во-вторых, среди регионалистов более сильным коалиционным потенциалом обладают те партии, которые стремятся к умеренности идеологических позиций в вопросах регионализма.

Это подтверждают случаи несостоявшихся коалиций между регионалистами и общенациональными партиями, например, в Риохе и Андалузии. “Андалузская партия” устойчиво получала региональные парламентские мандаты в период с 1982 по 2008 г., хотя их количество никогда не было значительным (в среднем 4.5 мандата в каждом электоральном цикле из 109 возможных). Вместе с тем Андалузия представляет собой случай, когда в условиях слабости регионалистов роль защитников интересов автономного сообщества взяли на себя испанские социалисты. ИСРП была непрерывно правящей партией Андалузии с 1978 по 2018 г., выиграв все региональные выборы за это время, за исключением 2012 г., после которых тем не менее сохранила правительственный статус через коалицию с “Объединенными левыми – Зелеными”. “Андалузская партия” в свою очередь исчезла с партийно-электоральной карты в последнее десятилетие.

Можно предположить, что в условиях сильной ориентированности общенациональной партии на территориально ограниченные интересы регионалисты могли бы стать миноритарным партнером по коалиции, однако такого ни разу не произошло. С одной стороны, это дополнительно подтверждает гипотезу о значимости принципа размера коалиции: регионалисты непривлекательны для общенациональных партий, когда последние могут единолично формировать правительство. С другой стороны, принцип размера в случае Андалузии может усиливаться и идеологическим параметром. Анализ содержания партийных манифестов “Андалузской партии” показывает их регионалистско-идеологическую радикальность: партия выступала с позиций открытой критики общенациональных сил и говорила о важности эффективного использования потенциала автономии региона, с чем, по мнению регионалистов, общеиспанские партии не справлялись [45]. Представляется, что такая идеологическая радикальность в части критики неэффективности реализации политической субъектности региона выступает одним из препятствий на пути к успешной коалиционной политике регионалистских партий. Похожая ситуация сложилась в 2000-е годы в Риохе, где “Риохская партия” перестала участвовать в выборах с 2015 г., а до этого хоть и могла вступить в альянс с общенациональными силами, но все время оказывалась в статусе оппозиционной [46]. Партийный предвыборный дискурс регионалистов в этом случае похож на андалузский пример в части требований в отношении политической субъектности региона и критиче-

ских настроений по поводу политики, реализуемой общенациональными партиями. Таким образом, хотя сравнительный анализ и не позволяет выявить устойчивую тенденцию по поводу влияния идеологии на формирование партийных коалиций, нет оснований говорить о том, что идеологический фактор наряду с другими, в том числе контекстуальными, не имеет существенного значения.

Похожая нестабильная и незакономерная, но интересная с исследовательской точки зрения ситуация наблюдается при анализе влияния соответствия раскладов партийных сил на региональном и общенациональном уровнях управления на конструирование коалиций. Кейсы Каталонии, Валенсии, Кантабрии и Арагона на протяжении 2000-х годов, например, довольно устойчиво демонстрируют включенность ИСРП в коалиционные сделки и формирование правительства на региональном уровне (в случае Кантабрии – вопреки фактическим победам НП) в условиях правящего положения ИСРП на общенациональном уровне. Канарские острова, Андалузия и Страна Басков в то же время нарушают логику этой многоуровневости, хотя в баскском случае это и оказывается объяснимо спецификой партийной системы. Можно зафиксировать тенденцию, при которой вероятность включения общенациональной партии в коалицию на региональном уровне усиливается при условии правящего положения этой партии на национальном уровне в данный момент, понимая, что из этой тенденции есть исключения. В этом аспекте важно, по-видимому, осмыслить конкуренцию ведущих общенациональных партий за право побеждать на выборах и формировать правительство с точки зрения многоуровневости. В случае когда и НП, и ИСРП по итогам региональных выборов могут претендовать на формирование коалиционного правительства, усилить эту претензию может межпартийный расклад в общенациональном парламенте. Так, в случае Кантабрии в 2003 и 2007 гг. социалисты вовсе не были математическими победителями региональных выборов, уступив электоральную победу НП, но с учетом правящего положения ИСРП на национальном уровне выступили организатором коалиционного правительства. Такая же ситуация сложилась и в Каталонии в 2003 и 2006 гг.: социалисты, в итоге сформировавшие коалиции с регионалистами, не были победителями выборов. “Конвергенция и Союз” в 2003 г. получила 46 депутатских мандатов на выборах в каталонский парламент против 42 ман-

датов социалистов, а в 2006 г. – 48 мандатов против 37 мандатов социалистов.

* * *

Проведенный анализ показал сложность и многомерность проблемы коалиционных соглашений между регионалистскими и общенациональными партиями применительно к испанским сюжетам. С одной стороны, факторы, которые находились в фокусе проведенного анализа, а именно размер коалиции, идеологическая межпартийная дистанция и соответствие раскладов партийных сил на региональном и общенациональном уровнях управления, демонстрируют определенную, хотя и разную степень влияния. Если в отношении размера коалиции можно говорить об устойчивости его воздействия на заключение межпартийных коалиций, то в отношении других факторов стабильность обнаруживается не во всех автономных сообществах. С другой стороны, полученные результаты подчеркивают актуализированную значимость контекстуальных условий коалиционной политики в отношении сложно устроенного испанского “государства автономий”. Поэтому представляется важным подчеркнуть, что исследованные в данной статье факторы актуализируются не сепаратно, а в комбинациях с другими составляющими, среди которых важное значение имеет контекстуальность: специфика региональных партийных систем, содержание реализуемой в автономных сообществах политики идентичности, степень конфликтности центр-региональных отношений и т. д.

Таким образом, случаи коалиций в испанских автономиях обнажают проблемность корпуса теорий партийных коалиций, включая осмысление “точки замкнутости в коалиционных исследованиях”: хрестоматийные теории объясняют факторы устойчивых сделок, но оказываются бессильны перед эмпирическими аутлайерами. Вместе с тем наблюдение таких аутлайеров способствует необходимости дополнения исследования углубленным анализом отдельных случаев, выполненных в методологии *case-study* (исследование отдельных случаев) с привлечением материалов экспертных интервью для объяснения отклоняющихся тенденций.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 “Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)”) в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Tortola P. Clarifying Multilevel Governance. *European Journal of Political Research*, 2017, vol. 56, no. 2, pp. 234-250. DOI: 10.1111/1475-6765.12180
2. Alcantara C., Broschek J., Nelles J. Rethinking Multilevel Governance as an Instance of Multilevel Politics: a Conceptual Strategy. *Territory, Politics, Governance*, 2016, vol. 4, no. 1, pp. 33-51. DOI: 10.1080/21622671.2015.1047897
3. Hooghe L., Marks G. Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-Level Governance. *American Political Science Review*, 2003, vol. 97, no. 2, pp. 233-243.

4. Bache I., Flinders M. Multi-Level Governance and the Study of the British State. *Public Policy and Administration*, 2004, vol. 19, no. 1, pp. 31-51. DOI: 10.1177/095207670401900103
5. Панов П.В. Многоликий регионализм. *Вестник Пермского университета. Политология*, 2020, № 1, сс. 102-115. [Panov P.V. Mnogolikii regionalizm [Diverse Regionalism]. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2020, no. 1, pp. 102-115.] DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-102-115
6. De Winter L., Türsan H. *Regionalist Parties in the European Union*. London, Routledge, 1998. 278 p.
7. Massetti E., Schakel A.H. Between Autonomy and Secession: Decentralization and Regionalist Party Ideological Radicalism. *Party Politics*, 2016, vol. 22, no. 1, pp. 59-79. DOI: 10.1177/1354068813511380
8. Massetti E. Explaining Regionalist Party Positioning in a Multidimensional Ideological Space: A Framework for Analysis. *Regional and Federal Studies*, 2009, vol. 19, no. 4-5, pp. 501-531. DOI: 10.1080/13597560903310246
9. Golosov G.V. Factors of Party System Nationalization. *International Political Science Review*, 2016, vol. 37, no. 2, pp. 246-260. DOI: 10.1177/0192512114552864
10. Brancati D. The Origins and Strengths of Regional Parties. *British Journal of Political Science*, 2008, vol. 38, no. 1, pp. 135-159. DOI: 10.1017/S0007123408000070
11. Elias A., Tronconi F. From Protest to Power: Autonomist Parties in Government. *Party Politics*, 2011, vol. 17, no. 4, pp. 505-524. DOI: 10.1177/1354068811400528
12. Ștefuriuc I. Explaining Government Formation in Multi-Level Settings: Coalition Theory Revisited – Evidence from the Spanish Case. *Regional and Federal Studies*, 2009, vol. 19, no. 1, pp. 97-116. DOI: 10.1080/13597560802692330
13. Falcó-Gimeno A., Verge T. Coalition Trading in Spain: Explaining State-Wide Parties' Government Formation Strategies at the Regional Level. *Regional and Federal Studies*, 2013, vol. 23, no. 4, pp. 387-405. DOI: 10.1080/13597566.2012.758115
14. Laver M. Theories of Coalition Formation and Local Government Coalitions. *Political Parties and Coalitions in European Local Government*. Mellors C., Pijenberg B., eds. London, Routledge, 1989, pp. 16-17.
15. Budge I., Lave M. Office Seeking and Policy Pursuit in Coalition Theory. *Legislative Studies Quarterly*, 1986, vol. 11, no. 4, pp. 485-506. DOI: 10.2307/439930
16. Schofield N. Political Competition and Multiparty Coalition Governments. *European Journal of Political Research*, 1993, vol. 23, no. 1, pp. 1-33. DOI: 10.1111/j.1475-6765.1993.tb00346.x
17. Riker W.H. *The Theory of Political Coalitions*. Yale University Press, 1962. 292 p.
18. Müller W.C. Government Formation. *Handbook of Comparative Politics*. Landman T., Robinson N., eds. London, Sage, 2009. pp. 227-245.
19. Сидоров В. Теории формирования партийных коалиций в зарубежной политической науке. *Политическая наука*, 2014, № 1, сс. 211-222. [Sidorov V. Teorii formirovaniya partiinykh koalitsii v zarubezhnoi politicheskoi nauke [Theories of the Formation of Party Coalitions in Foreign Political Science]. *Politicheskaya nauka*, 2014, no. 1, pp. 211-222].
20. Leiserson M.A. *Coalitions in Politics: a Theoretical and Empirical Study*. New Haven, Yale University, 1966. 910 p.
21. Gamson W.A. An Experimental Test of a Theory of Coalition Formation. *American Sociological Review*, 1961, vol. 26, no. 4, pp. 565-573. DOI: 10.2307/2090255
22. Axelrod R. *Conflict of Interest: A Theory of Divergent Goals with Applications to Politics (Markham Political Science Series)*. Chicago, Markham Publishing, 1970. 216 p.
23. De Swaan A. *Coalition Theories and Cabinet Formations: A Study of Formal Theories of Coalition Formation Applied to Nine European Parliaments after 1918*. New York, Elsevier Scientific Pub. Co, 1973. 351 p.
24. Laver M., Shepsle K.A. *Making and Breaking Governments: Government Formation in Parliamentary Democracies*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 316 p.
25. Strom K., Müller W. *Policy, Office or Votes? How Political Parties in Western Europe Make Hard Decisions*. Cambridge, CUP, 1999. 336 p.
26. Browne E.C. *Coalition Theories: A Logical and Empirical Critique*. London, Sage Publications, 1973. 95 p.
27. Mitchell P., Nyblade B. Government Formation and Cabinet Type in Parliamentary Democracies. *Cabinets and Coalition Bargaining: the Democratic Life Cycle in Western Europe. Comparative Politics*. Strom K., Müller W., Bergman T., eds. Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 201-236.
28. Bäck H. *Explaining Coalitions: Evidence and Lessons from Studying Coalition Formation in Swedish Local Government*. Uppsala, Acta Universitatis Upsaliensis, 2003. 218 p.
29. Zariski R. Coalition Formation in the Italian Regions: Some Preliminary Findings and Their Significance for Coalition Theory. *Comparative Politics*, 1984, vol. 16, no. 4, pp. 403-420.
30. Deschouwer K. Coalition Formation and Congruence in a Multi-Layered Setting: Belgium 1995–2008. *Regional and Federal Studies*, 2009, vol. 19, no. 1, pp. 13-35.
31. Buelens J., Deschouwer K. Torn between Two Levels. Political Parties and Incongruent Coalitions in Belgium. *Politics Beyond the State: Actors and Policies in Complex Institutional Settings*. Deschouwer K., Jans M., eds. Brussels, VUB University Press, 2007, pp. 71-90.
32. Ștefuriuc I. The Coalition Strategies of Statewide Parties in Multi-Level Settings. *Politics Beyond the State: Actors and Policies in Complex Institutional Settings*. Deschouwer K., Jans M., eds. Brussels, VUB University Press, 2007, pp. 45-70.

33. Tronconi F. Ethno-Regionalist Parties in Regional Government: Multilevel Coalitional Strategies in Italy and Spain. *Government and Opposition*, 2015, vol. 50, no. 4, pp. 578-606. DOI: 10.1017/gov.2014.30
34. Falcó-Gimeno A. The Political Geography of Government Formation: Why Regional Parties Join Coalitions. *Party Politics*, 2020, vol. 26, no. 2, pp. 91-106. DOI: 10.1177/1354068817750865
35. Reniu J., ed. *Los gobiernos de coalición de las Comunidades Autónomas españolas*. Barcelona, Atelier, 2014. 411 p.
36. Matas J. *La formación de un gobierno de coalición*. Valencia, Tirant lo Blanch/OGC, 2015. 207 p.
37. Guerra R. Vicisitudes del sistema de partidos del Estado español (1977–2011): ¿bipartidismo imperfecto, sistema de partido dominante o pluripartidismo limitado? *Laguna: Revista de Filosofía*, 2020, no. 46, pp. 9-26.
38. Хенкин С.М. Перестройка партийной системы Испании. *Актуальные проблемы Европы. Политические партии европейских стран*, 2018, № 2, сс. 85-110. [Henkin S.M. Perestroika partiinoy sistemy Ispanii [Restructuring the Party System in Spain]. *Aktual'nye problemy Evropy. Politicheskie partii evropeiskikh stran*, 2018, no. 2, pp. 85-110.]
39. Corujo A., Fernández-Esquer C., Rama J. ¿Quién vota a los partidos nacionalistas en España? Un análisis de las bases electorales de Coalición Canaria. *Revista Española de Ciencia Política*, 2019, no. 50, pp. 39-71.
40. Кутузова В.М. Националистические партии в политической системе Испании. *Латинская Америка*, 2005, № 11. [Kutuzova V.M. Natsionalisticheskie partii v politicheskoy sisteme Ispanii [Nationalist Parties in the Political System of Spain]. *Latin America*, 2005, no. 11. Available at: <http://www.ilaran.ru/?n=267> (accessed 25.01.2021).
41. Reniu J. *Los gobiernos de coalición*. Barcelona, Editorial UOC. Col. Quiero Saber, 2015. 411 p.
42. Прохоренко И.Л. *Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании*. Москва, ИМЭМО РАН, 2010. 100 с. [Prokhorenko I.L. *Territorial'nye soobshchestva v politicheskom prostranstve sovremennoy Ispanii* [Territorial Communities in the Political Space of Modern Spain]. Moscow, ИМЭМО, 2010. 100 p.]
43. Кузнецов А.В., ред. *Современная Испания: проблемы и решения*. Москва, ИМЭМО РАН, 2018. 101 с. [Kuznetsov A.V., ed. *Sovremennaya Ispaniya: problemy i resheniya* [Modern Spain: Problems and Solutions]. Moscow, ИМЭМО, 2018. 101 p.]
44. Barberà O., Rodríguez J. Los partidos de ámbito no estatal en Aragón: el Partido Aragonés y la Chunta Aragonesista. *Papers*, 2009, vol. 92, pp. 171-195.
45. Nieto E. *El Partido Andalucista: origen y evolución de un partido regionalista (1976–2005)*. Dr. Diss. (Political science). Granada, Editorial de la Universidad de Granada, 2007. 339 p.
46. Cabello S. *La identidad riojana: del proceso de institucionalización administrativa al político*. Dr. Diss. (Political science). Bilbao, Universidad del País Vasco-Euskal Herriko Unibertsitatea, 2010. 321 p.

**FACTORS OF COALITIONAL GOVERNMENTS FORMATION
BETWEEN REGIONALIST AND NATIONWIDE POLITICAL PARTIES IN REGIONS OF SPAIN**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 71-79)

Received 09.09.2020.

Evgeniya Yu. FILIPPOVA (evfilippova@eu.spb.ru),

Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13A, Lenina Str., Perm, 614990, Russian Federation;

European University at St. Petersburg, 6/1A, Gagarinskaya Str., St. Petersburg, 191187, Russian Federation.

The paper focuses on one of the most significant arenas of multi-level politics – the interaction between regionalist and state-wide parties in the creation and functioning of government coalitions at the regional level. The research is aimed at determining the factors influencing the creation of such coalitions in which regionalist parties act as coalition partners with a specific agenda. Spain provides significant empirical material for research on this issue, where regionalist parties function in most regions, and state-wide parties often enter government coalitions with them at the level of autonomous communities. A comparative analysis of the practices of concluding coalition agreements between state-wide and regionalist political parties in the regions of Spain during the democratic period is a key research method. The theoretical part of the article provides an overview of the theories of party coalitions accumulated by Political Science since the 1950s and updated by researchers due to actualization of new circumstances in the context of multilevel politics. The empirical part of the article examines the influence of three categories of factors on the construction of coalition deals between regionalist and state-wide political parties in the Spanish autonomous communities, including: the size of the coalition, the ideological inter-party distance (comprising the regionalist-ideological dimension) and correspondence of the alignments of party forces at the regional and national levels. The research demonstrates that the factor of coalition size is fundamental for transactions between regionalist and state-wide political parties, while the other two categories of factors manifest themselves situationally.

Keywords: coalition governments, coalition agreements, political parties, regionalist parties, state-wide parties, regionalism, multilevel politics, autonomous communities, Spain.

About author:

Evgeniya Yu. FILIPPOVA, Junior Researcher, Research Department of Political Institutions and Processes; Postgraduate Student, Department of Political Science.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-71-79

Статья приурочена к 100-летию
со дня рождения академика Н.Н. Иноземцева

О ПОПЫТКЕ СОЗДАНИЯ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИМЭМО В 1970-Е ГОДЫ

© 2021 г. Н. Косолапов, А. Алешин, А. Давыдов, С. Кислицын

*КОСОЛАПОВ Николай Алексеевич, кандидат исторических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (kosolap@imemo.ru).*

*АЛЕШИН Александр Андреевич, научный сотрудник,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (aleshin.a@imemo.ru).*

*ДАВЫДОВ Алексей Андреевич, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (adavydov@imemo.ru).*

*КИСЛИЦЫН Сергей Владимирович, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (skislitsyn@imemo.ru).*

Статья поступила в редакцию 11.12.2020.

Статья посвящена опыту работы над в итоге неизданной коллективной монографией “Основы теории международных отношений” – фундаментального труда авторского коллектива исследователей ИМЭМО, разрабатывавшегося в 1970-е годы в СССР. Рассмотрен процесс создания монографии в контексте внутри- и внешнеполитической конъюнктуры данного исторического периода. Приведены основные положения работы, обоснована ее самодостаточность как полноправной теоретической концепции в рамках марксистско-ленинской теории международных отношений. Авторы статьи обосновывают актуальность монографии и как исторического источника, и как ступени развития для современной научной марксистской мысли.

Ключевые слова: ИМЭМО, теория международных отношений, Н.Н. Иноземцев, Е.М. Примаков, В.И. Гантман, внешняя политика СССР, СССР, холодная война, марксизм, марксизм-ленинизм.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-80-91

Академик Николай Николаевич Иноземцев оказал принципиально значимое воздействие на развитие исследований о международных отношениях как в ИМЭМО РАН, так и во всей российской науке [1]. Н.Н. Иноземцев принадлежал к той славной плеяде будущих ученых и практиков, которые пришли в созданный в 1944 г. МГИМО МИД СССР прямо из действующей армии, с фронтов Великой Отечественной войны.

В ходе и по итогам Второй мировой войны менялся облик мира и вес Советского Союза в международных делах, а с этими процессами эволюционировали и взгляды на мировое развитие. Если до войны мир представлял еще безусловной вотчиной капитализма с анклавом социалистических СССР и Монголии, то теперь на политической карте появились новые страны социализма, уходила в прошлое колониальная система. Но уже к концу 1950-х стало очевидно, что послевоенный мир несет в себе новые, гораздо более опасные противоречия, вызовы и риски как внутри каждой из трех его частей – Востока, Запада, неприсоединившихся стран, так и в отношениях между ними.

Для исследования этих новых реальностей в Советском Союзе формируется новая, более масштабная образовательная и научная система. Расширяется подготовка кадров для внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. В 1947 г. ликвидируется существовавший с 1925 г. Институт мирового хозяйства и мировой политики (обратите внимание на название – мир воспринимался как единое целое). Для изучения поделенного на две системы мира в 1956 г. в рамках Академии наук создается Институт мировой экономики и международных отношений [2], а позднее – и другие институты международной направленности. В 1966 г. на пост директора ИМЭМО приходит Н.Н. Иноземцев – человек с опытом службы на фронте, работы в Китае и партийной печати.

Одной из наиболее важных составляющих его наследия стало становление в Институте политологической школы международныхников. К числу наиболее заметных результатов работы ИМЭМО при его руководстве можно причислить проведение самостоятельных исследований в области истории международных отношений [3], разработку мето-

долгий ситуационного анализа текущих международных процессов [4], социально-экономического и политического прогнозирования [5], системного или системно-исторического исследования международных отношений [6, 7].

Одним из значимых, но не увидевших свет элементов наследия Н.Н. Иноземцева стала попытка создания под его руководством марксистско-ленинской теории международных отношений (далее – МЛТМО). Разработанная в ИМЭМО в 1970-е годы, она так и не была издана – сначала по политико-идеологическим причинам, а затем из-за стремительно менявшихся условий международной и внутривнутриполитической жизни. Сегодня содержание обнаруженных спустя 40 лет ее черновики поднимает ряд вопросов. Какие задачи была призвана решать разработка МЛТМО, каков ее научно-исторический контекст? Каковы ее ключевые концептуально-теоретические основы? Какое место марксистско-ленинская ТМО может занимать в науке о международных отношениях и какую историко-научную ценность институтская ТМО может представлять для сегодняшнего дня?

ИСТОРИКО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

С самого начала своего директорства (1966–1982 гг.) Н.Н. Иноземцев одной из важнейших задач видел написание полноценной советской теории международных отношений, что объяснялось причинами как практического, так и идеологического толка.

На фоне качественных изменений в послевоенной международной жизни конца 1960-х годов в зарубежных, прежде всего американской, школах международных отношений стали формулироваться многочисленные подходы и направления ТМО [8]. В СССР эти поиски интерпретировались в идеологическом ключе – как новые линии наступления “буржуазной идеологии”. Но даже если бы дело обстояло только таким образом, по канонам времени такое “наступление” требовало идеологического же ответа, и ИМЭМО не мог бы оказаться в стороне от решения этой задачи, да и не стремился к этому.

Была и практическая сторона вопроса. Сложность послевоенного мира – его формирующаяся двухполюсная системность, многоукладность, появление и рост значимости ООН и других международных организаций, трудности перехода к социализму в одних странах и преодоления колониализма в других, явленная капитализмом способности к эволюции и развитию, революционные перемены в экономике, науке и технологиях, военной сфере и информатике и др. – все это объектив-

но вызывало растущую потребность внешней политики в ее научно-теоретическом обосновании, неременной и фундаментальной частью которого должна была стать ТМО. Но какая, заимствуемая у Запада или своя? Или их некий симбиоз, конвергенция?

К тому времени критиковавшиеся по идеологическим соображениям генетика и кибернетика уже доказали свою практическую полезность. СССР же был вынужден преодолевать отставание, созданное исключительно собственными усилиями. Возникло резонное нежелание повторять этот печальный опыт применительно к ТМО.

Понятно, что в Советском Союзе собственная ТМО могла быть только марксистско-ленинской и никакой иной. На Западе начало ТМО как *научного* направления датируется 1919 г., и естественно, что ни классики марксизма, ни основоположники марксизма-ленинизма никак не могли высказать отношение к этой теории. Центральное место в их трудах занимают понятия “формация”, “капитализм”, “социализм” как стадия на пути от второго к “коммунизму”, “империализм” как высшая и предположительно заключительная стадия “капитализма” – категории историко-философского, политико-экономического и идеологического характера. От них до какой-либо ТМО – путь огромной научной и политико-идеологической протяженности. А главное – научная ТМО должна опираться на надежную и репрезентативную эмпирическую базу, накопление, осмысление и интерпретация которой требуют времени; а также на проверенные временем положения и концепции других наук об обществе и человеке. Все это на старте XX в. только начиналось и лишь к середине столетия развернулось в полную силу.

Названные обстоятельства делали разработку МЛТМО сложнейшей научно-идеологической и политической задачей, неизбежно затрагивавшей уже прочно утвердившиеся к середине 1960-х годов интересы ряда групп политических элит [9]. Н.Н. Иноземцев прекрасно понимал связанные с такой работой политико-бюрократические и идеологические риски (не случайно Институту на всем протяжении советского этапа его работы высокопоставленные партийные ортодоксы настойчиво навязывали ярлык “ревизионистского”).

Однако создание такой Теории со свойственными ей категориальным аппаратом и зафиксированными закономерностями общественного развития выводило бы исследования международных отношений на уровень подлинно научных, поднимая ее статус в системе других академических наук СССР [2, сс. 382–388].

Для решения этих задач в 1968–1969 гг. в рамках Отдела международных отношений ИМЭМО

был сформирован Сектор теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений. Уже летом 1969 г. Сектором совместно с журналом “Мировая экономика и международные отношения” был проведен круглый стол, посвященный проблемам ТМО, с участием исследователей из других учебных и научно-исследовательских организаций [10, 11]. Открывая мероприятие, Н.Н. Иноземцев отмечал: “Одной из центральных и насущных задач теории международных отношений, задач, неразрывно связанных с потребностями политики, практики, является уточнение ее предмета и метода, места в системе общественных наук, разработка основных научных категорий... особенно такой ключевой категории, как соотношение сил” [10, сс. 88-89].

Тем не менее спустя почти полтора десятилетия работы научного коллектива цельный труд “Основы теории международных отношений” (далее – ОТМО) по ряду обстоятельств так и не был опубликован. П.П. Черкасов в своих исследованиях по истории ИМЭМО подробно освещает причины “забвения” Теории [2, с. 598]. Прежде всего, разработке научно-теоретического видения международных отношений объективно препятствовала общая политико-идеологическая атмосфера конца 1960-х годов.

Напомним, что именно на этот период приходятся, с одной стороны, “пик” войны в Индокитае, где Соединенным Штатам де-факто противостояли не только Вьетнам, но и помогавшие ему (хотя и не в союзе друг с другом) СССР и КНР, а также разрядка международной напряженности, обусловленная достижением ядерного паритета между СССР и США. С другой стороны, это был период полного свертывания хрущевских и косыгинских реформ в Советском Союзе; взлета и поражения “пражской весны”; резкого, до вооруженного столкновения, обострения советско-китайских разногласий, “расцветших” на политико-идеологической почве; становления и подъема “еврокоммунизма” в Западной Европе и “культурной революции” (1966–1976) в КНР. Есть основания утверждать, что никогда ранее идеологическая обстановка в СССР, странах социализма, в мировом коммунистическом движении и в мире в целом не была для советского партийного руководства столь сложной и угрожающей.

В результате материалы МЛТМО были опубликованы лишь частично, на страницах журнала “МЭ и МО”. В 1979 г. вышла серия из четырех публикаций, представлявших содержание лишь 3 глав из 17 [12, 13, 14, 15]. Последнее же публичное упоминание о Теории встречается в статье Н.Н. Иноземцева в газете “Правда” от 22 сентября 1981 г. с рассуждениями о науке о международных

отношениях, не терявшего, видимо, надежду ее опубликовать вплоть до своей смерти меньше чем через год [16]. Уход директора, начавшееся до этого давление на Институт, стремительно менявшаяся динамика международных отношений и внутриполитической жизни СССР и, наконец, смена коллектива упомянутого Сектора и Отдела международных отношений вместе с кончиной в 1988 г. одного из ключевых разработчиков институтской ТМО доктора исторических наук Владимира Израилевича Гантмана закрыли перспективу ее издания. Черновики так и не увидевшей свет советской марксистско-ленинской теории международных отношений остались лежать на полках шкафов ее разработчиков.

Спустя почти 40 лет рабочие материалы Теории были обнаружены при ремонте Отдела международно-политических проблем (бывшего Отдела международных отношений). Было найдено 12 папок с пятью тысячами листов, включавших большое количество черновиков, вырезки газет, записи с совещаний, многочисленные версии содержания и редакции глав различных лет. После обработки этого массива были систематизированы, отобраны и оцифрованы около 1.8 тыс. листов – одна полноценная редакция книги, состоявшая из введения, 17 глав и библиографии, а также 16 материалов из предшествующих редакций институтской ТМО. При этом найденные замечания к различным главам и записи с рабочих совещаний авторов свидетельствуют о существовании ранее еще большего числа редакций, что позволяет лишь догадываться об истинных объемах проделанной коллективом ИМЭМО работы.

Сегодня неизданный труд исследователей ИМЭМО “Основы теории международных отношений” является исключительным памятником научной мысли. В доказательство тому можно указать несколько причин. История создания и содержание ОТМО позволяют изнутри не только взглянуть на реальность международной жизни 1970-х годов, но и увидеть условия работы советских исследователей тех лет. Труд пронизан сочетанием доминирования официальной идеологии и стремлением авторов расширить ее границы, качественно обновить существовавшие концептуальные подходы. В этом смысле ОТМО может представлять значительную ценность для современных исследователей как фактически первоисточник видения международных проблем из того времени, отношений Советского Союза с другими странами. Книга комплексно очерчивает пул важных для СССР концептуальных проблем идеологического, военного, экономического, политического, технологического, исторического и общесистемного характера.

ОТМО дает плодотворную почву для сравнения с ней различных концептуально-теоретических точек зрения системы международных отношений. Современным начинающим исследователям может показаться удивительным тот факт, что в официальной советской внешнеполитической концепции 1970-х годов холодная война была делом прошлого, а период разрядки и мирного сосуществования двух систем общественного развития являлся переходным этапом эволюции всей системы международных отношений к новому их типу, который наблюдался прежде всего у стран социалистического содружества. В этом плане исследование марксистско-ленинской периодизации истории и сравнение ее с западными трактовками могут дать более четкое понимание логики развития системы международных отношений за последние полвека, ее качественных свойств и характеристик.

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ ОТМО

Теоретический и методологический массив наследия основоположников марксизма и марксизма-ленинизма позволял решать основные теоретические проблемы исследования развития международных отношений. Он разграничивал два уровня анализа МО: философский и прикладной. Первый представлял собой комплекс фундаментальных мировоззренческих понятий диалектического и исторического материализма, содержащий базовые законы и категории о природе и движущих силах общественного развития, об общественном бытии и сознании, о взаимодействии базиса и надстройки, о соотношении личности и народных масс. Второй включал круг наук, более узко исследовавших отдельные аспекты МО: политическая экономия, право, военные, психологические, естественные и технические науки. В этом контексте теория международных отношений представляла логически цельной системой общественного знания, отражавшей наиболее существенные стороны динамически развивающейся системы международных отношений: ее структуру, закономерности функционирования, трансформационные процессы, соотношение внутренней и внешней политики государств и прочие аспекты.

Рукопись ОТМО охватывает три фундаментальные проблемы исследований: природу международных отношений, их систему и структуру, а также движущие силы МО и динамику их перестройки.

Международные отношения как отношения общественные

По МЛТМО, международные отношения как отдельный тип общественных отношений возникают только при достижении обществом опреде-

ленного уровня производства и разделения труда, интернационализации хозяйственной жизни. Поэтому МО представляют собой вторичное явление, следствие развития производственных отношений. Но при этом они не становятся прямым продолжением внутриобщественных отношений.

Исторически развивавшееся усложнение отношений внутри отдельных социумов приводит к образованию в них классов, а также особых организаций для осуществления интересов правящего класса — государств. Именно взаимодействие между ними и становится реальным организующим началом международных отношений, их содержательная сущность выражается в межгосударственных отношениях. Теория исходит из первичности внутриобщественных отношений и их единства с внешними, поэтому характерные свойства всей системы международных отношений будут выстраиваться в зависимости от интересов правящего в стране класса. Однако это не отрицает относительную самостоятельность международных отношений от внутриобщественных, в первую очередь потому, что они осуществляются в различных социальных средах: если внутри общества правящий класс определяет правила поведения безраздельно, то внешняя среда с его стороны подвержена минимальному или вовсе никакому регулированию.

МЛТМО оперирует прежде всего двумя общественными классами — эксплуататоров и эксплуатируемых — со взаимно антагонистическими интересами. Соответственно, эксплуататорское государство проектирует свой интерес экономически, политически, духовно, стремясь эксплуатировать не только собственное общество, но и другие народы. В то же время государства, к власти в которых пришли эксплуатируемые классы (рабочие и трудящиеся), транслируют во вне ранее внутреннюю антикапиталистическую борьбу, стремясь подорвать в мире позиции эксплуатирующих сил и тем самым содействовать освобождению угнетаемых.

По МЛТМО, международные отношения качественно отличны от внутриобщественных еще в связи с тем, что в мире одновременно сосуществуют общественные системы прошлого, настоящего и будущего укладов. Более того, государства различных и даже антагонистических систем могут вступать в тактические союзы перед лицом общих угроз (например, в рамках антигитлеровской коалиции или в ходе разрядки 1970-х годов) и глобальных проблем (предотвращение ядерной войны), а классово однотипные государства могут иметь различные цели. В этом отношении международные политические отношения нельзя считать надстройкой к базису международных экономических отношений, поскольку отсутствуют единые произ-

водственные отношения. Поэтому в МЛТМО постановка вопроса об отождествлении межгосударственных и внутренних отношений, образования мировой общности представлялась делом будущего, следствием создания единого мирового хозяйства на бесклассовой основе при полном преобладании мировой системы социализма.

Три типа международных отношений

На основе указанных признаков лишь опосредованной тождественности отношений внутриобщественных и международных, многообразия вовлеченных в них участников и приписываемых им свойств в рамках МЛТМО выводятся три доминирующих типа международных отношений. Первый из них — “господство и подчинение” — можно назвать классическим, существовавшим изначально. Класс эксплуататоров, выстроив внутри своих обществ систему капитализма, основанную на частном владении средствами производства, начал осуществлять политику империализма — распространять свою власть уже на другие общества, зачастую прибегая к военным методам. Это привело к консолидации мировой системы капитализма (МСК), природа которой включала ряд заложенных дихотомий: внутриобщественную — между эксплуататорами и остальным обществом, внутриклассовую — между самими эксплуататорами, приводящую к бесчисленным войнам, и мировую — между империалистами и угнетенными народами (колониальной системой империализма, КСИ).

Второй, новый и прогрессивный тип — “сотрудничество и взаимопомощь”. Обретя свою экономическую и политическую независимость от класса эксплуататоров в ходе антикапиталистической борьбы, общества стремятся не встраиваться в “вертикальные” отношения подчинения и эксплуатации, а укреплять “горизонтальные” взаимосвязи на принципах солидарности. Из международной практики по степени своей интенсивности можно выделить отношения между социалистическими странами всех уровней развития производственных отношений (мировая система социализма, МСС), вышедшими на путь выстраивания всесторонней интеграции (Совет экономической взаимопомощи), и с наиболее высоким уровнем общественной интеграции (республики СССР). Ко второму типу также добавляется поддержка соцстранами и антикапиталистическими общественными силами стран МСК антиколониальных национально-освободительных движений.

Последний — это переходный тип отношений между странами МСС и МСК, сочетающий как элементы эксплуатации и взаимопомощи, так и принципы сотрудничества и соперничества. При

нем закономерному межклассовому антагонизму сопутствует не эксплуатация, а, напротив, умиротворение империализма и постепенное искоренение войны как метода разрешения противоречий, перевод соперничества в мирное русло. Кроме того, наблюдаются тактические модели сотрудничества государств двух формаций в случаях национально-освободительной борьбы колоний против метрополий (СССР—Индия), борьбы против глобальных проблем человечества (ядерная война, голод, природные угрозы), а также капиталистических стран в борьбе против мирового социализма.

Парадигма исторического развития

На основе этих трех типов МЛТМО выводит и свою концептуальную парадигму исторического развития международных отношений. По аналогии с теорией формационных переходов марксизма ее суть сводится к объективному процессу глобального отхода от старой мировой системы капитализма к более прогрессивной мировой системе социализма. Оттого весь период трансформации международных отношений с момента образования первого социалистического государства и до момента написания ОТМО именуется переходным. Объективным двигателем этого перехода является мировой революционный процесс (МРП) — процесс количественного накопления потенциала для качественной перестройки системы международных отношений в соответствии с объективными потребностями народов мира. Субъективной организованно содействующей МРП силой являются скоординированные политики стран мировой соцсистемы в лице Советского Союза, стран соцдружества, национально-освободительных и рабочих движений, коммунистических и рабочих партий.

По ОТМО, переходный период развития системы международных отношений (СМО) имеет несколько этапов. Вехой первого из них являются Великая Октябрьская социалистическая революция и образование первого в истории социалистического государства (СССР). Вехой второго — победа стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, завершение существования Версальско-вашингтонской системы международных отношений и создание ООН, в Уставе которой закреплялись отстаиваемые Советским Союзом прогрессивные нормы международного общения (делигитимация агрессии и право наций на самоопределение), становление мировой системы социализма. Третья веха — распад колониальной системы империализма, обретение странами Третьего мира политической (но не экономической) независимости и становление их в качестве самостоятельного фактора международных отношений. Вехой четвертого этапа стало укрепление принципа

мирного сосуществования двух систем, ознаменовавшее отход от холодной войны к периоду разрядки (на этот период пришлась основная часть работы над ОТМО, поэтому на нем и останавливается периодизация переходного периода СМО). В это время военно-политический потенциал стран социализма и капитализма вышел на такой уровень развития, что попросту лишил войну как средство разрешения противоречий всякого смысла вследствие ее угрожающего характера для существования человечества. Такой качественный перелом ознаменовал подъем миролюбивых сил в государствах обеих систем, способствовал налаживанию отношений СССР и других социалистических стран с ведущими капиталистическими державами, формированию системы стратегической стабильности и подписанию Заключительного акта Хельсинкского совещания.

**Двудиная система
международных отношений:
социализм, капитализм и Третий мир**

ОТМО характеризовала СМО как исторически обусловленную, сложную социальную систему с присущими ей структурой, компонентами, а также закономерностями функционирования и развития. Ее основным элементом являются государства, следовательно, в рамках системы уместно выделять межгосударственные отношения. В то же время существуют и относительно самостоятельные элементы: различные организованные межгосударственные объединения, международные и общественные организации.

Определяющие компоненты международных отношений – две социально-экономические системы: капиталистическая и социалистическая. Логика их борьбы, соревнования и сосуществования в мировом масштабе предопределяет и основные процессы, развивающиеся в странах Третьего мира, являющихся в свою очередь относительно целостным и относительно самостоятельным компонентом системы межгосударственных отношений. При этом авторы ОТМО полагали, что отношения СССР и США, создававшие биполярную систему международных отношений, вторичны по своему характеру. Они были следствием воздействия основного противоречия – противостояния социализма и капитализма.

Мировая система капитализма в ОТМО характеризуется прежде всего своей государственно-монополистической природой. Ее связующее звено – это общность классовых интересов буржуазии различных стран. Но специфические интересы государственно обособленных группировок порождают серьезные расхождения при определении единого курса капиталистической системы на ми-

ровой арене. На разных этапах преимущественное развитие получала тенденция либо к сближению государств, либо к их противопоставлению. Но ни одна из них никогда не была доминирующей. Экономические противоречия в этой системе находят конкретное выражение не столько в военных столкновениях, сколько в различных формах политической, торговой, валютно-финансовой и иной невоенной борьбы. Экспансия империалистических держав в развивающихся странах также осуществляется преимущественно в невоенных формах. Значительную роль здесь играют международные монополии и корпорации, представляющие собой влиятельную экономическую и политическую силу: они могут иметь противоречия с внешнеэкономической и внешнеполитической линией стран своего базирования и могут рассматриваться как результат интернационализации хозяйственной жизни.

Мировой системе социализма, согласно ОТМО, присущи однотипность экономической базы стран; господство общественной собственности на средства производства; однотипность государственного строя; общность идеологии – марксизма-ленинизма; единство цели построения социализма и коммунизма; общие интересы в защите революционных завоеваний, безопасности и независимости каждого социалистического государства.

В основе социалистических международных отношений лежат принципы интернационализма; государства опираются на международное разделение труда и добровольное сотрудничество. В мировую систему социализма входят страны, стоящие на разных ступенях общественного развития, что ставит задачу постепенного преодоления этих различий. Эволюция отношений между социалистическими странами, как и любой общественно-политический процесс, требует преодоления трудностей объективного и субъективного плана, в частности последовательной борьбы с национализмом как главным источником угрозы нарушения социалистических принципов внешней политики.

Предполагалось, что для стран МСС наука – это основа сознательной организации всей суммы общественных отношений. Она же обеспечивала возможность прогнозирования, формирования и осуществления внешней политики. Важным отмечалось создание Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), что соответствовало задаче расширения экономического и технического взаимодействия на базе многостороннего сотрудничества, координации пятилетних планов народного хозяйства, международной специализации и кооперирования производства на двусторонней и многосторонней основе. Был создан ряд других международных организаций и органов, обеспечивающих дальнейшее развитие экономических связей в различных областях.

При описании мировой системы социализма ОТМО не опускала существование в ней ряда объективных и субъективных противоречий. Причиной возникновения первых были различия в традициях, уровнях развития, конфронтации отдельных стран системы с империализмом. Субъективные же противоречия являлись следствием игнорирования или недооценки объективного характера экономических законов и социально-политических процессов, ошибок и просчетов руководства, недостаточной обоснованности политических и экономических концепций и принимаемых решений.

Страны Третьего мира как еще одна составляющая системы международных отношений имеют факторы общности и единства интересов. Первый – историко-генетический, связанный с их колониальным прошлым. Второй – экономический, выражается в вызовах неокOLONиализма. Новые формы межгосударственной дискриминации здесь, как правило, проявляются не в расовом и политическом ключе, а в ценах на сырье, проблемах передачи современных технологий, растущем разрыве в доходах между индустриально развитыми и отсталыми в хозяйственном отношении странами. Третий фактор, общий для развивающихся стран, – политический. Как правило, они не входят ни в МСК, ни в МСС. Однако это не означает их равноудаленности от обеих систем. Каждая по отдельности, эти страны тяготеют либо к капитализму, либо к социализму. Поэтому у стран Третьего мира не может быть единого, общего пути, и они не могут рассматриваться как единый и цельный мир, идущий к новой, третьей формации. У них есть общий, заранее заданный фактор – отсталость и нищета. В значительной степени он определяет поведение государств совершенно различной социальной ориентации, когда дело касается общих для развивающегося мира проблем. В основе дифференциации освободившихся стран лежат: закон неравномерности экономического и политического развития, свойственный капитализму; различный исходный уровень развития капиталистических отношений; разные условия и предпосылки для деятельности иностранного капитала и “приема” зарубежной технологии; отличия в природных условиях и ресурсных запасах.

ОТМО особо выделяла страны Движения неприсоединения, зародившегося в период холодной войны. Оно было тесно связано с лозунгом “позитивного нейтралитета”, предполагавшего, во-первых, отказ от участия в союзах великих держав и вмешательства в глобальные международные конфликты “на высоком уровне”, и, во-вторых, конструктивный вклад в решение актуальных мировых проблем. Движение расширилось за счет как “правых”, так и “левых”. В него входят отличающиеся по своему внутреннему устройству

и внешнеполитической ориентации государства развивающегося мира.

ОТМО отмечает позитивную роль Движения неприсоединения в сфере международных отношений, поскольку оно способствует прогрессивному мировому развитию, а его принципиальное содержание направлено против империализма и неокOLONиализма.

Международные конфликты

В ОТМО значительное внимание уделялось природе, типам и фазам конфликтов. Выделялись три главных типа конфликтных отношений: между угнетенной нацией и угнетающей, между двумя угнетающими нациями и конфликт равноправных наций. При этом они могли рассматриваться в качестве подсистемы в системе международных и межгосударственных отношений. Взаимодействия элементов такой подсистемы не обязательно развиваются строго иерархично и способны эволюционировать в обход существующих уровней системы международных отношений.

В ОТМО выделялись шесть фаз развития конфликта, позволяющие рассматривать его в качестве единого процесса:

- 1) политические и соответствующие этому экономические, идеологические, международно-правовые, дипломатические отношения сторон по поводу данного противоречия или группы противоречий;
- 2) определение целей, стратегии и форм борьбы сторон для разрешения имеющихся противоречий с учетом внутренней и международной ситуации, потенциала и возможностей применения мирных и немирных средств;
- 3) вовлечение в борьбу непосредственно конфликтующих сторон, а также и других государств индивидуально или через блоки, договоры и ООН;
- 4) нарастание борьбы до наиболее острого политического уровня – международно-политического кризиса;
- 5) сознательный, вытекающий из целей и стратегии переход одной из сторон к практическому применению военной силы в демонстративных целях или ограниченных масштабах с тем, чтобы принудить другую сторону к удовлетворению интересов, выставляемых в данном конфликте государством, приступающим к мерам военного давления;
- 6) международный вооруженный конфликт, способный развиваться до более высоких уровней борьбы, с возможным вовлечением союзников. Если рассматривать эту фазу как “растянутый диапазон”, то можно увидеть в ней множество “подфаз”, означающих эскалацию военных действий.

На любой из фаз конфликта может начаться деэскалирующий ход развития, воплощающийся в фазе мирного зондажа и перемирия в военных действиях, переговоров об ослаблении или ограничении данного конфликта.

МЛТМО В НАУКЕ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Приходится констатировать, что четко заявленная, завершенная (для своего времени) *марксистско-ленинская* ТМО в СССР не вышла из стадии предварительной разработки. Но это ни в коей мере не означает, будто: (а) в СССР вообще не существовало науки о международных отношениях; (б) попытки создания МЛТМО не дали никакого научного и практического результата; (в) марксистская и неомарксистская ТМО не получили развития в мировой науке.

Представляется, что опыт работы над МЛТМО в ИМЭМО советских времен важен и интересен в современных политико-идеологических и научных условиях несколькими его аспектами.

Первое. Этот опыт – важная часть истории ИМЭМО, его отношений и отношений науки в целом с советскими светскими и идеологическими (что было далеко не одним и тем же) властями. Изучение этого опыта позволяет полнее и глубже понять идейные и политические процессы, приведшие в итоге к прекращению существования СССР. В частности, не повторила ли трансформация Союза как идеологического государства историческую трансформацию католической Европы в преддверии становления Вестфальской системы, когда ведущая политическая роль Ватикана размывалась и перешла в итоге к светским национальным государствам, а Ватикану осталась лишь роль духовная, религиозная. Если так – а, на наш взгляд, именно так, – то не лежат ли причины этой трансформации гораздо глубже, чем это принято пока считать? Ответ на этот вопрос представляется одним из ключевых для понимания динамики международной системы в предстоящие десятилетия.

Второе. Вслед за пришедшейся на конец 1950-х годов попыткой создания теории *научного коммунизма* (разгромленной и превращенной в ее противоположность фундаменталистским крылом партии) работа над МЛТМО, независимо от воли и намерений ее участников, возвращала в поле неформальной отечественной дискуссии проблему взаимосвязи марксизма и марксизма-ленинизма. Марксизм – одно из направлений западноевропейской общественно-политической мысли XIX в., в опоре на атеизм соединившее в себе новые для своего времени философские, политико-экономические, историко-теоретические и методоло-

гические идеи и принципы и основанное на них гипотетическое видение будущего. В марксизме есть мощное нравственно-идеологическое начало; но сам по себе он несводим только к идеологии.

Марксизм-ленинизм – основанная на специфической интерпретации марксизма применительно к российским условиям и потребностям правящей партии идеология. Термин “марксизм-ленинизм” появился в 1925 г., когда на первый план вышли задачи строительства нового государства – СССР – и идеологического обоснования конкретных целей, форм и методов этого строительства. За пределами Советского Союза практически каждая компартия поступала так же, стремясь создавать собственную интерпретацию марксизма-ленинизма сообразно ее задачам и возможностям. Марксизм как направление мысли неизмеримо шире марксизма-ленинизма как операциональной идеологической доктрины. Но сильная сторона последней – именно в ее способности обслуживать текущие политико-идеологические потребности каждой из компартий.

Безусловное доминирование идеологии над общественными науками диктовало последним жестко нормативный подход. Особенно это касалось наук о международных отношениях – сферы, ключевой для нормативных оценок капитализма (мир соперничества, конкуренции и войн) и социализма (мир интернационализма, сотрудничества и мира).

Третье. На основании этого опыта представляется неизбежной и доказанной онтологическая связь социальных наук, и прежде всего ТМО, с идеологией. В этой связи нет ничего уничижительного для науки. Идеология отвечает на вопрос “как жить?”, когда других внятных ответов нет или предшествующие дискредитированы практикой. Но ведь если нет ответов в текущей жизни, то их нет и в науке – а возможно, нет еще самих потребных наук. В таком случае последние начинаются с попыток создания вынужденно нормативных предтеорий, исходящих из ключевых принципов и положений соответствующей идеологии (и/или религии как преднаучной идеологии). В дальнейшем, из сопоставления нормативности с реальностью, может возникнуть теоретический реализм, отвечающий на вопрос не “как должно быть?”, но “как происходит на самом деле и почему?”. Именно такой путь – от своих нормативных концепций до “политического реализма” – прошли западные либеральные ТМО [17, 18]. Видимо, аналогичным путем пошли и марксистские теории; и тогда попытка разработки марксистско-ленинской ОТМО – закономерная и неременная часть этого пути. Остается только сожалеть, что ее результаты не стали своевременно достоянием научной и широкой общественности.

Четвертое. По существу, поставлена, но не получила пока признаваемого решения философ-

ская проблема соотношения нравственно-идеологического и собственно научного начал в ТМО. Как либеральным, так и марксистско-ленинской концепциям ТМО присуще глубокое убеждение в собственной правоте — что с позиций идеологии естественно, закономерно и неизбежно. Но сама по себе идеология, даже называющая себя научной — все же не наука. Она предлагает ценности, принципы и нравственные нормы; наука же стремится познать реальность. И если объект познания один и тот же, разные научные школы будут давать в принципе сопрягающиеся результаты. Использование этих результатов — вот сфера, во многом детерминируемая идеологией.

В то же время на этапе становления науки — в нашем случае ТМО — та идеология, в лоне которой происходит это становление, оказывает на него формирующее идейное, политическое, а нередко и практическое воздействие. Результатом оказывается появление в политической мысли концепций заблуждений и даже намеренных идеологически “правильных” построений, преодоление которых в науке занимает потом десятилетия¹. Не свободна от такого рода заблуждений была и создававшаяся в Институте ОТМО. Представляется, что только сейчас, спустя более полувека после начала этой работы, марксистская политическая теория объективно получает научную и практическую возможность выйти на свою магистраль политреализма. Будет ли использована такая возможность, кем и как, — покажет время.

Пятое. Если идеология влияет на научно-политическую мысль, при этом сама идеология в конкретной стране интерпретируется сообразно условиям, интересам и задачам этой страны и ее элит, неизбежными представляются: (а) появление достаточно большого числа таких интерпретаций, различающихся по их идеологическим основаниям и странам происхождения; и (б) попытки — разной степени добросовестности — представить такие интерпретации как “национальные ТМО” [19]². Доминирующая сегодня в мире совокупность теорий и концепций международных отношений, сложившаяся на базе либеральной (в широком смысле) идеологии, возникла именно так. Можно

с высокой долей уверенности предположить, что аналогичным образом может появиться и совокупность ТМО на основе марксизма и/или марксизма-ленинизма.

Здесь, однако, возможны два русла ее формирования. Во-первых, когда в той или иной стране на базе специфики ее места, роли и интересов в мире и/или в международном регионе, стоящих перед ней задач, имеющихся в ней кадров, научных школ и традиций формируются конкретные теоретические заделы ТМО на отдельных направлениях последней. Во-вторых, когда за ТМО или, шире, за политическую теорию выдается националистическая, по сути, ее концепция или стратегия, призванная обосновать соответствующую внешнюю политику.

Разрабатывавшаяся в Институте ОТМО объективно объединила два эти направления. Основываясь непосредственно на идеологии, она уже только по этой причине имела целью стать общей, фундаментальной теорией, а не суммой частных концепций. Но СССР 1970–1980-х годов был сверхдержавой с глобальными интересами, а потому положения общей теории неизбежно и тесно переплетались с внешнеполитическими задачами партии и государства. Для науки в этом были свои плюсы, способные ускорить продвижение от давления идеологии к доминированию реализма, но и понятные политико-идеологические минусы, на практике тормозившие этот процесс.

Шестое. Даже не изданная в целостном виде, работа над ОТМО не была неким анклавом в советской науке о международных отношениях. Ее идеи и положения высказывались на конференциях, в контактах с работниками практических ведомств, в отдельных докладах и статьях и были достаточно хорошо известны в профессиональной среде. Отчасти под ее влиянием — и под влиянием развития социальных наук в мире в целом — в СССР стали формироваться специализированные направления исследований международных отношений: военно-политические исследования, теоретический анализ внешней политики, конфликтология и социология международных отношений, количественный анализ, приложение социальной и политической психологии, прогнозирование и др. Эти направления в свою очередь подпитывали теоретический анализ международных отношений в целом. Важно подчеркнуть, что исследования такого рода велись не только в институтах Академии наук, но и в ряде ведущих вузов — МГИМО, МГУ и некоторых других³. Так объективно подготавливался

¹ Видимо, неслучайно и в западной, и в российской научной литературе периодически возобновляется дискуссия о том, является ли современная ТМО наукой в строгом смысле этого понятия.

² На протяжении двух последних лет факультетом международных отношений РУДН и журналом “Вестник РУДН. Серия: международные отношения” было проведено восемь семинаров интересного и весьма репрезентативного обсуждения проблемы национальных школ ТМО. См. также: От системной истории к российской теории международных отношений. Интервью с профессором Алексеем Демосфеновичем Богатуровым. *Вестник РУДН. Серия: международные отношения*, 2020, т. 20, № 3, сс. 574–584.

³ Мы говорим здесь только о позднем советском периоде. Понятно, что с прекращением СССР марксизм-ленинизм остался идеологией только КПРФ, а в российскую науку о международных отношениях пришли иные идеологические, философские и методологические идеи и принципы.

возможный в будущем поворот к “марксистскому политическому реализму”, не состоявшемуся из-за судьбы СССР и его идеологии.

Седьмое. Представляют ли сегодня МЛТМО и ее частный вариант ОТМО не более чем уникальный эпизод в истории науки о международных отношениях или в них присутствует познавательный потенциал, раскрытие которого по существу еще даже не началось? Правомерно предположить второе — тем более что в мировой международно-политической мысли марксистское и неомарксистское направления присутствуют, хотя и не являются ведущими. Мир начала XXI в. усложнился во всех его аспектах настолько, что ни одна из светских идеологий и мировоззренческих систем прошлого не может быть более достаточной для его понимания и регулирования. Не повторят ли в таком случае эти идеологии путь христианства, сумевшего перейти от религиозных войн его ветвей к “мирному сосуществованию” и сотрудничеству? Тем более что эти идеологии — траектория и продукт развития еврохристианских цивилизации и менталитета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный читатель может легко и с иронией заметить, что с начала 1980-х годов развитие системы международных отношений в целом и каждой из трех ее подсистем — капитализма, Третьего мира и особенно социализма — пошло совершенно не так, как это виделось авторам ОТМО. И будет прав. Но именно это обстоятельство и определяет научную ценность ОТМО и МЛТМО сегодня.

Любая нормативность — идеологическая, религиозная, нравственная, правовая, даже научная — рано или поздно приходит в острое противоречие с реальностью. МЛТМО как теория нормативная и здесь повторяет путь и опыт нормативных этических и правовых концепций МО, сложившихся во второй половине XIX в. на основе идей, принципов и ценностей христианства и либерализма.

Эти концепции исходили из того, что христианство и либерализм привели к образованию сообщества “цивилизованных государств”, разделяющих общие для них ценности; что государства эти движимы нормами христианской этики; что войны между такими государствами исключены, а цели их политики исключительно благородны и направлены на достижение прогресса и всеобщего блага... А потом разразилась Первая мировая война, напроць перечеркнувшая эти благие постулаты — все вместе и каждый в отдельности. Из опыта, морального и когнитивного потрясения войны и родились в 1919 г. наука ТМО, а затем и политический реализм как методологическая и теоретическая антитеза нормативности.

Сравнимым потрясением для нормативной МЛТМО без преувеличения стали уместившееся всего в три десятилетия прекращение СССР, исчезновение бывшего социалистического содружества, разворот постсоциалистического пространства к западной политико-экономической модели и одновременно рывок Китая, ставшего за те же десятилетия современным государством и вторым после США экономическим, военным и политическим гигантом. *Такой* эволюции социализма никто в мире не ожидал.

Для МЛТМО это потрясение открывает потенциальную возможность выхода на собственный реализм, основанный на центральной идее марксизма — положении о развитии как объективном качестве социально-исторического процесса. Марксистская *теория мирового развития*, как представляется, может стать формой такого реализма и следующей за МЛТМО ступенью научной марксистской мысли. Обращение к ОТМО побуждает и позволяет еще раз задуматься о всех поднятых ею вопросах.

Издание последней полной редакции коллективной монографии “Основы теории международных отношений”, посвященное 100-летию со дня рождения академика Н.Н. Иноземцева, планируется к концу 2021 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Мир в процессе перемен: вызовы и возможности для России. *Мировая экономика и международные отношения*, 2011, № 9, сс. 3-30. [Mir v protsesse peremen: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii [The world in the process of changes: challenges and opportunities for Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2011, no. 9, pp. 3-30.]
2. Черкасов П.П. *ИМЭМО. Очерк истории*. Москва, Издательство “Весь Мир”, 2016. 872 с. [Cherkasov P.P. *ИМЭМО. Очерк истории* [ИМЭМО. History sketch]. Moscow, Izdatel'stvo “Ves' Mir”, 2016. 872 p.]
3. Иноземцев Н.Н., отв. ред. *Международные отношения после Второй мировой войны. В 3-х т.* Москва, Госполитиздат, 1963. 759 с. [Inozemtsev N.N., ed. *Mezhdunarodnye otnosheniya posle vtoroi mirovoi voiny. V 3 t.* [International relations after the Second World War. In three volumes]. Moscow, Gospolitizdat, 1963. 759 p.]
4. Примаков Е.М., Гантман В.И., Любченко В.И. *Методика ситуационного анализа международных отношений*. Москва, ИМЭМО, 1974. 13 с. [Primakov E.M., Gantman V.I., Lyubchenko V.I. *Metodika situatsionnogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Methodology for situational analysis of international relations]. Moscow, ИМЭМО, 1974. 13 p.]
5. Иноземцев Н.Н., рук. проекта. *Прогноз основных тенденций и направлений экономического развития капитализма до 1990 года. В 4-х тт.* Москва, ИМЭМО, 1972. 223 п. [Inozemtsev N.N., ed. *Prognoz osnovnykh tendentsii i napravlenii*

- ekonomicheskogo razvitiya kapitalizma do 1990 goda. V 4 tt.* [Forecast of the main tendencies and directions of economic development of capitalism until 1990. In four volumes]. Moscow, IMEMO, 1972. 223 p.]
6. Поздняков Э.А. *Системный подход и международные отношения*. Москва, Наука, 1976. 157 с. [Pozdnyakov E.A. *Sistemnyi podkhod i mezhdunarodnye otnosheniya* [Systems approach and international relations]. Moscow, Nauka, 1976. 157 p.]
 7. Гантман В.И., отв. ред. *Система, структура и процесс развития современных международных отношений*. Москва, Наука, 1984. 422 с. [Gantman V.I., ed. *Sistema, struktura i protsess razvitiya sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [System, structure and development process of modern international relations]. Moscow, Nauka, 1984. 422 p.]
 8. Гантман В.И., отв. ред. *Современные буржуазные теории международных отношений*. Москва, Наука, 1976. 486 с. [Gantman V.I., ed. *Sovremennye burzhuaznye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Modern bourgeois theories of international relations]. Moscow, Nauka, 1976. 486 p.]
 9. Косолапов Н. Исследования международных отношений: логика идей, интересов, политики. *Мировая экономика и международные отношения*, 2006, № 4, сс. 93-99. [Kosolapov N. Issledovaniya mezhdunarodnykh otnoshenii: logika idei, interesov, politiki [Studies of international relations: the logic of ideas, interests, politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2006, no. 4, pp. 93-99.]
 10. Проблемы теории международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения*, 1969, № 9, сс. 88-106. [Problemy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Problems of the theory of international relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1969, no. 9, pp. 88-106.]
 11. Проблемы теории международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения*, 1969, № 11, сс. 78-99. [Problemy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Problems of the theory of international relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1969, no. 11, pp. 78-99.]
 12. Максимова М. Всемирное хозяйство, научно-техническая революция и международные отношения. *Мировая экономика и международные отношения*, 1979, № 4, сс. 12-24. [Maksimova M. Vsemirnoe khozyaistvo, nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy, scientific and technological revolution and international relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1979, no. 4, pp. 12-24.]
 13. Максимова М. Всемирное хозяйство, научно-техническая революция и международные отношения. *Мировая экономика и международные отношения*, 1979, № 5, сс. 21-33. [Maksimova M. Vsemirnoe khozyaistvo, nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy, scientific and technological revolution and international relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1979, no. 5, pp. 21-33.]
 14. Косолапов Н. Общественная природа международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения*, 1979, № 7, сс. 61-80. [Kosolapov N. Obshchestvennaya priroda mezhdunarodnykh otnoshenii [The public nature of international relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1979, no. 7, pp. 61-80.]
 15. Быков О. Советский Союз в борьбе за предотвращение ядерной войны. *Мировая экономика и международные отношения*, 1979, № 9, сс. 27-39. [Bykov O. Sovetskii Soyuz v bor'be za predotvrashchenie yadernoi voiny [Soviet Union in the fight to prevent nuclear war]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1979, no. 9, pp. 27-39.]
 16. Иноземцев Н.Н. XXVI съезд КПСС и развитие науки о международных отношениях. *Правда*, 22.09.1981, сс. 4-5. [Inozemtsev N.N. XXVI s'ezd KPSS i razvitie nauki o mezhdunarodnykh otnosheniyakh [XXVI Congress of the CPSU and the development of the science of international relations]. *Pravda*, 22.09.1981, pp. 4-5.]
 17. Косолапов Н. Теоретические исследования международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения*, 1998, № 1, сс. 81-93. [Kosolapov N. Teoreticheskie issledovaniya mezhdunarodnykh otnoshenii [Theoretical studies of international relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1998, no. 1, pp. 81-93.]
 18. Косолапов Н. Теоретические исследования международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения*, 1998, № 2, сс. 67-79. [Kosolapov N. Teoreticheskie issledovaniya mezhdunarodnykh otnoshenii [Theoretical studies of international relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1998, no. 2, pp. 67-79.]
 19. От системной истории к российской теории международных отношений. Интервью с профессором Алексеем Демосфеновичем Богатуровым. *Вестник РУДН. Серия: международные отношения*, 2020, т. 20, № 3, сс. 574-584. [Ot sistemnoi istorii k rossiiskoi teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Interv'y u s professorom Aleksee Demosfenovichem Bogaturovym [From systemic history to the Russian theory of international relations. Interview with Professor Alexei Demosthenovich Bogaturov]. *Vestnik RUDN. Seriya: mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 20, no. 3, pp. 574-584.]

**ABOUT AN ATTEMPT TO CREATE A THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS
IN IMEMO IN THE 1970s**

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 80-91)

Received 11.12.2020.

Nikolay A. KOSOLAPOV (kosolap@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Alexander A. ALESHIN (aleshin.a@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Alexey A. DAVYDOV (*adavydov@imemo.ru*),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Sergey V. KISLITSYN (*skislitsyn@imemo.ru*),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article is dedicated to the 100th anniversary of the Academician N.N. Inozemtsev. The article provides an overview of the unpublished collective monograph “Foundations of the Theory of International Relations” – the fundamental work of a group of the IMEMO researchers, devised in the 1970s in the USSR. The process of creating a monograph is considered in the context of domestic and foreign policy conjuncture of that historical period, as well as the history of IMEMO. Among factors that slowed down the publication of this work were ideological transformations in the USSR, the divergence of political elite groups’ interests. The main provisions of the monograph, based on a systematic approach and works by representatives of Marxism and Marxism-Leninism, are given. Particular attention is paid to comparison with the American and Western European international relations theory concepts of that period. Self-sufficiency of the monograph as a full-fledged theoretical concept within the framework of the Marxist-Leninist theory of international relations is substantiated. The authors of the article prove the relevance of the monograph both as a historical source and as a milestone for modern scientific Marxist thought. Owing to the collapse of the world socialist system, the Marxist paradigm received an opportunity to reach its own realism, separated from ideology and based on the central idea of Marxism – the position of development as an objective quality of the socio-historical process. The publication of the collective monograph “Fundamentals of the Theory of International Relations” is planned for the end of 2021.

Keywords: IMEMO, theory of international relations, N.N. Inozemtsev, E.M. Primakov, V.I. Gantman, foreign policy of the USSR, USSR, Cold War, Marxism, Marxism-Leninism.

About authors:

Nikolay A. KOSOLAPOV, Candidate of History, Head of Department.

Alexander A. ALESHIN, Research Associate.

Alexey A. DAVYDOV, Candidate of Politics, Research Associate.

Sergey V. KISLITSYN, Candidate of Politics, Research Associate.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-80-91

РЕФОРМИРОВАНИЕ САУДОВСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2021 г. А. Федорченко

*ФЕДОРЧЕНКО Андрей Васильевич, доктор экономических наук, профессор,
Институт международных исследований, МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76
(a.fedorchenko@inno.mgimo.ru).*

Статья поступила в редакцию 09.10.2020.

В статье предпринята попытка определить суть происходящих в Саудовской Аравии экономических преобразований. Цель автора – выявление главных направлений начавшихся в экономике КСА позитивных сдвигов, а также проблем в достижении намеченных ориентиров. Проведение реформ тормозится инерцией прежней социально-экономической модели, спадом в мировой экономике. Анализируются возможные последствия для Королевства ускорения процесса декарбонизации мировой экономики, усиления хозяйственного изоляционизма на страновом и региональном уровнях.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, экономические реформы, “Видение 2030”, приватизация, перспективы развития саудовской экономики.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-92-102

Центральный исследовательский вопрос, рассматриваемый в данной статье, – определение характера происходящих в Саудовской Аравии экономических преобразований, возможностей Королевства по преодолению инерции прежней социально-экономической модели, решению возникших в последнее время новых острых проблем в мировой экономике. Данная проблематика лишь частично освещена в российском востоковедении – в первую очередь в работах Г.Г. Косача [1, 2], В.А. Мельянцева [3], В.А. Исаева [4], Ф.И. Ласкариса [5, 6]. Автор опирался на опубликованные официальные саудовские документы [7, 8, 9, 10], доклады Всемирного банка [11, 12, 13]. При написании этой статьи использовался прежде всего метод контент-анализа, включая критический анализ имеющихся в распоряжении автора документов и материалов по теме исследования, часть которых впервые вводится в научный оборот. Используются также мнения и соображения, высказанные наиболее компетентными отечественными специалистами по проблемам Ближнего Востока.

Эра основанного на нефти процветания, начавшаяся после открытия в 1938 г. огромных запасов “черного золота” и превратившая Королевство Саудовская Аравия (КСА) из отсталой аграрной страны в самое мощное в финансово-экономическом отношении арабское государство, может завершиться в обозримом будущем. На рубеже XX и XXI вв. действовавшая ранее социально-экономическая модель вошла в фазу застоя [3, сс. 195-199]. Перечень барьеров на пути динамичного и сбалансированного развития можно сгруппировать следующим образом.

Во-первых, чрезмерно этатизированный хозяйственный механизм и повышенный – по сравнению с развитыми государствами и большинством новых индустриальных стран – удельный вес госсектора в предпринимательской сфере.

Во-вторых, такая модель смешанной экономики не создавала достаточно стимулов к преодолению отраслевой несбалансированности. Сохранялась ориентация на энергетический сектор как двигатель развития.

В-третьих, ориентация на максимизацию доходов от экспорта энергетических ресурсов не стимулировала повышение эффективности использования трудовых ресурсов в несвязанных с нефтегазовой сферой отраслях, порождала иждивенческие настроения у значительной части трудоспособного населения, ориентированного на получение доходов от щедрой государственной системы социальной поддержки.

Перечисленные барьеры существовали во всех аравийских монархиях, но специфика КСА состояла в том, что эта страна стала существенно отставать в их преодолении от таких своих соседей, как ОАЭ и Катар, достигших заметных успехов в области диверсификации и либерализации экономики. Эти факторы создавали угрозу не просто сохранения отставания КСА от группы развитых стран, а *достижения точки невозврата* в таком отставании. Механизмы ускорения догоняющего развития не были созданы, надежды на созидательный потенциал кризисов не оправдались. Ослабление экономических позиций Королевства неизбежно повлекло бы утрату лидерских позиций на Ближнем Востоке, а ухудшение хозяйственных показате-

телей стимулировало бы нарастание протестного движения в самом КСА.

В свете крайне нестабильной ситуации в мировой экономике, в том числе на глобальном нефтяном рынке, и распространения пандемии коронавируса саудовской экономике предстоит пережить турбулентный период и функционировать в условиях, близких к экстремальным.

Ситуация осложняется накопившимися издержками системы престолонаследия. Назрела необходимость реформирования действовавшей ранее и в целом себя оправдавшей схемы, в соответствии с которой королями последовательно становились сыновья отца-основателя саудовского государства короля Ибн Сауда. В настоящее время за власть борется третье поколение семьи Саудов. Не стоит забывать, что внуков Ибн Сауда более двухсот.

Сын нынешнего короля, наследный принц и министр обороны Мухаммед бен Сальман, входящий в группу “старших” принцев, имеет преимущества в борьбе за власть. Выпускник Эр-Риядского университета М. бен Сальман выдвинулся на первый план в саудовской правящей элите. Он имеет опыт работы в сфере бизнеса, поддерживал идеи “либеральных” сторонников династии, выдвинутые еще в начале 1990-х годов: диверсификация национального хозяйства, поощрение нефтяной экономики, радикальное изменение баланса между государством и частным бизнесом в пользу последнего, повышение качества жизни, улучшение экологической ситуации, — ставшие основой начавшихся в 2016 г. экономических реформ в рамках реализации принятой 25 апреля того же года общенациональной программы “Видение 2030” [7]. «Полученное принцем саудовское образование обрело политический смысл — он выглядел как человек, далекий от переноса “западных рецептов” на саудовскую почву» [1, сс. 112–113]. Одновременно принц отличается меньшим консерватизмом по сравнению с его отцом — нынешним королем Сальманом бен Абдель Азизом. Саудовская молодежь связывала с именем наследного принца немалые надежды на рост своей профессиональной подготовки, расширение экономических перспектив, создание новых “социальных лифтов”.

Наследному принцу пришлось действовать в усложнившейся экономической ситуации. Эра нефтяного процветания и избытка капиталов сменилась сокращением золотовалютных резервов, ростом бюджетного дефицита. Нестабильность на мировом нефтяном рынке подтолкнула государство к началу хозяйственных и социальных реформ, позитивные результаты которых наследный принц непременно использует в борьбе за трон, что позволит ему свести к минимуму ощутимо осла-

бившее его политически “дело Хашогги”. В целом выдвижение М. бен Сальмана в качестве вероятного будущего короля стало своего рода спусковым механизмом начала саудовских реформ.

ХОД РЕФОРМ — ТРУДНОСТИ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

С учетом инерционности существовавшей в стране в течение длительного времени социально-экономической системы успех программы “Видение 2030”¹ можно было бы назвать саудовским экономическим чудом. Вместе с тем прошло всего четыре года с момента ее запуска, подводить итоги рано. Имеются основания для оценки отдельных шагов саудовского руководства, определения основных направлений позитивных сдвигов и траекторий движения главных макроэкономических индикаторов, для выявления возникших проблем, а также настрой широких слоев саудовского общества в отношении социально-экономических перемен.

Выделяются два этапа реализации программы. 6 июня 2016 г. Кабинет министров утвердил план первого этапа (“Национальный поворот: 2020”²), заложил основу его законодательной базы (на первые пять лет). Характеризуя дальнейшее законодательство, можно отметить стремление саудовских реформаторов не ограничиваться характерными для многих амбициозных арабских планов и прогнозов общими положениями, а, развивая финальную часть “Видения 2030”, определить, кто конкретно и за что отвечает на министерском уровне и с кого можно будет спросить за допущенные ошибки и неудачи. В длинный список ответственных вошли: Совет по делам экономики и развития (головная организация, возглавляемая М. бен Сальманом), министерства финансов, экономики и планирования, торговли и инвестиций, связи и информационных технологий, транспорта, жилищного строительства, юстиции, образования, здравоохранения, культуры и информации, муниципальных и сельских административных единиц, экологии, водных ресурсов и сельского хозяйства, труда и социального развития, хаджа и умры. Ключевые звенья системы исполнительной власти, отвечающие за реформы с первого этапа, — министерство энергетики, промышленности и природных ресурсов (как и действующая под его управлением компания *Aramco*), а также Генеральная инвестиционная компания. Для контроля над качеством институтов были созданы Национальная счетная палата и Бюро стратегического управления. В тексте программы содержатся промежуточные (до 2020 г.) контрольные цифры по всем основным направлениям реформ [8].

¹ Суть этого документа уже была проанализирована российскими исследователями. См., например: [1, 2].

ПРИВАТИЗАЦИЯ И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ

На обоих этапах (второй этап, в соответствии с первоначальными предположениями, — 2020—2030 гг.) структурная перестройка и сокращение степени этатизации экономики займут больше всего времени, будут проводиться с наибольшими трудностями, но их успех изменит судьбу Королевства. Как это часто бывает в процессе реформирования (а для Арабского Востока это особенно актуально), переход от конструирования концепции и программы преобразований к реальным шагам является болезненным для общества и идет в замедленном режиме. Известный египетский экономист Т. Хегги по этому поводу отмечает, что “переход от стадии планирования к конкретным действиям чрезвычайно сложен и обычно происходит в условиях открытого противоборства настроенных в противоположных концептуальных направлениях центров силы, часть из которых твердо придерживается идеалов прошлого, другие нацелены на новые возможности, открывающиеся в будущем” [14, p. 118].

Изначально планировалось до 2020 г. представить первые результаты диверсификации саудовской экономики, но теперь срок перенесен на 2025 г. В топливно-энергетическом комплексе планируется параллельно проводить диверсификацию отрасли и частичную приватизацию компаний госсектора. Одна из центральных идей “Видения 2030” — начало приватизации и вложение вырученных средств через суверенный фонд КСА “Государственный инвестиционный фонд” (ГИФ) в высоколиквидные производственные активы в КСА и за рубежом. В 2018 г. произошло историческое для страны событие — ведущее звено хозяйственной системы КСА компания *Saudi Aramco* приобрела статус акционерной компании². В конце 2019 г. компания провела IPO на Саудовской фондовой бирже, в ходе которого было привлечено 25,6 млрд долл., что является одним из рекордов мировой экономики. Компания стала крупнейшей по рыночной капитализации, обогнав *Microsoft* и *Apple*.

По итогам 2019 г. прибыль *Aramco* упала на 21% на фоне снижения добычи и цен. В результате обрушения цен на нефть 9 марта 2020 г. (самого крупного за последние 20 лет, на 30%) котировки акций *Aramco* упали на максимально допустимые 10%. Власти приняли в итоге решение провести размещение в сжатом формате: листинг только на Саудовской фондовой бирже всего 1,5% акций компании, из них треть физическим лицам. Результат — получение государством около 25 млрд долл. вместо планируемых 100 млрд [15].

² Этот производитель “черного золота” занимает первое место в мире по объемам добычи нефти и разведанным нефтяным запасам. Является источником до 80% доходов саудовского бюджета.

IPO будет продолжено, но повысившиеся финансовые и репутационные риски негативно отразятся на планируемых инвестиционных программах КСА.

Противоречивость проводимой либерализации и смещения баланса в структуре собственности в пользу частного сектора подтверждают некоторые шаги государственного руководства в обратном направлении — в сторону фактической национализации. В марте 2019 г. принадлежащее Министерству финансов КСА предприятие *Istidama* получило 36% группы *Binladin* — строительного и инженерного гиганта. Компании группы, полностью принадлежащей ранее семье Бен Ладен, столкнулись в последние годы с миллиардными убытками, долговыми проблемами и крайней неэффективностью управления, что требовало срочной реструктуризации. Сложности стали назревать после прихода к власти короля Сальмана — в связи с отстранением группы от тендеров. В результате усиления государственного участия компания возобновила свою деятельность на некоторых из громких мегапроектов, включая строительство новых объектов в Большой мечети в Мекке, а также в рамках реализации проекта строительства города-курорта *Neom* на берегу Красного моря. Эти шаги встревожили иностранных инвесторов, заинтересовавшихся перспективами реализации “Видения 2030”. Частичную национализацию и возможность ее продолжения многие связывают с ходом антикоррупционной кампании и инерцией устоявшейся модели широкого использования государственно-административного ресурса [16].

Королевство последовательно проводит курс на внедрение альтернативной энергии. Такая политика направлена на повышение эффективности использования нефтяных запасов в направлении увеличения удельного веса нефти, применяемой в качестве сырья в нефтеперерабатывающей и химической промышленности. В 2019 г. планировалось запустить 12 профильных проектов на общую сумму 3,5 млрд долл. Саудовская Аравия предполагает произвести к 2030 г. 58,7 ГВт “чистой” энергии, включая 40 ГВт солнечной, 16 ГВт ветровой и 2,7 ГВт геотермальной [5]. Развитие этого энергетического направления тормозится субсидированием цен на сырье для энергетических компаний, работающих на нефти и газе.

Результатом отхода от нефтяной зависимости стало усиление роли ненефтяных отраслей в качестве драйвера экономического роста. О переменах в углеводородной экономической модели и результативности диверсификации свидетельствует увеличение вклада ненефтяного сектора в ВВП с 40% в 2000 г. до 57% в 2018 г. КСА заняло по данному показателю 3-е место в ССАГПЗ — после Бахрей-

на (82%) и ОАЭ (70%). Темпы прироста этой части экономики составили 6.0% в 2018 г. и 4.2% в 2019 г. В 2019 г. в этом отношении показаны наилучшие за предыдущие три года результаты, причем лидировала сфера услуг, на которую приходится около 40% ВВП. Ненефтяное материальное производство (10% ВВП) по-прежнему концентрировалось в химической и металлургической промышленности. Но пока не удалось выйти на намеченные в “Видении 2030” показатели повышения экспортной квоты этих отраслей с 16 до 50%. Напротив, диверсификация затормозилась – в результате падения темпов прироста ненефтяного экспорта в 2019 г. его доля в ненефтяном ВВП сократилась с 12.1% в 2018 г. до 10.8% в 2019 г. [9, р. 1].

Первый этап локализации военного производства (один из центральных ориентиров “Видения 2030”) проходит без заметных сбоев. Идет выстраивание более четкой и эффективной системы занимающихся этой отраслью органов госуправления, системы военных закупок и стандартов, происходят консолидация военных компаний, формирование нового кадрового состава менеджмента высшего звена и инженерно-технического персонала, началось производство военной продукции не самого сложного уровня, но уже ориентированного как на импортозамещение, так и на экспортные поставки. В военной индустрии в рамках локализации происходит консолидация собственности. Так, лидер отрасли *Saudi Military Industries (SAMI)* приобрела компанию *Aircraft Accessories and Components Company* (обслуживание, ремонт и установка гидравлических систем самолетов и систем вторичного питания для нескольких платформ) [6].

При реализации военных программ имеет место острый дефицит высококвалифицированных кадров. Для решения этой проблемы вносятся коррективы в структуру саудовских вузов, специализацию обучающихся за рубежом подданных Королевства, начата реализация программы привлечения иностранных специалистов, которым стали предоставлять на конкурсной основе специальный вид на жительство. Руководящий состав военных компаний пополняется представителями топ-менеджмента западных промышленных ТНК, как с саудовским гражданством, так и иностранцев.

В КСА и на всем Аравийском полуострове обостряется проблема продовольственной безопасности. Решить ее не позволяют нехватка пригодных для обработки земель и крайне сухой климат (амбициозный саудовский проект самообеспечения пшеницей 1980-х годов не увенчался успехом). Как отмечается в подготовленном в ИМЭМО РАН докладе “Россия и мир: 2024”, “с изменением климата возможно снижение собственного сельхозпроизводства, что вынудит правительства арабских

стран наращивать импорт. Это ляжет дополнительной нагрузкой на и без того дефицитные бюджеты” [17, с. 29]. Конечно, с проблемой нехватки продуктов питания и бюджетных ограничений сталкиваются в первую очередь наименее развитые арабские страны и государства с большой численностью населения. Однако потепление климата, последствия пандемии и нарастание кризисных явлений в мировой экономике обостряют данную проблему и в аравийских монархиях, имеющих серьезные природно-климатические ограничители в развитии аграрного сектора.

Задача содействия аграрному развитию стала еще одним приоритетом плана “Видение 2030”. Решением от февраля 2017 г. правительство выделило на развитие аграрного и водного секторов в совокупности 24.5 млрд долл. [18].

КСА и ряд других государств ССАГПЗ – Катар, ОАЭ, Кувейт – направляют свои финансовые ресурсы в аграрный сектор Судана для создания производственных мощностей и инфраструктуры, нацеленных в основном на поставки продовольствия на Аравийский полуостров. В этой стране имеется для этого благоприятное сочетание природно-климатических условий и основных факторов производства, за исключением капитальных ресурсов. В качестве подобной инвестиционной цели рассматривается и Египет [19]. Хотя и Судан, и Египет сами сталкиваются с проблемой нехватки продуктов питания, они заинтересованы в притоке саудовских инвестиций, а саудовское руководство с помощью этого экономического рычага пытается не только укрепить продовольственную базу Королевства, но и еще больше вовлечь эти страны в орбиту своего политического влияния.

Новым и перспективным направлением развития финансового сектора в контексте “Видения 2030” стало внедрение финтех – инновационных технологий и платформ, увеличивающих доступность данного вида услуг и способствующих динамичному и стабильному росту экономики в целом. Государственные органы в странах ССАГПЗ начали создавать необходимую для этого правовую и административную инфраструктуру в 2016–2017 гг. В КСА этим занимаются Валютное агентство и Управление рынков капиталов, при чем содействии саудовские финансовые институты быстро сокращают свое отставание от стран ОЭСР в области цифрового банкинга, платформ краудфандинга и кредитования P2P, роботизированного финансового консалтинга, операций с криптовалютами.

К реализации курса на диверсификацию пока не смогла подключиться туристическая отрасль. Пандемия перечеркнула намеченные планы развития. Доходы от обслуживания паломников из-

за рубежа (2.6 млн человек) упали с 12 млрд долл. в 2019 г. до нуля в 2020 г. Но и в докризисном 2018 г. число иностранных туристов, не совершающих хадж, составило лишь 200 тыс. [20].

В течение первых четырех лет реализации задач “Видения 2030” диверсификация и модернизация национального производства дополнялись расширением отраслевой и страновой структуры экспорта саудовского капитала. Наиболее важные сдвиги произошли в реальном секторе. Имели место создание и увеличение за рубежом секторов экономики, контролируемых саудовскими инвесторами. По удельному весу здесь доминируют нефтепереработка и нефтехимическая промышленность. В 2018–2019 гг. страна вложила в эти отрасли 10 млрд долл. в Китае, 7 млрд в Малайзии, 6 млрд – в расширение нефтеперерабатывающих мощностей в Южной Корее, в том числе НПЗ *S-oil* (по завершении модернизации станет крупнейшим в АТР), приобрела контрольный пакет акций строящегося нефтеперерабатывающего предприятия в Индии (его стоимость 44 млрд долл., сумма саудовских вложений не разглашается), химическую компанию *Motiva Chemicals* в США. Развивается саудовско-японское инвестиционное сотрудничество при увеличении доли саудовской корпорации до уровня контрольных пакетов акций. Экспансия КСА в Азии носит системный и долгосрочный характер. После приобретения у ГИФ 70% акций компании *SABIC* в марте 2019 г. *Aramco* получила в собственность предприятия химической промышленности в более чем 50 странах [21].

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ

Обладая богатейшими минеральными ресурсами, весомым производственным капиталом, развитой по ближневосточным меркам инфраструктурой, Саудовская Аравия по конкурентоспособности занимает лишь 4-е место на Ближнем Востоке и 36-е место в мире (2019 г.). В XXI в. КСА заметно опустилось в этом рейтинге³. За время реализации “Видения 2030” (в программе в качестве точки отсчета было указано 25-е место, с которого предстояло подняться на 10-е) не удалось преодолеть основные проблемы, препятствующие повышению индекса конкурентоспособности. Среди них: дефицит собственных конкурентоспособных кадров, слабая вовлеченность женщин в экономику, низкая развитость наукоемкого производства, отставание в достижении намеченных ориентиров в экономической диверсификации и в реформировании экономических и политических институтов.

³ По сравнению с 2012–2013 гг. КСА опустилось к 2017 г. на 12 позиций и занимало 30-е место в мировом рейтинге.

В то же время, как ни парадоксально, страна достигла ощутимых результатов в улучшении инвестиционного климата. По данным Всемирного банка, особенно удачным был 2019 г., когда КСА вместе с Бахрейном и Кувейтом вошли в десятку стран мира, в наибольшей степени поднявшихся в рейтинге *Doing Business Indicators* (КСА в этом отношении вышло на первое место). Страна поднялась с 92-го места в мире в 2017–2018 гг. до 62-го в 2018–2019 гг. [11]. В области институциональных реформ было учтено принятие пакета законов о совершенствовании антимонопольного законодательства (пакет был назван экспертами “новым режимом конкуренции”). Среди других направлений улучшения инвестиционного климата следует выделить следующие [12, pp. 25–33]:

- пересмотрена система ограничений и правил оформления иностранных инвестиций;
- облегчена процедура оформления бизнеса с иностранным участием, в результате количество выданных лицензий удвоилось во втором квартале 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года;
- увеличено количество видов на жительство для иностранных рабочих, но одновременно повышены налоги на эту категорию занятых, что вызвало отток из страны в 2018 г. 1.8 млн гастарбайтеров с невысокой квалификацией;
- для стимулирования либерализации внешней торговли облегчена процедура таможенного оформления пересекающих границу зарубежных и саудовских товаров, в области международных морских перевозок Саудовское таможенное управление и Саудовское управление портов в сотрудничестве с датским судоходным и логистическим конгломератом *Maersk* стали широко использовать технологию *blockchain*;
- контролирующие финансовые органы КСА разрабатывают систему регулирования циркуляции криптовалют, а в 2019 г. было объявлено о выпуске совместно с ОАЭ криптовалюты *Alber*;
- для пополнения бюджета упор был сделан на налог на добавленную стоимость и акцизы;
- в целях развития туристической отрасли введено облегченное получение виз для 49 стран, отменены ограничения на туристические поездки женщин в возрасте старше 18 лет.

Предпринимаемые меры, как видно, имеют комплексный характер и направлены на создание среды, способной повысить экономическую эффективность государства, особенно в той части, которая сопрягается с намерением оптимизировать рынок труда, расширить доступ в страну иностранных компаний, капиталовложений и инновацион-

ных производств, укрепить логистическую составляющую роста, а также расширить туристические возможности. Эти шаги должны подчеркнуть открытость саудовской экономики и мобилизовать дополнительные ресурсы для ее подпитки, чтобы минимизировать угрозы и вызовы, которые ограничивают ныне потенциал воспроизводственных возможностей Королевства.

РЫНОК ТРУДА

В ходе реализации задач “Видения 2030” произошли два заметных сдвига на саудовском рынке труда: сократилось число низкоквалифицированных иностранных работников, что уменьшило отток заработной платы за пределы КСА, и осуществлялась локализация в отношении местных трудовых ресурсов в секторе розничной торговли. В 2018 г. на 32% увеличилось по сравнению с предыдущим годом число поданных Королевства, работающих в сфере розничной торговли, — до 262 тыс.

Из 10.9 млн иностранных рабочих, занятых в 2016 г., в Саудовской Аравии осталось менее 10 млн. Заместить низкооплачиваемых мигрантов из Индии, Пакистана и других стран должны сами саудовцы, ведь новый закон обязывает компании иметь в штате их около 40%. Но заставить их работать в частном секторе непросто — как из-за размеров зарплаты, так и из-за характера самой работы. Официальный уровень безработицы достиг 12%, а среди молодежи — близок к 40% [11].

В масштабах всей экономики трансформация на рынке труда пока остается нерезализованной ча-

стью реформ. Программа диверсификации не подкреплена повышением экономической активности женщин, приведением национальной системы образования и подготовки кадров в соответствие с потребностями работодателей в новых видах производства, а иммиграционная политика все еще не отвечает запросам частного сектора в квалифицированной рабочей силе.

ДИНАМИКА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Недостаточно высокая в целом результативность реформ (по состоянию на конец 2020 г.) в сочетании с неблагоприятной конъюнктурой на мировых нефтяных рынках не позволила улучшить динамику основных макроэкономических индикаторов. Темпы прироста ВВП в 2010–2019 гг. были следующими (в постоянных ценах) [10]: 2011 — 10.0%, 2012 — 5.4, 2013 — 2.7, 2014 — 3.7, 2015 — 4.1, 2016 — 1.7, 2017 — -0.7, 2018 — 2.4, 2019 — 0.3%.

Снижение прироста валового продукта в 2016–2019 гг. по сравнению с предыдущим пятилетним периодом можно объяснить скорее начавшейся структурной перестройкой, а не уровнем нефтяных цен, которые существенно сократились лишь в ноябре и декабре 2018 г. (на 18 и 14% соответственно). Руководство страны было готово к замедлению экономического роста в первые годы реформ.

Сравнительный анализ основных статистических показателей до 2016 г. и в период с 2016 по 2018 г. (данные за 2019–2021 гг. носят оценочный характер, а начиная с 2020 г. составление более или

Таблица 1. Отдельные макроэкономические показатели КСА в 2012–2021 гг.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019 ¹	2020 ¹	2021 ¹
Прирост добычи углеводородов, %	5.1	-1.6	2.1	5.3	3.6	-3.1	3.1			
Прирост в остальных отраслях, %	5.5	6.4	4.9	3.2	0.2	1.3	2.2			
Инфляция, %	2.9	3.5	2.2	1.3	2.0	-0.9	2.5	-1.2	0.8	1.0
Государственные доходы, % от ВВП	45.2	41.2	36.7	25.0	21.5	26.8	30.7	32.6	34.3	34.5
Государственные расходы, % от ВВП	33.2	35.5	40.2	40.8	34.3	36.0	36.6	38.7	38.8	38.6
Фискальный баланс ² , % от ВВП	11.9	5.6	-3.5	-15.8	-12.9	-9.2	-5.9	-6.1	-4.5	-4.1
Совокупный госдолг, % от ВВП	3.0	2.1	1.6	5.8	13.1	17.2	19.0	23.2	28.4	33.6
Чистый госдолг, % от ВВП	-47.7	-50.9	-47.1	-35.9	-17.1	-7.7	-0.1	6.8	13.7	21.9
Товарный экспорт, изменение в %	6.5	-3.2	-8.9	-40.6	-9.8	20.4	32.3	-5.0	8.0	8.0
Товарный импорт, изменение в %	18.2	8.1	3.3	0.5	-19.7	-6.7	10.1	10.0	15.0	18.0
Платежный баланс по текущим операциям, % от ВВП	22.4	18.1	9.8	-8.7	-3.7	1.5	9.0	5.9	7.1	7.9
Золотовалютные резервы, млрд долл.	656.5	725.3	731.9	616.0	534.4	496.0	496.2			
Добыча углеводородов, % от ВВП	45.2	43.3	42.7	43.2	44.0	42.9	43.2			
Выручка от углеводородов, % от совокупной выручки	91.8	89.8	87.8	72.9	64.2	63.0	67.5			
Экспорт углеводородов, % от всего экспорта	87.4	86.4	84.9	75.1	77.3	77.3	80.2			

¹ Прогноз.

² Фискальный баланс рассчитывается как разница между государственными доходами и расходами за отчетный период.

Источник: [12, pp. 57-58].

менее реальных прогнозов сильно затруднено неопределенностью последствий пандемии) дает неоднозначную картину (табл. 1). С одной стороны, продолжился рост экспорта, активное сальдо платежного баланса по текущим операциям сохранилось, хотя и уменьшилось, инфляция осталась на очень низком уровне. С другой стороны, шло исчерпание золотовалютных резервов, рос госдолг, не был устранен дефицит госбюджета, осталось практически неизменным соотношение стоимости добытых углеводородов и ВВП, не получили развития тенденции к уменьшению ориентации экспортных поставок на углеводороды и сокращению удельного веса госрасходов в ВВП.

Некоторое улучшение инвестиционного климата пока не позволило достичь одной из основных целей – превратить Саудовскую Аравию в “инвестиционную сверхдержаву”. По плану соотношение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и ВВП должно быть доведено до 5.7%. Максимальное значение этого показателя в 1970–2018 гг. было отмечено в 2009 г. – 8.5%. А после принятия “Видения 2030” ситуация ухудшилась, что связано не только с конъюнктурой саудовской экономики, но и с волатильностью мировых потоков капитала [13] (табл. 2).

Таблица 2. Соотношение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и ВВП

	2015	2016	2017	2018
ПИИ, млрд долл.	8.14	7.45	1.42	4.25
Соотношение ПИИ и ВВП, %	1.24	1.16	0.21	0.54

По данным платежного баланса КСА, чистый приток прямых инвестиций составил в 2016 г. 1483.7 млн долл., в 2017 г. – 5860.8 млн долл., или 0.9% ВВП (в 2014–2015 гг. наблюдался чистый отток).

ГОСФИНАНСЫ

Как и в прежние годы, государство для поддержки населения и национального хозяйства пошло на принятие в 2019 г. рекордного бюджета – в 1.106 трлн риалов (295 млрд долл.), были восстановлены антиинфляционные денежные компенсации гражданам. В то же время сохранился инвестиционный приоритет госсектора. В первой половине 2019 г. на выручку казначейству в его борьбе с бюджетным дефицитом пришла *Aramco*, выплатившая правительству 20 млрд долл. в форме “специальных дивидендов”, что помогло обеспечить бюджетный профицит в 3.9% ВВП. Но во втором квартале ослабление фискальной политики и снижение нефтяных доходов вывели баланс бюджета “в минус” – 4.5% ВВП.

Сильным тормозом хозяйственных преобразований стала пандемия, которую авторы “Видения 2030” никак не могли предвидеть. Поступления в казну существенно снизились в результате резкого снижения нефтяных цен и приостановки авиаперевозок.

Урезание военного бюджета на 16% в 2019 г. продолжится, а это не только высвободит финансовые ресурсы на гражданские цели, но и может замедлить осуществление амбициозных планов развития национальной военной индустрии.

В марте 2020 г. валютные резервы Центрального банка уменьшались самыми быстрыми темпами за предыдущие 20 лет, а если взять за точку отсчета 2011 г. – достигли минимального значения. По данным Валютного агентства КСА (*SAMA*), его чистые иностранные активы сократились в марте до 464 млрд долл., что стало еще одним антирекордом в период с 2011 г. [10]. Сокращение почти на 27 млрд долл. указывает на использование Королемством своих огромных резервов для компенсации последствий обвала цен на нефть и пандемии. Министерство финансов сообщило, что дефицит бюджета в I квартале составил 9 млрд долл.

На какое-то время КСА лишается доходов от паломничества, а поступления от посещавших святыне для мусульман места были заложены в программу финансирования “Видения 2030”. Закрытие абсолютно всех мечетей в КСА стало частью мер профилактики распространения *COVID-19*.

В мае 2020 г. власти сообщили, что в рамках мер жесткой экономии с 1 июля в три раза (с 5 до 15%) повышается НДС. С 1 июня власти временно перестали выплачивать бюджетникам надбавку на дороговизну. В марте Эр-Рияд повысил потолок долга с 30 до 50% ВВП. До этого соотношение госдолга и ВВП увеличилось с 2% в конце 2014 г. до 19% в конце 2018 г. В том же месяце КСА разместило евробонды на 7 млрд евро. Незадолго до этого ряд других ближневосточных стран пошли на увеличение долга для компенсации потерь от пандемии и обвала цен на углеводороды [20].

Все эти меры, как ожидается, замедлят темпы реализации и масштаб программы экономических реформ. В то же время “Видение 2030” было запланировано из расчета цены в 30 долл. за барр. нефти. В этом отношении определенный запас финансовой прочности имеется. Ряд ключевых программ, требующих большого объема инвестиций, продолжает осуществляться. В КСА существует понимание, что строго по плану такого масштаба реформы проходят редко, тем более в условиях турбулентности нефтяного рынка и продолжающейся пандемии. Вместе с тем руководство страны обе-

спокоено, что добиться реализации главной цели – существенно снизить зависимость экономики от нефти – пока не удалось.

Общегуманитарные последствия реформ не были однозначными. С одной стороны, некоторое ослабление регламентации связанных с повседневной жизнью внутренних устоев (разрешение женщинам управлять автомобилем и присутствовать на спортивных мероприятиях, открытие кинозалов) сделало наследного принца более популярным, в первую очередь в молодежной среде. Но с внутривластной и социальной точек зрения пробуксовывание экономических реформ вызвало волну критики со стороны значительной части саудовцев. Ожидание повышения уровня и качества жизни сменилось негативным отношением к продвигаемым мерам по отходу от грантоориентированной системы социального обеспечения и низкого налогообложения [4] и по стимулированию экономической активности подданных.

Даже небольшое ослабление государственной патерналистской политики по отношению к широкому слою саудовцев, возникшее отторжение реформ значительной частью населения ставят под сомнение их результативность.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Существует консервативный сценарий, в соответствии с которым сложившаяся социально-экономическая модель продолжит дрейфовать без радикальных изменений. Будет применяться традиционная для КСА модель диверсификации – развитие смежных с ТЭК отраслей, в первую очередь энергоёмкой тяжелой промышленности. Королевство продолжит укреплять свои позиции в качестве регионального финансового центра, тесно связанного с подобными центрами развитых и наиболее продвинутых в экономическом плане развивающихся стран. Расширение инвестиционного поля будет происходить по прежнему сценарию – за счет наращивания капиталовложений в нефтехимию, металлургию, производство цемента и других строительных материалов, пищевую индустрию, третичную сферу, сооружения транспортных магистралей стратегического значения, линий связи и других объектов третичной сферы. Продолжится осторожная и умеренная либерализация хозяйственной модели.

Вместе с тем новые реалии, возникшие в мире весной 2020 г., заставят внести существенные изменения в прогнозные сценарии, касающиеся отраслевой трансформации и переориентации инвестиционных потоков. Пандемия и начавшаяся мировая экономическая депрессия будут иметь для КСА серьезные последствия, как минимум, в двух основных направлениях.

Во-первых, по сложившейся на Ближнем Востоке углеводородной хозяйственной модели будет нанесен удар ускорением процесса декарбонизации мировой экономики, снижения углеродоемкости ВВП. Более ранний закат нефтегазовой эры может воспрепятствовать плавному вхождению экономики Королевства в “посткарбонную” эру. Незапланированное и значительное снижение нефтяных доходов еще больше разбалансирует и госбюджет, и, что особо важно, составные части платежного баланса (баланс текущих операций, движение капитала, формирование валютных резервов). Возникшие уже в среднесрочной перспективе дефициты не позволят обеспечить финансирование перестройки саудовской экономики, осуществление амбициозных социальных программ.

Во-вторых, как заявил 12 мая 2020 г. премьер-министр Индии Н. Моди, “началась эпоха опоры на собственные экономические силы” [22]. Вслед за стихийным падением мировой торговли и туризма основные мировые экономические центры начали выводить зарубежные инвестиции и возводить барьеры на пути экспорта своих прямых и портфельных инвестиций, иных финансовых вложений в других странах. По прогнозам, в 2020 г. ТНК сократят свои трансграничные инвестиции на 1/3.

Отступление от глобализации и усиление изоляционизма на фоне декарбонизации окажут двойное воздействие на саудовскую экономику и выдвинут на повестку дня альтернативный прогноз. Диверсификация продолжится, но в локализации производства, в том числе импортозамещающего направления, придется в большей степени опираться на собственные силы и в ограниченном наборе отраслей. Сильная зависимость от импорта останется. Но, с другой стороны, если государству и частному бизнесу удастся приобрести активы в перспективных нефтяных отраслях за рубежом (в первую очередь в Восточной Азии и ЮВА), это поможет выравнять платежный баланс и обеспечить КСА принципиально новое место в сильно изменившейся мировой экономике.

В среднесрочной перспективе станет еще более явной тенденция приобретения зарубежных производственных активов суверенным фондом и саудовскими транснациональными корпорациями, прежде всего компаниями ТЭК. Вложения в энергетический сектор станут все больше дополняться инвестициями в химическую промышленность, машиностроение, производство электроники, финансовые услуги. Таким образом, существовавшая в течение многих лет модель экспорта саудовского капитала, основанная на вложениях в высоколиквидные зарубежные гособлигации, недвижимость,

строительство и торговлю, уступит место инвестированию в передовые отрасли промышленности и услуг.

Национальное хозяйство приобретет, опять же в среднесрочной перспективе, двойственную структуру: производственные мощности в новых отраслях на территории Королевства будут работать параллельно или в кооперации с расположенными за рубежом компаниями с весомым саудовским участием. Успех подобной дихотомии будет определяться многими факторами – в первую очередь повышением конкурентоспособности этих двух частей бизнеса и состоянием мировых рынков.

Вызов, с которым Королевству придется столкнуться, – это сокращение в условиях мировой депрессии притока иностранных капиталов, что затруднит достижение одной из главных задач “Видения 2030” – превратить Саудовскую Аравию в “инвестиционный *hub*”, “инвестиционную сверхдержаву”.

В то же время, скорее всего, под влиянием мировой рецессии и последствий пандемии будут предприниматься попытки внести свой – саудовский – вклад в создание новых, альтернативных экономических моделей – прежде всего в направлении продвижения на глобальном инвестиционном пространстве суверенного фонда ГИФ. Это было бы логичным, если учесть общую тенденцию к усилению роли подобных фондов в мире – из 15 крупнейших 14 контролируются развивающимися странами.

Параллельно с этим Королевству придется решать проблему ориентации на один из формирующихся техноэкономических блоков, которые представляют собой «большие сообщества государств, ориентированные на технологического лидера, обладающие эмиссионным центром, критической массой населения и высокотехнологичных компаний, достаточно емким рынком... Международная торговля и инвестиции проявляют тенденцию к замыканию в рамках таких блоков. Два техноэкономических блока “в высокой степени готовности” – американский и китайский» [23].

Все это не означает крушения надежд на развитие региональной интеграции. Общий рынок в ССАГПЗ вполне может быть оформлен как своего рода местная альтернатива прежней модели глобализации. Реальным остается выполнение одной из задач “Видения 2030” – превращения КСА в региональный транспортный *hub* и регионального лидера в сфере логистики. Если через Иорданию после завершения совместных инфраструктурных проектов в сфере транспорта саудовские экспортеры получат доступ к потребителям Турции, арабских и европейских государств после урегулирования ситуации в Сирии, то транспортный коридор

Саудовская Аравия – Египет даст доступ к рынкам африканских и европейских стран, в том числе посредством транзитной торговли.

Взятый саудовскими реформаторами курс на увеличение удельного веса частного сектора продолжится, но приватизация будет иметь “саудовское лицо”. Ограниченное по масштабам перераспределение собственности произойдет в соответствии с балансом сил в королевской семье. При всей сложности прогнозирования расстановки этих сил М. бен Сальман в ближайшие годы продолжит продвигать своих сторонников в качестве бенефициаров приватизационного процесса. Своим оппонентам он предложит объекты госсобственности, имеющие второстепенное значение. Но в любом случае достигнуть ориентира, указанного в программе реформ, то есть поднять квоту частного бизнеса в производстве ВВП на 25 п.п. и довести ее до 65% ВВП, будет непросто.

В целом очертания курса на экономическое разгосударствление в долгосрочном плане становятся еще более неопределенными.

Вызывает вопросы финансовая устойчивость Королевства. Дефицит бюджета Саудовской Аравии в 2020 г., по экспертным оценкам, составит 49.8 млрд долл., что эквивалентно 6.4% ВВП. Доходы от продажи нефти сократятся в годовом исчислении примерно на 30% в результате снижения цен на мировом нефтяном рынке [24].

При всей волатильности мировых нефтяных рынков Королевство имеет возможность на этапе преодоления последствий мировой рецессии и начала экономического роста в странах – основных покупателях саудовской нефти сохранить свою все еще прочную финансовую основу. Даже когда нефтяные цены пошли вниз, комплексная оценка базовых индикаторов финансовой устойчивости демонстрировала высокий финансовый рейтинг КСА. По данному показателю Королевство занимало в 2020 г. 8-е место среди 66 стран с развивающейся экономикой (*emerging economies*). Китай – на 10-м месте, ОАЭ – на 17-м, Катар – на 32-м [25]. При составлении этой классификации были учтены четыре показателя: соотношение госдолга и ВВП; совокупная (государственная и частная) внешняя задолженность; доходность в твердой валюте национальных облигаций, размещенных за рубежом; соотношение суммы национальных золотовалютных резервов и суммы выплат по внешнему долгу и дефицита платежного баланса по текущим операциям. Рейтинг КСА в данном списке будет еще выше (5-е место), если учесть, что в эту восьмерку включены три страны с развитыми экономиками – Тайвань, Южная Корея и Россия.

Сопоставляя национальные экономические программы России и положения “Видения 2030”,

не трудно заметить определенное сходство целей. Взаимодействие же России и Саудовской Аравии на экономическом поле пока все еще находится в начальной стадии. Размышляя о перспективах российско-саудовских отношений, логично проявлять взвешенный подход. России не избежать острой конкуренции за саудовские контракты – в реформировании своей экономики саудовцы обречены на многовекторность [см. подробнее: 26]. Завершение так называемой ценовой войны и остановка совместными усилиями падения нефтяных цен могут внушать оптимизм в краткосрочном плане, но это вряд ли стоит расценивать как шаг к долгосрочному сближению в других областях. “Драйверами выстраивания отношений

нашей страны с аравийским центром силы на Ближнем Востоке станут характер взаимодействия в треугольниках Россия–США–Саудовская Аравия и Россия–Саудовская Аравия–Китай; последствия смены системы престолонаследия в королевстве, включая сдвиги во внешнеполитической ориентации; результативность хозяйственных преобразований” [26, с. 187].

Основываясь на глубоком анализе российских возможностей и опыта формирования современных российско-саудовских отношений, следует предлагать руководителям КСА конкурентоспособные, хорошо проработанные проекты и инициативы, учитывая программы, входящие в “Видение 2030”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Косач Г.Г. “Видение 2030”. Саудовские реформы. *Свободная мысль*, 2016, № 6, сс. 107–124. [Kosach G.G. “Videnie 2030”. *Saudovskie reformy* [Vision 2030. Saudi Reforms]. *Svobodnaya mysl'*, 2016, no. 6, pp. 107–124.]
2. Косач Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 4, сс. 59–67. [Kosach G. *Saudovskaya Araviya: transformatsiya vlasti i politiki* [Saudi Arabia: Transformation of Power and Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 4, pp. 59–67.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67>
3. Мельянцев В.А. Долгосрочные тренды социально-экономического развития арабских стран. *Вестник МГИМО-Университета*, 2020, № 13 (5), сс. 194–219. [Mel'yantsev V.A. *Dolgosrochnye trendy social'no-ekonomicheskogo razvitiya arabskikh stran* [Long-term Trends in the Socio-Economic Development of the Arab Countries]. *MGIMO Review of International Relations*, 2020, no. 13 (5), pp. 194–219.] Available at: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-194-219>
4. Исаев В.А. Проблемы модернизации экономики нефтедобывающих стран Персидского залива на современном этапе. *Ближний Восток и современность*, 2016, вып. 50, сс. 40–53. [Isaev V.A. *Problemy modernizatsii ekonomiki nefte dobyvayushchikh stran Persidskogo zaliva na sovremennom etape* [Problems of Modernizing the Economy of the Oil-producing Countries of the Persian Gulf at the Present Stage]. *Middle East and Modernity*, 2016, iss. 50, pp. 40–53.]
5. Ласкарис Ф.И. *Саудовская Аравия: 2019 год – курс на энергетическую диверсификацию*. [Laskaris F.I. *Saudovskaya Araviya: 2019 god – kurs na energeticheskuyu diversifikatsiyu* [Saudi Arabia: 2019 – a Course towards Energy Diversification]] Available at: <http://www.iimes.ru/?p=52382> (accessed 25.04.2020).
6. Ласкарис Ф.И. *Саудовская Аравия: о совершенствовании национального военно-промышленного комплекса и внедрении передовых форм организации государственных закупок*. [Laskaris F.I. *Saudovskaya Araviya: o sovershenstvovanii natsional'nogo voenno-promyshlennogo kompleksa i vnedrenii peredovykh form organizatsii gosudarstvennykh zakupok* [Saudi Arabia: on Improving the National Military-Industrial Complex and Introducing Advanced Forms of Organizing Public Procurement]] Available at: <http://www.iimes.ru/?p=58316> (accessed 19.04.2020).
7. *Vision of the Kingdom of Saudi Arabia: 2030* (In Arabic). Available at: <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center> (accessed 07.03.2019).
8. *National Turn: 2020* (In Arabic). Available at: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/programs> (accessed 15.04.2019).
9. *Ratio of Non-oil Export to Non-oil GDP. Statistical Yearbook of 2018. № 54*. General Authority of Statistics, KSA, 2019. 243 p.
10. *Statistics Library. General Authority for Statistics. Kingdom of Saudi Arabia. 2020*. Available at: <https://www.stats.gov.sa/en/statistics-overview> (accessed 21.09.2020).
11. *World Bank, Doing Business 2020 – Sustaining the Pace of Reforms*. 2019. 134 p.
12. *Gulf Economic Update. Issue 5. Dec 2019. Economic Diversification for a Sustainable and Resilient GCC*. A World Bank Group Publication for Gulf Cooperation Council Economies. 61 p.
13. *World Development Indicators Database*. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 29.08.2020).
14. Heggy T. *The Arab Cocoon. Arab's Problematic with Modernity and Progress*. Cairo, Merit Publishing House, 2009. 330 p.
15. Martin M., Blas J. *Aramco Seeks 1.71 Trillion Valuation in World's Biggest IPO*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-17/aramco-seeks-1-71-trillion-valuation-in-world-s-biggest-ipo> (accessed 14.12.2019).
16. Щегловин Ю.Б. *Саудовская Аравия: что стоит за фактической национализацией Binladin Group*. [Shcheglovina Yu.B. *Saudovskaya Araviya: chto stoit za fakticheskoi natsionalizatsiei Binladin Group* [Saudi Arabia: What is behind the de facto Nationalization of the Binladin Group].] Available at: <http://www.iimes.ru/?p=54363> (accessed 29.05.2020).
17. *Россия и мир: 2024. Экономика и внешняя политика*. Москва, ИМЭМО РАН, 2019. 41 с. [Russia and the World: 2024. Economy and Foreign Policy. Moscow, IMEMO, 2019. 41 p. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0563-5

18. Вартамян А.М. *К вопросу о стратегии Саудовской Аравии в сфере национальной продовольственной безопасности*. [Vartanyan A.M. *K voprosu o strategii Saudovskoi Aravii v sfere natsional'noi prodovol'stvennoi bezopasnosti* [On the Question of Saudi Arabia's Strategy in the Field of National Food Security]] Available at: <http://www.iimes.ru/?p=49037> (accessed 14.03.2020).
19. Федорченко А.В., Артюшкин В.Ф. Экономическое проникновение в Африку стран Персидского залива. *Азия и Африка сегодня*, 2020, № 4, сс. 26-33. [Fedorchenko A.V., Artyushkin V.F. Ekonomicheskoe pronikновение v Afriku stran Persidskogo zaliva [Economic Involvement of Persian Gulf Countries in Africa]. *Asia and Africa Today*, 2020, no. 4, pp. 26-33.] DOI: 10.31857/S032150750009089-9
20. Engdahl W. *Twilight in the Desert for Saudi and MBS?* Available at: <https://journal-neo.org/2020/09/16/twilight-in-the-desert-for-saudi-and-mbs> (accessed 21.09.2020).
21. *Saudi Aramco Annual Report 2019*. Available at: www.saudiaramco.com (accessed 15.04.2020).
22. *The Economist*. May 14, 2020.
23. Ректор МГИМО: есть четыре сценария развития событий после пандемии. *TACC*, 09.05.2020. [MGIMO Rector: There are Four Scenarios for the Development of Events after the Pandemic. *TASS*, 09.05.2020 (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/interviews/8503897> (accessed 12.08.2020).
24. As-Savi A. *Price War between Saudi Arabia and the Largest Oil Producers* (In Arabic). Available at: <https://www.aljazeera.net/news/ebusiness> (accessed 28.08.2020).
25. *Which Emerging Markets are in Most Financial Peril?* Available at: <https://www.economist.com/briefing/2020/05/02/which-emerging-markets-are-in-most-financial-peril> (accessed 21.05.2020).
26. Федорченко А.В. Россия – Саудовская Аравия: состоится ли партнерство? *Полис. Политические исследования*, 2019, № 6, сс. 177-188. [Fedorchenko A.V. Rossiya – Saudovskaya Araviya: sostoitsya li partnerstvo? [Russia – Saudi Arabia: Will Partnership Take Place?]. *Polis. Political Studies*, 2019, no. 6, pp. 177-188.] Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.14>

REFORMING THE SAUDI ECONOMY: RESULTS AND PERSPECTIVES

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 92-102)

Received 09.10.2020.

Andrei V. FEDORCHENKO (a.fedorchenko@inno.mgimo.ru).

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

The era of oil-based prosperity, which began after the discovery of huge reserves of “black gold” in the Kingdom in 1938 and turned Saudi Arabia from a backward country with an agrarian economy into the most financially and economically powerful Arab state, may end in the foreseeable future. The previous model of development has exhausted itself, the signs of political and socio-economic stagnation have clearly appeared. Barriers to dynamic, balanced and long-term socio-economic development created a threat not only to keep the Kingdom of Saudi Arabia lagging behind the group of developed countries, but to reach the point of no return in this lag and, most likely, increase it. This article focuses on defining the main directions of the positive changes that have begun, identifying problems that have arisen with the achievement of the intended goals. Based on the analysis of the original Saudi materials, the author tried to assess the main trends of change, to determine the trajectories of the key macroeconomic indicators, to reveal the attitude of broad strata of Saudi society in relation to social and economic changes. The forecast part assesses the possible consequences for the socio-economic development of the kingdom of accelerating the process of decarbonization of the world economy, strengthening economic isolationism at the country and regional levels. As for the prospects for Russian economic participation in the implementation of “Vision 2030”, domestic businesses will have to conduct an intense search for their trade and technological niches in the Saudi market. At present, it makes sense, based on an in-depth analysis of Russian capabilities and past failures in the formation of modern Russian–Saudi relations, to propose competitive, well-developed projects—initiatives to the leaders of the KSA, taking into account the programs included in the “Vision 2030”.

Keywords: Saudi Arabia, economic reforms, “Vision 2030”, privatization, prospects for the development of the Saudi economy, Russian–Saudi relations.

About author:

Andrei V. FEDORCHENKO, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Director of Center for Middle Eastern Studies, Institute for International Studies.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-92-102

МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

**АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАНТОВ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

© 2021 г. Л. Кононов, В. Леденева

*КОНОНОВ Леонид Алексеевич, доктор политических наук, профессор,
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, РФ, 123001 Москва, ул. Садовая, 14
(kononov50@bk.ru).*

*ЛЕДЕНЕВА Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН),
РФ, 119333 Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1;
Российский университет дружбы народов (РУДН), РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
(vy.ledeneva@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 28.05.2020.

Процессы адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество оказывают серьезное влияние на социально-экономическое развитие стран и обуславливают необходимость проведения государствами эффективной миграционной политики. Однако отсутствие единых научных представлений о сути и содержании этих процессов создает теоретическую неопределенность и разногласия в отношении данных понятий. Проблемы в терминологии приводят к трудностям в формировании миграционной политики. В статье проведен глубокий анализ теоретических подходов к изучению адаптации и интеграции мигрантов, обоснована взаимосвязь между ними.

Ключевые слова: миграционные процессы, адаптация, интеграция, стратегии интеграции, миграционная политика, безопасность, принимающее общество, мультикультурализм.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112

Международная трудовая миграция по своей сути является процессом, который изменяет не только структуры современных рынков труда, но и состав населения. Происходят сдвиги в динамике, формах, способах миграции, что побуждает интерпретировать их как начинающуюся трансформацию глобальной модели людских передвижений [1, с. 65].

Социально-экономическая детерминация миграционных процессов приводит к вопросу: как экономические интересы государства совместить с гуманистическими принципами, соблюдением прав человека [2, с. 47] и, в нашем случае, с адаптацией и интеграцией мигрантов на новом месте.

Миграции изменяют состав населения в странах исхода и странах приема мигрантов, обостряют социальные, культурные и психологические противоречия, которые в свою очередь порождают многочисленные конфликты в широких слоях пришлого и местного населения и анклавизацию мигрантов. И все это во многом вызвано слабой теоретической проработкой терминов “адаптация”, “интеграция”, “ассимиляция”, “сепарация” мигрантов и других, относящихся к совместному проживанию мигрантов и принимающего общества. Особенно неблагоприятная ситуация сложилась в отношении терминов “адаптация” и “ин-

теграция”. Большое количество научных работ посвящено этим феноменам, однако отсутствует общепринятое раздельное представление о данных понятиях, что в целом негативно сказывается на миграционной политике России. До настоящего времени не прошел процедуру законотворчества законопроект о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в РФ. Были сделаны две попытки принять этот закон: в 2014 г. его разрабатывала Федеральная миграционная служба, а в 2018 г. – Федеральное агентство по делам национальностей. В то же время в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., принятой 31 октября 2018 г., отсутствуют термин “интеграция мигрантов” и соответствующее направление миграционной политики. Все это актуализирует проблему теоретического осмысления адаптации и интеграции международных мигрантов в интересах совершенствования российской миграционной политики.

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ О МИГРАЦИИ

Проблемам миграции населения и вопросам адаптации и интеграции мигрантов посвящено большое множество научных трудов. Из них часть исследований ориентирована на теоретическое

осмысление мобильности населения в мире. Используя институциональный подход, некоторые ученые характеризуют мобильность как процесс, продиктованный деятельностью международных и государственных политических организаций и стимулирующий появление формальных и неформальных политических практик [3, р. 197].

По мере усиления влияния миграции на мировое сообщество, обострились дебаты на дискуссионных площадках о необходимости интеграции прав человека в принимаемые экономические решения по регулированию миграционных потоков [4, р. 295]. Участники этих дебатов обосновывали необходимость концептуализации различных исследовательских результатов для формирования модели обеспечения прав трудящихся-мигрантов в рамках глобальных приоритетов [5, р. 11].

Некоторые ученые считают, что ограничение экономических и политических прав формирует у мигранта состояние нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне [6, р. 560]. В своих работах они опираются на концепцию затяжной прекарности в отношении временной трудовой миграции. По их мнению, неустойчивые формы занятости мигрантов являются основной причиной социального и психологического неблагополучия мигранта и, как следствие, дезадаптации его к условиям принимающего общества.

Другая группа трудов посвящена проблемам беженцев в Европе. Массовые потоки беженцев ложатся тяжким бременем на социальную инфраструктуру государств и увеличивают антропогенную нагрузку [1, с. 71]. А. Шенфельдт отмечает, что во время миграционного кризиса 2015–2016 гг. странам Евросоюза удалось в срочном порядке разработать меры по адаптации вынужденных мигрантов [3, р. 199]. Адаптация имеет непосредственное отношение к проблемам нелегальной миграции [7, с. 206; 8]. Нелегальные мигранты тоже адаптируются, но чаще всего в криминальные сферы. Исключительной мерой по противодействию нелегальной миграции авторы называют разработку и совершенствование системы социальной адаптации.

В исследованиях о внутренней трудовой миграции сделан акцент на разработку адаптационных программ по поддержке регулярного перемещения мигрантов [9, 10]. В них ученые приходят к выводу, что условия адаптации на новом месте – один из основных факторов принятия решения мигрантом на переезд [11, р. 15]. В ряде научных статей [12, р. 128] подняты проблемы кадрового обеспечения трудовой миграции и гендерные особенности миграции.

Имеются работы, посвященные изучению влияния социального капитала мигрантов на выбор

стратегии их социокультурной адаптации. По мнению А. Татарко, социальный капитал представляет собой прежде всего социальные связи мигрантов, благодаря которым мигранты получают возможности ориентироваться на рынке труда в новом обществе. Он связан с субъективным благополучием, удовлетворенностью жизнью и психологическим здоровьем мигрантов [13, р. 35].

Для характеристики этнокультурной адаптации многими авторами используется термин “аккультурация”. Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц рассматривают аккультурацию как долгосрочный контакт различных этнических групп, в результате которого происходят изменения в исходных культурных моделях одной или нескольких групп [14, р. 151]. Дж. Берри считал, что аккультурация возможна при сохранении культурной самоидентификации в межкультурных контактах. Особое значение для человека имеет необходимость сохранения и развития этнокультурной идентичности [15, р. 10]. Можно согласиться с мнением Й. Кима – использование терминов “адаптация”, “аккультурация”, “ассимиляция” и “интеграция” как синонимов усложняет понимание процессов межкультурной коммуникации [16, р. 382].

Российские исследователи считают интеграцию мигрантов неотъемлемой частью миграционной политики принимающего государства [17]. С. Рязанцев определяет три базовых механизма интеграции мигрантов: *легальное положение мигранта в стране приема*, что делает его частью социума; *знание языка*, обеспечивающее взаимодействие с местным населением; *нормальные условия работы и жизни*. Причем в языковую и социокультурную интеграцию включены как мигранты, так и их семьи [18, с. 108].

Обзор литературы, посвященной адаптации и интеграции мигрантов, дает основание говорить о повышенном интересе ученых к этим процессам. Авторы отмеченных выше научных работ так же, как и многих других, лишь на эмпирическом уровне рассматривали интересующие их аспекты адаптации и интеграции мигрантов, не погружаясь в глубокие теоретические рассуждения по поводу трансформаций смыслового содержания данных понятий и соотношений между ними. По этой причине в науке так и не сформировался единый взгляд в отношении сущности и содержания этих процессов. Термины “адаптация” и “интеграция” мигрантов употребляются в единой связке без четкого понятийного разграничения между ними или же объединяются в одно понятие “адаптация”. Все это указывает на то, что рассматриваемые нами понятия длительное время не эволюционировали, и в конце концов их смысловые значения оторвались от реальности. Это обстоятельство актуализи-

рует научную потребность в развитии отдельных теоретических взглядов и представлений об адаптации и интеграции мигрантов.

МНОГОВЕКТОРНЫЙ ХАРАКТЕР АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Адаптация мигрантов (от лат. *adaptatio* – приспособление). Многие исследователи под ней понимают “**процесс приспособления человека к новым для него условиям жизни**”¹, где ключевым является слово “*приспособление*”. Возникает закономерный вопрос, какова цель этого приспособления? Ответ на него не совсем очевиден, как это кажется на первый взгляд. В научной литературе практически нет прямой постановки такого вопроса и более того нет четкого ответа на него. Чаще всего авторы научных трудов объясняют цели приспособления следующим: необходимостью снижения рядов незаконной миграции; потребностью гашения остроты конфликтов между мигрантами и местным населением или же необходимостью нейтрализации угрозы проявлений экстремизма и терроризма на территориях массового вселения мигрантов. Все это правильно, только слишком опосредовано, не раскрывает потребности самого мигранта в ходе адаптации. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определиться с объектом и действующими субъектами адаптации.

Ни у кого не вызывает сомнения, что **объектом адаптации** выступают сами мигранты. Однако здесь важно уяснить, какие категории мигрантов адаптируются к местным условиям? На наш взгляд, адаптируются практически все, исключение могут составлять транзитные мигранты, командировочные, туристы и некоторые другие категории. Адаптируются даже *незаконные мигранты*, однако их адаптация носит в основном криминальный характер, что представляет предмет для специального исследования.

В содержательном плане процесс адаптации (приспособления) имеет многовекторный характер. В нем выделяют несколько **видов адаптации**: климатическая (приспособление к климатическим условиям территорий вселения); политико-правовая (приспособление к особенностям политико-правовых отношений территорий вселения); бытовая (обустройство быта: обеспеченность пищей, водой, одеждой и пр.); экономическая (приспособление к экономическим условиям); социально-культурная (приспособление к социально-культурной среде принимающего общества); медико-биологическая; другие виды адаптации [19, с. 17].

¹ *Adaptation of migrants*. Available at: <https://migration.academic.ru> (accessed 01.02.2020).

Приспособление мигранта по каждому виду адаптации позволяет ему бесконфликтно пребывать/проживать и достаточно уверенно решать поставленные перед собой задачи.

Субъекты адаптации. По мнению авторов, *основными субъектами адаптации* выступают сами мигранты. Несмотря на то что они отнесены к объектам адаптации, одновременно с этим являются акторами (действующими субъектами) данного процесса. Именно мигранты, принявшие решение мигрировать в другую страну и прибывшие на новое место пребывания/проживания, в первую очередь заинтересованы в скорейшем приспособлении к новым условиям, именно они предпринимают титанические усилия для преодоления адаптационных проблем. От воли мигранта, умения его адаптироваться к новой среде обитания во многом зависит результат адаптации.

К числу других субъектов адаптации следует отнести: 1) государство; 2) органы местного самоуправления; 3) местное население; 4) общественные и политические организации, занимающиеся проблемами миграции; 5) бизнес-структуры; 6) миграционную среду на территории вселения и др.

Каждый из перечисленных выше субъектов преследует свои цели в процессе адаптации.

Для мигранта основная цель адаптации – **освоиться** в новой среде обитания в интересах достижения следующих результатов:

- 1) уверенно ориентироваться в новой обстановке;
- 2) бесконфликтно пребывать/проживать на территории вселения;
- 3) продуктивно осуществлять трудовую или иную деятельность в соответствии с поставленной целью въезда в страну;
- 4) ощущать себя в безопасности и чувствовать некоторую социальную принадлежность к принявшему обществу;
- 5) достичь поставленной цели миграции, например заработать определенный капитал (для трудовых мигрантов), стать гражданином страны проживания (для переселенцев) и др.

Отсюда вытекает и ответ на поставленный нами вопрос: адаптация необходима мигранту для того, чтобы он и члены его семьи могли как можно быстрее **освоиться** в новой обстановке и достичь ожидаемых результатов. Это и есть смысловая формула адаптации. Возьмем ее за основу при формулировании искомого понятия. **Адаптация мигрантов** – *процесс приспособления мигрантов к условиям принимающего общества, в ходе которого мигранты стремятся освоиться в новой для них обстановке*. По нашему мнению, данное определение не перегружено из-

быточной информацией и одновременно с этим достаточно широко и точно отражает его суть.

Государству крайне важно сориентировать все целевые ожидания субъектов адаптации в единое политическое русло, выгодное государству, сделать так, чтобы частные цели субъектов адаптации не противоречили друг другу.

Государственная политика адаптации мигрантов. Приведем ключевые теоретические положения, которые введем в состав искомого определения.

1. Мигранты – основные субъекты процесса адаптации. Это означает, что все остальные субъекты адаптации, включая государство, выполняют роль их пособников, то есть должны оказывать *содействие* мигрантам в приспособлении к новым условиям. Отсюда следует, что словосочетание “*содействие мигрантам*” должно стать ключевым в определении государственной политики адаптации.

2. Общеизвестно, что любая государственная политика представляет собой деятельность государственных органов в отношении больших социальных групп (в нашем случае – это мигранты), направленную на решение значимых общественных проблем (в нашем случае – приспособление мигрантов к новым условиям пребывания/проживания). Данную смысловую конструкцию тоже отразим в искомом определении.

3. В процессе формирования и реализации государственной адаптационной политики принимают участие не все, а только уполномоченные на это государственные органы.

4. В демократических странах, к которым относится и Россия, к формированию и реализации государственной политики привлекают структуры гражданского общества. Полагаем, государственная политика адаптации не должна быть тому исключением.

Учитывая сказанное, сформулируем определение применительно к государствам, которые заинтересованы в приеме мигрантов, включая Россию.

Государственная политика адаптации мигрантов – это деятельность уполномоченных государственных органов, направленная на содействие мигрантам в приспособлении их к условиям пребывания/проживания в принимающем социуме, с привлечением к деятельности органов местного самоуправления, общественных организаций и других субъектов гражданского общества. На наш взгляд, данное определение достаточно полно и точно отражает суть государственной политики адаптации, позволяет формировать научное представление об этом феномене. В нем словосочетание *государственное содействие* предполагает возможность применения широкого спектра мер: политических, правовых,

экономических, социально-культурных и других, включая государственные и общественные услуги.

Субъекты государственной политики адаптации – государственные органы, уполномоченные формировать и реализовывать миграционную политику. В федеративных странах государственная политика адаптации проводится на двух уровнях: федеральном и региональном. Федеральная политика адаптации проводится уполномоченными федеральными государственными органами. Региональная политика адаптации – уполномоченными государственными органами субъектов федерации.

Объекты государственной политики адаптации: мигранты (возвратные и безвозвратные), органы местного самоуправления, общественные организации, местное население, бизнес-структуры и местная миграционная среда.

Цель государственной политики адаптации – упорядочение процессов адаптации мигрантов в интересах социально-экономического развития страны и ее территорий, обеспечения безопасности личности, общества и государства, соблюдение прав мигрантов и граждан страны.

Замечено, что иностранные граждане адаптируются на протяжении всего периода своего пребывания/проживания на территории вселения вплоть до момента, когда они возвратятся назад или когда получают гражданство страны приема. В начальный период своего пребывания/проживания глубина адаптации у большинства мигрантов относительно невысокая, в последующие периоды адаптация к новой для них обстановке заметно улучшается (исключение составляют проживающие в этнических анклавах). В этой связи предлагаем ввести в научную лексику понятие “*глубина адаптации мигранта*” – *степень его приспособления к условиям пребывания / проживания на территории вселения*. В связи с этим следует выделить две стадии содействия адаптации: начальную и углубленную. В сегменте социально-культурной адаптации сформулируем критерии оценки ее глубины.

• *Содействие начальной социально-культурной адаптации:* 1) усвоение мигрантами языка, истории и правовых основ государства приема на уровне, позволяющем им без посторонней помощи, хотя и с некоторым трудом, общаться с местным населением; осуществлять свою деятельность, не нарушая законодательство страны; уважительно относиться к истории страны приема и ее населению; 2) обеспечение доступа мигрантов и членов их семей к социальным ресурсам территорий вселения: медицинским, образовательным, спортивным и др., в объемах и на условиях, нормативно закрепленных региональным законодательством

и актами муниципальных образований; 3) обеспечение доступа к получению государственных и общественных услуг по вопросам пребывания/проживания, осуществления трудовой и иной законной деятельности на территории вселения.

• *Содействие углубленной социально-культурной адаптации*: 1) продвинутый уровень изучения мигрантами языка, истории и правовых основ государства, позволяющий им свободно излагать свои мысли при общении с местным населением; комфортно пребывать/проживать на территориях вселения, не нарушая законодательства страны приема; проявлять лояльность к государственной власти, порядкам в стране и ее народу на основе глубоких знаний языка, правовых основ и истории государства и его народа; 2) усвоение традиций, обычаев, морально-нравственных ориентиров, культурных ценностей коренного населения, позволяющее мигрантам владеть навыками поведения и общения, мало отличимыми от местного населения; 3) знакомство с научными, техническими, культурными и спортивными достижениями, которыми гордится местное население, позволяющее мигрантам свободно вести диалог с представителями принимающего общества по широкому кругу проблем; 4) приобретение знаний о политической системе принимающего общества, социальных связей на уровне, позволяющем мигранту частично социализироваться в общество.

Двухуровневое регулирование процесса адаптации мигрантов позволит государству проводить гибкую государственную политику на этом направлении: в одних случаях ориентироваться на первичный (поверхностный) уровень адаптации, в других – на углубленный. Аналогичный подход можно применить к другим сегментам адаптационной политики государства – бытовой, экономической и др.

На наш взгляд, использование авторских теоретических положений в миграционной политике РФ позволит придать ей более ясный смысл и будет способствовать совершенствованию российского миграционного законодательства и повышению эффективности реализации адаптационных мер.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ “ИНТЕГРАЦИЯ”

Интеграция иммигрантов. В настоящее время вокруг этого понятия сложились крайне противоречивые научные представления, особенно это касается социально-культурной интеграции. В научной литературе встречаются различные определения интеграции мигрантов. Одни ученые понимают под ней “двусторонний процесс, базирующийся на ассимиляции мигрантов в при-

нимающем сообществе...” [20, с. 5]. Другие рассматривают интеграцию в трех аспектах, как “...*ассимиляцию* (полное растворение в населении принимающей страны); *культурную адаптацию* к новому для них окружению (от мигрантов не ожидают отказа от любых проявлений культурной принадлежности, связанных со страной происхождения); *структурную адаптацию* мигрантов к новой среде (такую степень включенности в жизнь принимающей страны, когда они практически не отличаются от большинства местного населения по объективным социально-экономическим показателям)” [21, с. 32]. Существует множество других формулировок интеграции мигрантов. Например, И. Ивахнюк считает, что нет необходимости выделять в отдельные категории понятия “адаптация” и “интеграция”, поскольку адаптация – это часть интеграции как более широкого понятия. “С адаптации начинается интеграция. На адаптации интеграция может остановиться, а может пойти дальше” [22, с. 8].

Таким образом, приходится констатировать факт, что все перечисленные выше определения интеграции не позволяют сформировать ясные представления о сути данного процесса, его отличительных чертах от адаптации мигрантов. В целом описанную ситуацию можно охарактеризовать как кризис научных представлений об интеграции мигрантов, что актуализирует проблему теоретического осмысления данного феномена.

Термин “интеграция” происходит от лат. *integration* – объединение каких-либо частей в целое. В нашем случае это объединение мигрантов с принимающим обществом и встраивание их в общество, что в итоге формирует целостный социальный организм. “*Встраивание*” – *постановка кого-то в общий строй, в один ряд*. Данный термин намного точнее отражает смысл процесса объединения частей в целое, он ассоциируется с искусственным вживлением мигранта в организм принимающего социума неким управляющим воздействием со стороны субъекта интеграции.

На основе сказанного можно сформулировать следующее определение: **интеграция мигрантов** – это управленческий процесс со стороны некоего субъекта по встраиванию мигрантов в структуру политических, экономических и социокультурных связей принимающего общества.

Объектом интеграции выступают мигранты.

Субъекты интеграции – это государство, органы местного самоуправления, общественные организации, бизнес-структуры, местное население, мигрантская среда на территориях вселения. В отличие от процесса адаптации, где основной действующий субъект – мигрант, а государство содействует его адаптации, в интеграционном про-

цессе все происходит наоборот. В нем государство является основным субъектом интеграции мигрантов: устанавливает правовые нормы и процедуры интеграции, выбирает стратегии интеграции и пр. Остальные субъекты интеграции, такие как органы местного самоуправления, общественные организации, религиозные объединения, СМИ, бизнес-структуры, местное население и др., оказывают содействие государству в деле интеграции мигрантов. Мигранты же интегрируются по правилам и процедурам, установленным государством и органами местного самоуправления, принимая (или не принимая) поддержку общественных организаций и религиозных объединений [23, с. 54].

Государственная политика интеграции. В отечественном научном сообществе не прекращаются споры, кого следует считать *объектами интеграционной политики*? Изложим авторскую позицию по этому вопросу. Полагаем, нет необходимости интегрировать внутренних мигрантов, так как они являются гражданами страны приема и им требуется лишь адаптироваться к условиям территории вселения, то есть усвоить местный диалект, обычаи и др. Также нецелесообразно причислять к объектам интеграционной политики возвратных мигрантов. Очевидно, что нет никакого смысла вживлять их в социокультурный организм принимающего общества, поскольку они рано или поздно покинут страну приема. По нашему мнению, возвратным мигрантам, которые непродолжительно пребывают на территории вселения, достаточно адаптироваться на уровне начального приспособления к незнакомым условиям пребывания/проживания, а пребывающим на относительно продолжительное время может потребоваться углубленная адаптация. Таким образом, из всего спектра категорий мигрантов остаются только иностранные граждане и лица без гражданства, которые стремятся стать гражданами страны приема (безвозвратные мигранты). Именно эту категорию мигрантов предлагается рассматривать в качестве объекта политики интеграции Российской Федерации.

Обобщение авторских теоретических позиций в отношении интеграции как управленческого процесса позволяет сформулировать искомое определение применительно к государствам, заинтересованным в привлечении мигрантов. **Государственная политика интеграции** — *деятельность уполномоченных государственных органов по встраиванию иностранных граждан (лиц без гражданства), принявших решение остаться в стране приема, в структуру политических, экономических и социокультурных связей граждан страны приема согласно выбранной государством стратегии интеграции, с привлечением к этой деятельности органов местного самоуправления, общественных организаций и других структур гражданского общества. По*

нашему мнению, такое определение достаточно полно передает смысл государственной политики интеграции, раскрывает ее отличительные черты от политики адаптации.

В федеративном государстве, каким является РФ, государственная политика интеграции должна проводиться на двух уровнях: федеральном — уполномоченными государственными органами и региональном — уполномоченными государственными органами субъектов федерации. К ее формированию и реализации привлекаются органы местного самоуправления и структуры гражданского общества.

Важной задачей федеральной государственной интеграционной политики является установление процедуры интеграции мигрантов. Рассмотрим возможный подход решения этой задачи применительно к России.

Интеграцию мигрантов целесообразно связывать с процедурой получения российского гражданства. Считается, что получение гражданства автоматически завершает процесс интеграции. На наш взгляд, такой подход не совсем верен. Как показывает практика, процесс интеграции достаточно продолжителен во времени, большая часть безвозвратных мигрантов продолжает интегрироваться даже после получения гражданства. По оценкам американских ученых, только третье поколение мигрантов может полноценно интегрироваться в принимающее общество. Учитывая это обстоятельство, предлагаем также включить в процесс интеграции мигрантов этап встраивания их самих и их потомков в структуру политических, экономических и социокультурных связей граждан страны приема во время проживания в статусе граждан РФ.

Таким образом, в России перспективная государственная политика интеграции в отношении мигрантов, получающих гражданство общим порядком, должна устанавливать вполне определенную процедуру интеграции, своего рода “дорожную карту”. Процедура может включать три этапа:

- 1) интеграцию мигрантов на этапе проживания их в статусе разрешения на временное проживание (РВП);
- 2) интеграцию на этапе проживания мигрантов в статусе вида на жительство (ВНЖ);
- 3) интеграцию мигрантов на этапе проживания их в статусе граждан страны приема, с учетом интеграции потомков мигрантов (возможно, включая третье поколение).

Для мигрантов, получающих гражданство упрощенным порядком, данная процедура должна корректироваться.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ВЫБОРА СТРАТЕГИЙ ВСТРАИВАНИЯ МИГРАНТОВ В ОБЩЕСТВО

Результат выбора стратегий встраивания во многом зависит от целевых ожиданий интеграции. Одни политики связывают интеграцию мигрантов с их встраиванием в общий ряд граждан страны без видимых отличий от местного населения. Другие видят результат встраивания в бесконфликтном совместном проживании мигрантов и местного населения с разными культурными ценностями и религиозными убеждениями. Третьи заинтересованы в заселении мигрантами пустующих территорий с частичным ограничением ареала их проживания там. Четвертые – в частичном сохранении мигрантами культурных ценностей обществ исхода, при этом принятие ими основных ценностей и образцов поведения культуры принимающего общества. Пятое – в протекании процесса встраивания в режиме саморегуляции.

Исходя из сформулированных целевых ожиданий, государство выбирает соответствующие стратегии встраивания: ассимиляцию, мультикультурализм, сепарацию, *интеграцию*, саморегуляцию соответственно.

В перспективной российской политике интеграции, наряду с использованием всех обозначенных выше стратегий встраивания мигрантов, наиболее значимыми стратегиями могут рассматриваться стратегии мультикультурализма и интеграции.

Стратегия *мультикультурализма* предполагает продолжительное совместное проживание мигрантов и местного населения, постепенное сближение и взаимное проникновение их культур. Это эволюционный путь интеграции. По нашему мнению, стратегия мультикультурализма достаточно хорошо проявила себя, когда в страны Западной Европы поступали относительно небольшие и хорошо контролируемые притоки мигрантов. Когда же в 2014–2019 гг. там возникла массовая и плохо контролируемая миграция, то мультикультурная модель продемонстрировала свою несостоятельность [24, с. 24].

В этих условиях все больший интерес у политиков вызывает *стратегия интеграции* (принятие мигрантами культуры общества приема, при этом оставление за собой некоторых базовых ценностей страны исхода). Данная стратегия предусматривает интегрирование мигрантов по специально разработанным государственным и муниципальным интеграционным программам. В современных странах разрабатываются и реализуются различные интеграционные программы: расселение мигрантов по территориям страны с учетом того, чтобы у них не было возможности создавать миграционные

анклавы; государственное содействие смешанным бракам, предусматривающее социально-экономическое поощрение таких семей, а также другие программы интеграционного характера [25, с. 56]. Следует отметить, что стратегия интеграции свободна от многих недостатков мультикультурной стратегии, но при этом она более затратна, требует больших финансовых, материальных и иных вложений в миграционную политику государства.

По мнению авторов, в политике интеграции Российской Федерации целесообразно использовать все отмеченные выше стратегии. Каждую стратегию необходимо применять дифференцированно, с учетом величины миграционного потока, социально-экономических особенностей территорий вселения и целевых ожиданий от интеграции.

В настоящее время во многих странах действенной интеграционной мерой является *фильтрация безвозвратных иммигрантов*. Как пишет В. Тормашева, “развитые страны установили ряд селективных административных механизмов, призванных идентифицировать, локализовать и отбирать только нужные кадры” [26, с. 335]. Так, в США применяется система предпочтений, в соответствии с которой определенная категория мигрантов имеет преимущества в предоставлении американского гражданства. Наибольшие преференции получают выдающие деятели культуры, науки и спорта, за ними идут ученые и бизнесмены, лица, едущие для воссоединения семей, затем молодые образованные люди, владеющие языком, ниже люди старших поколений, лица, не имеющие образования, и пр. В Канаде и Австралии используется балльная система. Шансы стать гражданином страны приема увеличивается у тех иммигрантов, которые получают большее число баллов. Выбор системы фильтрации – это одно из направлений государственной политики интеграции. Полагаем, России следует воспользоваться этим зарубежным опытом.

Серьезное препятствие на пути интеграции представляют этнические анклавы мигрантов. *Противодействие анклавизации* – также задача интеграционной политики государства [27, с. 206]. Одной из таких мер противодействия является расселение иммигрантов, прибывших из одной страны, по разным регионам, территориям, поселениям, районам городов.

Подводя общий итог, следует отметить, что разработанные авторами отдельные теоретические положения вносят определенную долю ясности в смысловое содержание терминов “адаптация мигрантов”, “интеграция мигрантов”, “государственная политика адаптации”, “государственная

политика интеграции”, создают теоретико-методологический ресурс, который может быть использован при формировании перспективной государственной политики адаптации и интеграции мигрантов. Его применение будет способствовать дальнейшему совершенствованию миграционного законодательства, снижению рисков ошибок при формировании государственной миграционной

политики и рисков проявлений многочисленных миграционных угроз, в первую очередь таких, как преступность в миграционной среде, незаконная миграция, экстремизм и терроризм в миграционных процессах.

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН “5–100”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Цапенко И. Трансформации глобальной миграции населения. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 8, сс. 65-76. [Tsapenko I. Transformatsii global'noi migratsii naseleniya [Transformations of Global Migration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 8, pp. 65-76.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-8-65-76>
2. Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт. *Вестник Института социологии*, 2017, № 23, сс. 45-70. [Endryushko A.A. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu adaptatsii migrantov v prinyamayushchem obshchestve: zarubezhnyi opyt [Theoretical approaches to the study of the adaptation of migrants in the host society: foreign experience]. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2017, no. 23, pp. 45-70.] DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.480>
3. Shenfeldt A. The European Development Response to the Refugee and Migration Crisis. *International Organisations Research Journal*, 2018, vol. 13, no. 4, pp. 195-212. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-09
4. Bernard A. Levels and patterns of internal migration in Europe: A cohort perspective. *Population Studies*, 2018, vol. 71, no. 3, pp. 293-311. DOI: 10.1080/00324728.2017.1360932
5. Preibisch K., Warren D. Pursuing the capabilities approach within the migration—development nexus. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2017, vol. 42, iss. 13, pp. 1-17. DOI: 10.1080/1369183X.2016.1176523
6. Piper N., Withers M. Forced transnationalism and temporary labour migration: implications for understanding migrant rights. *Identities*, 2018, vol. 25, no. 5, pp. 558-575. Available at: <https://doi.org/10.1080/1070289X.2018.1507957> (accessed 20.04.2020)
7. Прудникова Т.А. Адаптация и интеграция мигрантов в российское общество как фактор предупреждения незаконной миграции. *Вестник экономической безопасности*, 2016, № 1, сс. 203-206. [Prudnikova T.A. Adaptatsiya i integratsiya migrantov v rossiiskoe obshchestvo kak faktor preduprezhdeniya nezakonnoi migratsii [Adaptation and integration of migrants in Russian society as a factor in preventing illegal migration]. *Bulletin of Economic Security*, 2016, no. 1, pp. 203-206.]
8. Tobias G. Eule. The (surprising?) nonchalance of migration control agents. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2018, vol. 44, no. 16, pp. 2780-2795. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1401516
9. McCollum D. Oiling the wheels? Flexible labour markets and the migration industry. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2018, vol. 44, no. 4, pp. 558-574. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1315505
10. Potudanskaya V.F., Borovskikh N.V., Kipervar E.A. Labor migration in the region: Assessment, forecasting, approaches to management. *Journal of Social Sciences Research*, 2018, Special Issue 3, pp. 2413-6670. DOI: 10.32861/jssr.spi3.256.264
11. Van Hear N., Bakewell O., Long K. Push-pull plus: reconsidering the drivers of migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2017, vol. 43, no. 6, pp. 1-18. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1384135
12. Karachurina L., Mkrtchyan N. Age-specific net migration patterns in the municipal formations of Russia. *GeoJournal*, 2018, vol. 83, no. 1, pp. 119-136. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10708-016-9757-4>
13. Tatarko A.N. Social Capital and Acculturation Strategies as Factors of Socio-Cultural Adaptation of Migrants from Central and Central Asia in the Moscow Region. *Cultural-Historical Psychology*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 33-43. DOI: 10.17759/chp.2018140204
14. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation. *American Anthropologist*, 1936, vol. 38, no. 1, pp. 149-152.
15. Berry J. Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 1997, no. 46 (1), pp. 5-34.
16. Kim Y.Y. Adapting to a new culture: An integrative communication theory. *Theorizing about intercultural communication*. Gudykunst W., ed. Thousand Oaks, Sage, 2005, pp. 375-400.
17. Рыбаковский Л.Л. *История и теория миграции населения. Кн. 2. Миграция населения: явление, понятие, детерминанты*. Москва, Экон-Информ, 2017. 234 с. [Rybakovskii L.L. *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kn. 2. Migratsiya naseleniya: yavlenie, ponyatie, determinant* [History and theory of population migration. Vol. 2. Population migration: phenomenon, concept, determinants]. Moscow, Econ-Inform, 2017. 234 p.]
18. Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России. *Социологические исследования*, 2018, № 1, сс. 105-111. [Ryazantsev S.V. Integratsiya migrantov v kontekste vneshnei migratsionnoi politiki Rossii [Integration of migrants in the context of Russia's foreign migration policy]. *Sociological Studies*, 2018, no. 1, pp. 105-111.]

19. Леденева В.Ю. *Модели социальной адаптации и интеграции мигрантов*. Москва, Спутник+, 2014. 145 с. [Ledeneva V.Yu. *Modeli sotsial'noi adaptatsii i integratsii migrantov* [Models of social adaptation and integration of migrants]. Moscow, Sputnik +, 2014. 145 p.]
20. Ионцев В.А. Вопросы теории и практики адаптации и интеграции мигрантов на евразийском пространстве. *Сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Ставрополь, СКФУ, 2016, сс. 5-10. [Iontsev V.A. Voprosy teorii i praktiki adaptatsii i integratsii migrantov na evraziiskom prostranstve [Issues of theory and practice of adaptation and integration of migrants in the Eurasian space]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Collection of materials of the International scientific-practical conference]. Stavropol', SKFU, 2016, pp. 5-10.]
21. Малахов В.С. *Интеграция мигрантов: концепции и практики*. Москва, Фонд “Либеральная Миссия”, 2015. 272 с. [Malakhov V.S. *Integratsiya migrantov: kontseptsii i praktiki* [Migrant Integration: Concepts and Practices]. Moscow, Fond “Liberal'naya Missiya”, 2015. 272 p.]
22. Ивахнюк И.В. Некоторые методологические и практические вопросы политики интеграции мигрантов в России. *Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе?* Научная серия “Международная миграция населения: Россия и современный мир”. Вып. 29. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015, сс. 8-28. [Ivakhnyuk I.V. Nekotorye metodologicheskie i prakticheskie voprosy politiki integratsii migrantov v Rossii [Some methodological and practical issues of the policy of integration of migrants in Russia.] *Integratsiya migrantov: vozmozhna li ona v sovremenном obshchestve?* [Integration of migrants: is it possible in the contemporary world?] Scientific Series “International Migration of Population: Russia and Contemporary World”, vol. 29. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2015, pp. 8-28.]
23. Тишков В.А., под ред. *Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России*. Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, 2019. 261 с. [Tishkov V.A., ed. *Migratsiya i mezhnatsional'nye otnosheniya: resurs gosudarstvenno-obshchestvennogo partnerstva v Rossii* [Migration and interethnic relations: a resource of state-public partnership in Russia]. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN, 2019. 261 p.]
24. Кононов Л.А. Процессы адаптации и интеграции мигрантов, их влияние на национальную безопасность Российской Федерации. *Сборник экспертно-аналитических докладов*. Москва, РГГУ, 2019, сс. 7-52. [Kononov L.A. Protsestry adaptatsii i integratsii migrantov, ikh vliyanie na natsional'nuyu bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii [The processes of adaptation and integration of migrants, their impact on the national security of the Russian Federation]. *Sbornik ekspertno-analiticheskikh dokladov* [Collection of expert analytical reports]. Moscow, RGGU, 2019, pp. 7-52.]
25. Деханова Н.Г., Леденева В.Ю. Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов: основные проблемы и роль государственных органов власти. *Сборник экспертно-аналитических докладов*. Москва, РГГУ, 2019, сс. 53-84. [Dekhanova N.G., Ledeneva V.Yu. Sotsiokul'turnaya adaptatsiya i integratsiya migrantov: osnovnye problemy i rol' gosudarstvennykh organov vlasti [Sociocultural adaptation and integration of migrants: the main problems and the role of state authorities]. *Sbornik ekspertno-analiticheskikh dokladov* [Collection of expert analytical reports]. Moscow, RGGU, 2019, pp. 53-84.]
26. Тормошева В. Глобальная (им)мобильность в зеркале постмодернистских трансформаций: политический аспект. *Социологическое обозрение*, 2018, т. 17, № 3, сс. 329-345. [Tormosheva V. Global'naya (im)mobil'nost' v zerkale postmodernistskikh transformatsii: politicheskii aspekt [Global (im)mobility in the mirror of postmodern transformations: a political aspect]. *Sociological Review*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 329-345.]
27. Прудникова Т.А. Адаптация и интеграция мигрантов в российское общество как фактор предупреждения незаконной миграции. *Вестник экономической безопасности*, 2016, № 2, сс. 203-206. [Prudnikova T.A. Adaptatsiya i integratsiya migrantov v rossiiskoe obshchestvo kak faktor preduprezhdeniya nezakonnoi migratsii [Adaptation and integration of migrants in Russian society as a factor in preventing illegal migration]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, 2016, no. 2, pp. 203-206.]

**ADAPTATION AND INTEGRATION OF INTERNATIONAL MIGRANTS:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 103-112)

Received 28.05.2020.

Leonid A. KONONOV (kononov50@bk.ru),

Military University, The Ministry of Defense of the Russian Federation, 14, Sadovaya Str., Moscow, 123001, Russian Federation.

Viktoriya Yu. LEDENEVA (vy.ledeneva@yandex.ru),

Institute for Demographic Research of the Russian Academy of Sciences, 6, build. 1, Fotievoi Str., Moscow, 119333, Russian Federation;

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation.

Acknowledgements. The article has been supported by the “RUDN University Program 5–100”.

Adaptation and integration of migrants are the final stages of the migration process, the quality of which largely determines the final result: either serious socio-economic problems will arise that threaten the security of host societies, or migration will contribute to the socio-economic development of host countries. The dependence of migration results

on the final stages of migration processes necessitates the implementation of effective adaptation and integration policies by states. In the scientific literature, the terms “adaptation” and “integration” are most often used as synonyms. However, this approach makes it difficult to develop common ideas about the essence of the processes of adaptation and integration of migrants. All this gave rise to theoretical uncertainty regarding these phenomena, led to scientific disagreements that impeded the formation of an effective state policy of adaptation and integration, and complicated the development of scientifically-based programs for solving acute problems in the migration sphere. And as a consequence of this, the problem of a separate theoretical understanding of the above concepts has become actualized. The purpose of the article is to theoretically substantiate the essence and content of the processes of adaptation and integration of migrants, the state policy of adaptation and the state policy of integration, and thereupon to create a scientific methodological base intended for future use in the state migration policy of the Russian Federation and other countries. The authors set the tasks: to analyze theoretical approaches to the study of the phenomena of adaptation and integration of migrants; to formulate the concepts of “adaptation”, “integration”, “state policy of adaptation”, “state policy of integration”; to present the authors’ vision of these phenomena and identify the relationship between them.

Keywords: migration processes, adaptation, integration, integration strategies, migration policy, security, host society, multiculturalism.

About author:

Leonid A. KONONOV, Doctor of Political Sciences, Professor.

Viktoriya Yu. LEDENEVA, Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Principal Researcher, Head of Department.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112

НЕЗАПАДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

НЕЗАПАДНЫЕ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА

© 2021 г. Д. Дегтерев

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич, доктор политических наук, кандидат экономических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 (degterev-da@rudn.ru); МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (degterev@mgimo.ru); СПбГУ, РФ, 191060 Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3.

Статья поступила в редакцию 31.08.2020.

Анализируется эволюция подходов, критикующих западную модель развития и предлагающих альтернативные теории модернизации для стран “Глобального Юга”. Традиционно наиболее проработанной критикой такой модели является неомарксизм (теории зависимости, мир-системная теория, теория транснационального капиталистического класса). Отдельные наработки реализованы в рамках постколониальных исследований, а также в контексте постдевелопментализма. Сделан вывод о недостаточности национальных исследований проблем развития в странах “Глобального Юга” (кроме КНР).

Ключевые слова: развитие, модернизация, “Глобальный Юг”, западные теории, постколониальные исследования, неомарксизм, теории зависимости, мир-системные теории, транснациональный капитализм, социальные движения, постдевелопментализм.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122

В современной отечественной литературе достаточно много эмпирических исследований, посвященных развитию отдельных регионов и стран Азии, Африки и Латинской Америки. Куда более редкими являются работы по переосмыслению теорий и моделей развития, сложившихся в этих странах. В связи с этим стоит отметить монографии, вышедшие еще в советский период: Института Африки – “Идейные течения в Тропической Африке” [1]; Института философии по идеологии неокOLONIALИЗМА [2]; труды ИМЭМО – “Проблемы индустриализации развивающихся стран” [3], “Общественная мысль развивающихся стран” [4], а также серию из пяти книг “Экономика и политика развивающихся стран”, изданную в 1970–1980-е годы.

На современном этапе исследования моделей развития проводятся в Центре проблем модернизации и развития ИМЭМО РАН под руководством В.Г. Хороса, опубликовавшем две обобщающие монографии по итогам научного семинара [5, 6]. С 2018 г. постоянный научный семинар по западным теориям международных отношений (ТМО) проводится в РУДН. В МГИМО вышла обобщающая работа под редакцией А.Д. Воскресенского по западным теориям политической модернизации [7], а также монография “Юг: путь к экономической независимости” [8]. Оригинальные подходы представлены в серии очерков по политарному (“азиатскому”) способу производства Ю.И. Семенова [9] и в трудах профессора ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Мельянцева [10].

Важным шагом для развития российской общественной науки стал выход на русском языке всех

томов фундаментального исследования И. Валлерстайна “Мир-система модерна”, включая четвертый том [11], а также других классических работ по проблематике развития, например монографии Э. Райнерта [12]. Публикации ряда авторов из России также появились в ведущих мировых научных изданиях. Знаковое в этой связи – интервью Б.Ю. Кагарлицкого журналу “Третий мир”, лидирующему по тематике “Глобальный Юг” [13]. Тем не менее включенность РФ в международный научный дискурс по западным теориям развития пока оставляет желать лучшего, что и призвана, хотя бы частично, устранить статья.

К ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИИ

Западные теории развития – это достаточно амбивалентное понятие. С одной стороны, это модели социально-экономического развития, альтернативные западной неолиберальной парадигме. Основной принципиальной (радикальной) альтернативой западной модели был и остается неомарксизм¹ (продукт западной общественной мысли), хотя влияние его и содержание на разных этапах существенно меняется. С другой – это модели социально-экономического развития, разрабатываемые за пределами западного мира, включая страны “Глобального Юга”, а также исследователями западного происхождения, но интегрированными

¹ Ряд исследователей, в том числе В.Г. Шубин (Институт Африки РАН), скептически относятся к данному термину, предпочитая говорить о современном марксизме.

в западные академические круги (постколониальные исследования).

Вторая “дихотомия” связана с различием между сугубо академическими исследованиями, ведущимися в целом ряде стран мира как группами (центры, сети), так и отдельными учеными, и реализацией данных подходов на практике. Последнее характерно лишь для небольшого круга стран – КНР, Вьетнама, Кубы, Северной Кореи, Венесуэлы. В то же время широкое распространение получили движения политических активистов, например Всемирный социальный форум.

Наконец, сам по себе феномен развития носит междисциплинарный характер – помимо “ядра”, состоящего из вопросов социально-экономической и политической модернизации², рассматриваются также культурный аспект, проблемы экологии и др.

В рамках периодизации марксистской интеллектуальной традиции по вопросам развития стран незападного ареала можно выделить несколько этапов. Классические марксистские работы были написаны задолго до активной фазы процесса деколонизации (1960-е годы) и концентрируются на классовой борьбе в самих метрополиях. Тем не менее в представленной теории империализма (работы Дж. Гобсона 1902 г. “Империализм”, В.И. Ленина 1917 г. “Империализм как высшая стадия капитализма” и Р. Люксембург 1913 г. “Накопление капитала”) были заложены основные подходы к пониманию роли “Глобального Юга” в мировом развитии.

Фактор появления новых независимых государств в Азии и Африке, усиление самосознания стран Латинской Америки были отражены уже в неомарксизме в 1960–1980-е годы. Распад социалистической системы, усиление роли МВФ и Всемирного банка в связи с реализацией программ структурной перестройки экономики характеризовались утверждением неоллиберализма в качестве доминирующего дискурса. Неомарксизм перешел в разряд критических и неконвенциональных подходов. Вместе с тем распад СССР и переформатирование мира в эпоху расцвета однополярности повысили актуальность мир-системной теории. Наконец, формирование “новой биполярности” и повышение роли Китая в мировой экономике снова сделали актуальным неомарксистский дискурс и обострили борьбу между США и КНР за влияние на левых интеллектуалов во всем мире.

Антиколониальный и неомарксистский дискурсы переплетены самым тесным и причудливым

² Директор Института исследования развития Университета Сассекса (Великобритания) М. Лич понимает под развитием “социальные, экономические, политические и технологические изменения, которые ведут к лучшей жизни” [14].

образом. Интеллектуалы стран Третьего мира в поисках методологической основы для системной критики сложившегося неравенства в отношениях “Север–Юг” чаще всего обращались и по сей день обращаются к наиболее проработанной в этом отношении неомарксистской традиции. Поэтому как такового строгого деления между двумя данными направлениями общественной мысли нет. Например, основная работа Ф. Фанона, ставшего классиком постколониализма, называется “Проклятьем заклеянные” (перекликается с первой строчкой Интернационала “Вставай, проклятьем заклеянный”) [15]. Современный американский ученый, профессор Сиракузского университета Х. Кэмпбелл, специализирующийся на антиколониальной борьбе, расовой дискриминации и геноциде, в своих публикациях активно цитирует как Ф. Фанона, так и ведущих неомарксистов С. Амина, П. Бонда, а также самого К. Маркса [16].

Верно и обратное – современные неомарксисты часто обращаются к незападной проблематике. Например, в сборнике представителей современной российской школы критического марксизма, в статье об исследовании проблем глобальной справедливости упоминаются альтернативные модели развития, возникшие в рамках индийской общественной мысли (В. Шива, Дж. Кипур) и исламского мира [17, сс. 208-220]. В РУДН, традиционно выделяющемся большим количеством представителей “Глобального Юга” и среди студентов, и преподавателей, в 2019 г. была издана монография А. Эйфари, долгие годы преподававшего в университете. В ней он пытается показать, как его родная страна Ирак может выйти из зависимого положения, используя теорию К. Маркса [18]. И таких примеров множество.

О “НЕЗАПАДНОСТИ” ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА

Постколониальные исследования можно отнести к незападной общественно-политической мысли лишь с определенной долей условности. Его представители после долгих лет работы в ведущих западных вузах в совершенстве овладели современной методологией научного анализа, но и сами стали частью западного общества. Зачастую они преодолевают скорее личностные синдромы “субалтернов”, нежели на практике способствуют реальному развитию стран своего происхождения. Данный подход соответствует “контрреволюции в области теорий развития” [19, pp. 74-76], произошедшей в 1970–1980-е годы и выражающейся в отказе от неокейнсианских перспектив национального развития стран Третьего мира в пользу неоллиберальной самореализации отдельной личности.

Кроме того, постколониализм связан в первую очередь с культурными исследованиями и очень редко касается уже обозначенного нами “ядра” модернизационных теорий. Ведущий российский эксперт Т.М. Гавристова из всего многообразия данной “библиотеки” выделяет лишь двух авторов-экономистов – Д. Мойо и Л. Ндикуману [20]. Оба они повторили судьбу американского экономиста У. Истерли, который долгие годы работал во Всемирном банке, а затем стал критиковать его подходы к помощи бедным странам [21]. На своем примере он показал, что вопросы развития – чрезвычайно сложная, технократическая тема, разобратся в которой могут лишь “посвященные”, то есть сотрудники международных организаций и агентств помощи [22], однако на них распространяются внутренние ограничения. Таким образом, начав критиковать Всемирный банк, У. Истерли был вынужден сосредоточиться лишь на академической карьере.

Д. Мойо (Замбия) работала несколько лет во Всемирном банке, в 2009 г. она опубликовала книгу “Мертвая помощь” с критикой западных программ помощи странам Африки [23], следом – еще три, и все они стали бестселлерами. Мойо также вошла в совет директоров ряда ведущих американских ТНК и живет в США. Л. Ндикумана (Бурунди) работал в Африканском банке развития и Экономической комиссии для Африки (ЭКА ООН, *UN Economic Commission for Africa*), а потом перешел на преподавательскую работу в Университет Массачусетса в Амхерсте [24]. Таким образом, постколониальная критика доминирующих теорий развития – это “системная оппозиция” глобального капитализма, максимально встроенная в конвенциональный западный академический дискурс.

Выдающимся критиком западного неокOLONИализма является индийский историк-неомарксист В. Прашад, автор книг “Темные нации” (2007) и “Беднейшие нации” (2013) [25]. Будучи политическим активистом, главным редактором индийского издательства *LeftWord Books*, близкого к Компартии Индии, в 1996–2017 гг. он преподавал в Тринити-Колледже в Коннектикуте (США).

Между тем возможность выработки подлинно национальных подходов к проблемам развития несколько ограничена в странах незападного ареала, пожалуй, за исключением Китая, который тратит миллионы юаней на формирование национальных школ в общественных науках [26]. Ряд представляющих интерес инициатив в сфере общественной науки в последние годы также развивается в ЮАР и других странах “Глобального Юга”.

Со времен формирования нового международного экономического порядка [27] и консолидированной позиции стран Третьего мира в биполяр-

ный период (1970–1980-е годы) сохранилось лишь несколько сильных интеллектуальных центров по вопросам развития, отражающих самобытный, подлинно незападный подход. Это Совет по развитию исследований в области социальных наук в Африке (*Council for the Development of Social Science Research in Africa, CODESRIA*) в Дакаре (Сенегал), созданный в 1973 г. и долгие годы работавший под научным руководством выдающегося египтянина С. Амина [28]. С. Амин 10 лет (1947–1957) учился в Париже и впитал французскую академическую традицию, однако после этого он практически всю свою жизнь провел в Африке (Египет, Мали, Сенегал), проблемы которой знал не понаслышке. Амин также возглавлял созданный им “Форум Третьего мира” (*Third World Forum*) и “Всемирный форум за альтернативы” (*World Forum for Alternatives*).

Важную роль до сих пор играет и “Сеть Третьего мира” (*Third World Network*), созданная в 1984 г. в Пинанге (Малайзия) и имеющая свои отделения в других странах Азии, а также в Африке, Латинской Америке и Европе. Участники Сети публикуют как короткие комментарии, так и объемные академические работы, в которых отстаивается позиция стран “Глобального Юга”. Например, можно отметить работу по актуальной проблематике применения “сингапурской повестки” 1996 г. (усиленных неолиберальных стандартов ВТО+) в торговых соглашениях стран Севера с беднейшими странами Юга [29].

ОТ ТЕОРИЙ ЗАВИСИМОСТИ К ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОМУ КАПИТАЛИЗМУ

Важную роль в переосмыслении проблем развития стран Третьего мира сыграла школа латиноамериканских структуралистов, созданная Р. Пребишем, возглавлявшим Экономическую комиссию ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК ООН, *UN Economic Commission for Latin America and the Caribbean*) в 1951–1962 гг. Основной причиной бедности стран Третьего мира называлось их зависимое положение в мировой экономической системе. Помимо аргентинца Р. Пребиша сторонниками данного направления стали другие ученые из Аргентины (М. Каплан), представители Бразилии (Т. Дус Сантус, Ф. Кардозу, Р. Марини, С. Фуртадо), Чили (А. Пинто, О. Сункель, Э. Фалетто), а также немецко-британский ученый Х. Зингер (табл. 1).

Примерно в тот же период вопросами зависимого развития, в том числе теорией “монопольного капитализма”, занимались и американские неомарксисты П. Баран и П. Суизи, а также А. Франк. Выдающейся работой в области отставания стран Африки является монография гайанского неомарксиста У. Родни, погибшего в 1980 г. [30]. Структур-

Таблица 1. Основные критические теории развития (неомарксизм)

Теория	Основные представители
Теория зависимости	<p>Латиноамериканские структуралисты: Рауль Пребиш (1901–1986), Ханс Зингер (1910–2006), Анибаль Пинто Санта Крус (1919–1996), Сельсо Фуртаду (1920–2004), Маркос Каплан Эфрон (1927–2004), Освальдо Сункель (р. 1929), Фернанду Энрике Кардозу (р. 1931), Руй Мауру Марини (1932–1997), Энцо Фалетто (1935–2003), Теотониу Дус Сантус (1936–2018)</p> <p>Американские марксисты: Пол Александер Баран (1909–1964), Пол Суизи (1910–2004), Андре Гундер Франк (1929–2005)</p> <p>Структурная теория империализма: Йохан Винсент Галтунг (р. 1930)</p> <p>Другие направления: Уолтер Родни (1942–1980)</p>
Мир-системная теория	Иммануил Морис Валлерстайн (1930–2019), Теренс Хопкинс (1928–1997), Джанет Липмэн Абу-Луход (1928–2013), Самир Амин (1931–2018), Джованни Арриги (1937–2009), Дэвид Уилкинсон (р. 1939), Кристофер Чейз-Данн (р. 1944), Фрэнсис Моулдер (р. 1945), Джон Форан (р. 1955)

Составлено автором.

ную теорию империализма сформулировал Й. Галтунг [31], ставший известным как основоположник норвежской школы исследования проблем мира.

Большинство сторонников теории зависимости были преимущественно экономистами. К концу 1970-х годов теории зависимого развития стали подвергаться серьезной критике как из-за чрезмерной ставки на импортозамещение, так и вследствие роста азиатских НИС с их экспортно ориентированной моделью [32]. Тем не менее нельзя преуменьшать значение данных подходов для понимания сегодняшних проблем развития стран “Глобального Юга”, что подтвердил опрос американских экономистов, проведенный в 2017 г. [33]. Он показал, что эти подходы дали толчок целому ряду последующих работ, а теории зависимого развития как таковые растворились в более широкой неомарксистской традиции. Так, венгерский ученый А. Тош использует исходные положения данной теории в прикладном количественном анализе [34], хотя российские неомарксисты негативно относятся к математическим методам [17, сс. 16–17].

В 1980-е годы на первый план выдвинулись макросоциологические мир-системные теории, основоположником и, пожалуй, ведущей фигурой всего современного неомарксистского движения является И. Валлерстайн. Он опирался на наработки французской школы Анналов, особенно на труды Ф. Броделя – представителя второго поколения этой школы. Примечательно, что более 20 лет Валлерстайн занимался Африкой, посетив многие страны континента до и после деколонизации. В 1973 г. он даже был избран президентом американской Ассоциации африканских исследований (*African Studies Association*), а в 1976–1999 гг. возглавлял центр им. Ф. Броделя в Университете Бингемтон в Нью-Йорке, где и написал свои основные работы. Первый том “Мир-системы Модерна” (XVI в.) вышел в 1974 г., второй (1600–1750 гг.) – в 1980, третий (1730–1840 гг.) – в 1988, а четвертый (1789–1914 гг.) – в 2011 г. Более поздние периоды отражены в его статьях, которые он не успел систематизировать в отдельный том. На

огромном эмпирическом материале он показывает, как и когда (фактически с XVI в.) сформировалось неравенство (центр–полупериферия–периферия) в рамках единой мир-системы.

Примечательно, что многие неомарксисты первоначально были сторонниками теорий зависимого развития, а впоследствии примкнули к мир-системной традиции. Так, А. Франк разрабатывал теории зависимости в 1970 – начале 1980-х годов, а с 1984 г. и до конца жизни был сторонником мир-системного подхода. В начале 1980-х подобный “интеллектуальный переход” совершили и Т.Д. Сантос, а также С. Амин. Последний продолжал активно писать в 1990-е и 2000-е годы, уже в эпоху глобального капитализма. Знаковой является его работа “Капитализм в эпоху глобализации”, где он выделяет четыре основных этапа развития капитализма: меркантилистский (1500–1800), “классический” (1800–1945), послевоенный (1945–1990) и современный неолиберальный. Он показывает, как расширилась периферия мир-системы после распада СССР, и выделяет основные политические проблемы “рыночного управления” миром. В качестве альтернативы глобальному капитализму Амин выдвигает полицентричную регионализацию, предполагающую объединение регионов “Глобального Юга” [35].

В 1976 г. И. Валлерстайн создал официальный журнал *Review* Центра им. Броделя, который выходил до 2016 г.; 39-й том журнала стал последним, после чего выпуск был прекращен. С 1995 г. по инициативе другого классика мир-системного подхода К. Чейз-Данна Американская социологическая ассоциация (*American Sociological Association*) (секция “Политической экономики мир-системы”) издает “Журнал мир-системных исследований” (*Journal of World-Systems Research*).

Как видно из табл. 1, к 2020 г. большинство представителей основных неомарксистских подходов, в том числе первого поколения мир-системщиков, скончались. Второе поколение представителей

мир-системного анализа, такие как Ф. Борншир, Т. Холл, Д. Томич, К. Раффер, Б. Сильвер, пока менее известны в мировых академических кругах. Наконец, третье поколение мир-системщиков (Дж. Мур, М. Ли, А. Малм, Ст. Бункер, А. Хорнборг, Р. Йорк и др.) с 2000-х годов развивает экологический неомарксизм. Фактически речь идет скорее о постмодернистских конструктах в духе пост-, квази- и парамарксизма, критической теории франкфуртской школы и пр.

В то же время серьезным вызовом для классических мир-системных подходов стало стремительное возвышение Китая, который на сегодня с трудом можно отнести не только к периферии, но, по видимому, уже и к полупериферии. В этом ключе еще в 1990-е годы многие мир-системщики стали пересматривать роль КНР в сторону увеличения. К умеренным представителям китаецентричного подхода можно отнести Дж. Арриги, работа которого “Адам Смит в Пекине” вышла и на русском языке [36], к радикальным — А. Франка [37].

Выдвижение китайских ТНК на ведущие позиции в мире заставляет по-иному взглянуть и на движущие силы глобального капитализма, в связи с чем в конце XX — начале XXI в. была разработана концепция транснационального капиталистического класса [38]. В России главным экспертом по указанной проблематике является А.Б. Рахманов (МГУ им. М.В. Ломоносова), который последовательно прорабатывает ее в рамках серии публикаций о формировании данного класса в КНР и в Азии целом, в странах Балтии, в Африке и Латинской Америке.

“МОНОПОЛИЯ НА МАРКСИЗМ” В НОВОЙ БИПОЛЯРНОСТИ

В США и Великобритании на текущий момент расположено большинство неомарксистских интеллектуальных центров и издательств, публикующих основную массу книг, посвященных западным подходам к развитию стран “Глобального Юга”. Среди них выделяется нью-йоркское издательство *Monthly Review* (с 1949 г.), созданное при участии ведущих американских неомарксистов П. Суизи, П. Барана и А. Франка, выпускающее также одноименный журнал. С 1960 г. в Лондоне выходит журнал *New Left Review*, на его базе создано в 1970 г. издательство *New Left Books*, впоследствии переименованное в *Verso Books* (выходит и в Нью-Йорке). С 1969 г. в Лондоне работает издательство *Pluto Press*, а с 1976 г. — *Zed Books*. С 1969 г. в США выходит *Review of Radical Political Economics*, а с 1975 г. — журнал “Альтернативы” (*Alternatives*)³.

³ Российский журнал сторонников социалистической мысли имеет такое же название.

После крушения мировой социалистической системы США предприняли усилия по переформатированию западного неомарксистского движения, изменению смысла основных политических терминов, применявшихся левыми интеллектуалами. Если в 1980-е годы формулировка “империя зла” употреблялась в отношении СССР, то в 1990-е и 2000-е западные неомарксисты стали говорить об имперской сущности России, Китая и Ирана. Конечно, применение имперской терминологии в отношении Советского Союза вступает в явное противоречие с логикой. Ведь страны ЦВЕ, находившиеся по данному определению на периферии советской империи, имели более высокий подушевой доход, чем сама “метрополия” [39].

В этом контексте показательны дебаты, прошедшие в феврале 2020 г. в РУДН на международной конференции, посвященной 60-летию Года Африки и началу процесса деколонизации, с участием ведущих западных неомарксистов: П. Кармоди (Ирландия), Я. Тэйлора (Великобритания) и П. Бонда (ЮАР). Все они, в особенности Я. Тэйлор, в своих выступлениях и работах подчеркивают негативное влияние бывших европейских метрополий в прошлом и настоящем на процесс деколонизации континента [40]. Столь же единодушно они считают, что КНР проводит политику неокOLONИализма в Африке. П. Бонд при этом идет дальше, заявляя о субимперской политике в Африке всех стран — членов БРИКС, негативно влияющей на будущее континента [41].

На международной конференции по социализму, ежегодно проводимой в США при участии неотрекцистской Международной социалистической организации (*International Socialist Organization*, 1976—2019 гг.), Демократических социалистов Америки (*Democratic Socialists of America*, с 1982 г.), журнала *Jacobin* (издается с 2011 г.), широкое участие традиционно принимают антикитайские группы по правам рабочих, в том числе *China Labor Watch*, “Международный форум по трудовым правам” (*International Labor Rights Forum*), “Китайский лейбористский бюллетень” (*China Labour Bulletin*, Гонконг) и др. Их задача — обвинить Китай в правом уклоне, недостаточной защите прав трудящихся [42].

Помимо неомарксистских организаций Гонконга, западные левые делали ставку на “левых уклонистов” Бо Силая и его “Чунцинскую модель”⁴, а также на независимые марксистские общества (кружки “за истинный социализм”) в рамках комсомольских организаций и на форми-

⁴ Бо Силай в 2007—2012 гг. возглавлял Чунцинский горком КПК и проводил ряд социальных преобразований в Чунцине — одном из четырех городов центрального подчинения КНР. В 2013 г. был обвинен в коррупции и приговорен к пожизненному лишению свободы.

руемые ими профсоюзы, но с приходом Си Цзинь-пина роль данного фактора снизилась.

Со своей стороны КНР представляет единую официальную концепцию “социализма с китайской спецификой”, методологическое обеспечение которой осуществляет Отделение марксистских исследований Китайской академии общественных наук (КАОН). Более того, проводится международное продвижение этой концепции. Так, КАОН издает англоязычный журнал “Марксистские исследования в Китае” (*Marxist Studies in China*), в западной англоязычной академической печати публикуются труды по “социализму с китайской спецификой” [43]. Кроме того, в последние несколько лет КАОН совместно с ведущим западным издательством *Routledge* выпускает журнал *International Critical Thought*, а совместно с британским левым *Pluto Press – World Review of Political Economy*. Оба издания индексируются в международных библиометрических базах *WoS* и *Scopus*.

КАОН также ежегодно проводит в Пекине Всемирный социалистический форум с участием исследователей-неомарксистов и политических активистов из многих стран мира, как бывших социалистических, так и традиционных капиталистических с сильными левыми традициями. Со сдержанным оптимизмом отмечается, что китайская модель социализма взята на вооружение во Вьетнаме, на Кубе, в ряде других стран. При этом с высокой трибуны отмечалось, что, несмотря на частную собственность, КПК до сих пор является “руководящей и направляющей силой” в китайской экономике и общественной жизни, а также подчеркивается подлинный характер китайского марксизма, в отличие от западных левацких организаций⁵.

Справедливости ради стоит отметить, что китайская модель социализма достаточно либеральна [44]. Навешанный на нее первоначально западными экспертами ярлык “Пекинского консенсуса” не прижился [45]. Как представляется, КНР не намерена радикально противопоставлять себя рыночным экономикам, а в интересах достижения глобального лидерства скорее планирует заменить США в институтах глобального экономического управления [46]. В контексте формирования глобальных цепочек добавленной стоимости пока актуальней говорить о “Поствашингтонском консенсусе” в области развития [47].

Конкуренция за “истинную версию” современного неомарксизма между западными странами и КНР, за “управление ожиданиями” сочувствующих им интеллектуалов из стран “Глобального

⁵ Личные впечатления автора по итогам участия в X Всемирном социалистическом форуме в Пекине 1–2 ноября 2019 г.

Рис. Концепция УДИ (Участие–Действие–Исследование)
Источник: [52, p. 10].

Юга” на данном этапе, вплоть до полномасштабного китайско-американского противостояния, развивается, скорее, на идеологическом поле.

ПОСТДЕВЕЛОПМЕНТАЛИЗМ

В 1970–1980-е годы в рамках выработки критических подходов к существующим теориям развития, особенно в Латинской Америке, стала распространяться так называемая концепция УДИ (Участие–Действие–Исследование⁶), предполагающая необходимость вовлечения в жизнь исследуемого сообщества, а также совмещения академической карьеры с политическим активизмом (см. рисунок).

По мнению сторонников такого подхода, полноценное знание было возможно получить, только непосредственно включаясь в процесс развития и трансформируя его [19, pp. 215–218]. Посредством привлечения гражданских активистов и исследователей к деятельности многочисленных НКО и общественных организаций (например, “*Fair Trade*”, “*ONE Campaign*”, “*Attac*”, экологические и альтерглобалистские движения) “выпускается пар” и обеспечивается механизм обратной связи в системе глобального капитализма. Наиболее масштабным из таких движений стал Всемирный социальный форум (*World Social Forum*). В рамках постдевелопментализма (*post-development*), получившего развитие в 1990–2000-е годы, концепция УДИ также широко используется в анализе проблем развития стран “Глобального Юга” [48, pp. 84–99].

Основные представители постдевелопментализма – А. Эскобар (Колумбия), Г. Эстева, И. Ил-

⁶ *Participatory Action Research (PAR)*.

лич (Мексика), М. Рахнема (Иран), М.С. Пракаш (Индия), С. Латуш (Франция) и др. — говорят о все более возрастающем разочаровании от программ помощи странам “Глобального Юга” и динамике его развития. Ставится под вопрос сама идея развития, поскольку последняя предполагает переформатирование привычного образа жизни (в котором люди, возможно, были более счастливыми), и идет призыв к локальным действиям и размышлениям на уровне местных сообществ, возврату к “простой жизни” (докапиталистическим сообществам) и откату от прогресса и сверхпотребления [49].

В связи с этим российские неомарксисты критически оценивают постмодернистские движения с их деконструкцией и детерриализацией, отказом от “больших нарративов” (теорий) и уходом в анализ контекстов. По их мнению, это выхолащивает протестный дух и приводит к отказу от ответственности ученого и общественного деятеля за прогрессивное развитие общества [17, с. 17].

С другой стороны, в 1990-е — начале 2000-х годов мир был преимущественно однополярным и глобальных альтернатив западному капитализму не существовало. В этом контексте примечательна монография американских экспертов по “Незападным теориям развития” 1999 г., где практически на каждой странице подчеркивается безальтернативность западной неолиберальной модели развития, несмотря на некоторые вариации, применительно к конфуцианскому ареалу, индийским традициям, латиноамериканской и африканской специфике [50]. В сложившихся условиях сосредоточение на локальных проблемах, создаваемых глобальным капитализмом, помогало многим активистам и исследователям добиваться реальных положительных изменений, пусть и небольших.

Примечательно, что уже упоминавшийся основоположник латиноамериканского структурализма Р. Пребиш впоследствии использовал свои интеллектуальные наработки (так называемые доктрины ЭКЛАК) для создания “Союза ради прогресса” (*Alliance for Progress*), запущенного в 1961 г. президентом США Дж. Кеннеди для выстраивания экономического сотрудничества со странами Латинской Америки. Во главе комитета экспертов Р. Пребиш принимал непосредственное участие в осуществлении программы “американских империалистов”.

В определенной степени можно согласиться и с постдевелопменталистской критикой А. Эскобара [51], который указывает на монополизацию западным дискурсом самих понятий “развитие” и “теория развития”. Сторонники других моделей просто вынуждены добавлять к термину “развитие” свои определения (альтернативное или социалистическое), но не могут отказаться от самого

термина⁷. Следует отметить, что наука о развитии (*Development Studies*)⁸ наиболее широко представлена в Великобритании, а также в США (табл. 2).

Таблица 2. Топ-10 предметного рейтинга *QS* по *Development Studies*, 2019 г.

№	Вуз	Страна
1	Университет Сассекса (Институт исследования развития)	Великобритания
2	Гарвардский университет	США
3	Оксфордский университет	Великобритания
4	Лондонская школа экономики	Великобритания
5	Кембриджский университет	Великобритания
6	Университет Калифорнии в Беркли	США
7	Стэндфордский университет	США
8	Школа восточных и африканских исследований Университета Лондона	Великобритания
9	Университет Кейптауна	ЮАР
10	Манчестерский университет	Великобритания

Источник: [53].

В РФ, как и в целом ряде других стран, *Development Studies* как отдельная наука или направление вузовской подготовки отсутствует.

* * *

Незападные теории развития связаны с выработкой альтернативной модели социально-экономической и политической модернизации для стран “Глобального Юга”. Традиционно в качестве данной модели выступали различные вариации неомарксистской парадигмы (теории зависимости, мир-системная теория, теория транснационального капиталистического класса), влияние которых в 1990-е — начале 2000-х годов несколько сократилось, многие исследователи левого толка перешли в постмодернистский дискурс. В то же время по мере усиления конкуренции между США и КНР, в том числе на идеологическом поле в рамках влияния на левых интеллектуалов во всем мире, значение данного подхода снова возрастает.

Постколониальные исследования, получившие широкое развитие в последние годы, лишь условно можно отнести к незападным, так как: а) их представители плотно интегрированы в западное академическое общество; б) как правило, они не затрагивают “ядро” модернизационных теорий (политику, экономику), а фокусируются на области культуры.

⁷ В некотором смысле прослеживается аналогия с дискурсом о демократии, от которого также нельзя отказаться. В этой связи возможно ли добавление “авторских эпитетов” к данному понятию, например, “суверенная демократия”.

⁸ По сути — наука об управлении, в том числе “Глобальным Югом”.

Наконец, развитие собственных модернизационных теорий в странах незападного ареала затруднено из-за недостаточного финансирования общественных наук (за исключением КНР). Вместе с тем продолжают функционировать сообщества исследователей (*CODESRIA*, Форум “Третьего мира”), отстаивающие интересы “Глобального Юга”.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-111-50655 (Экспансия) на тему “Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма”. Автор также выражает искреннюю признательность П. Бонду (Университет Западного Кейпа, ЮАР), Т.М. Гавристовой (ЯрГУ), Е.Н. Грачикову (РУДН), Ли Янь (КАОН, КНР) и В.Г. Шубину (Институт Африки РАН) за их ценные комментарии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Яблочков Л.Д., Кремень К.С., ред. *Идейные течения в Тропической Африке*. Москва, Наука, 1969. 227 с. [Yablochkov L.D., Kremen' K.S., eds. *Ideinye techeniya v Tropicheskoi Afrike* [Ideological Currents in Tropical Africa]. Moscow, Nauka, 1969. 227 p.]
2. *Критика идеологии и политики неокolonизма*. Москва, Наука, 1984. 256 с. [Critique of Neocolonialism Ideology and Politics. Moscow, Nauka, 1984. 256 p. (In Russ.)]
3. *Проблемы индустриализации развивающихся стран*. Москва, Мысль, 1971. 408 с. [Industrialization Problems in Developing Countries. Moscow, Mysl', 1971. 408 p. (In Russ.)]
4. Майданик К.Л., отв. ред. *Общественная мысль развивающихся стран*. Москва, Наука, 1988. 344 с. [Maidanik K.L., ed. *Obshchestvennaya mysl' razvivayushchikhsya stran* [Social Concepts of Developing Countries]. Moscow, Nauka, 1988. 344 p.]
5. Хорос В.Г., ред. *Современные проблемы развития. Материалы теоретического семинара в ИМЭМО РАН*. Москва, ИМЭМО РАН, 2010. 284 с. [Khoros V.G., ed. *Sovremennye problemy razvitiya. Materialy teoreticheskogo seminar v IMEMO RAN* [Modern problems of development. Materials of the theoretical seminar at IMEMO RAN]. Moscow, IMEMO, 2010. 284 p.]
6. Хорос В.Г., ред. *Современные проблемы развития. Материалы теоретического семинара в ИМЭМО РАН*. Вып. II. Т. 1. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 412 с. [Khoros V.G., ed. *Sovremennye problemy razvitiya. Materialy teoreticheskogo seminar v IMEMO RAN* [Modern problems of development. Materials of the theoretical seminar at IMEMO RAS]. Iss. 2. Vol. 1. Moscow, IMEMO, 2016. 412 p.]
7. Воскресенский А.Д., ред. *Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы*. Москва, Аспект Пресс, 2015. 624 с. [Voskresensky A.D., ed. *Vostok i politika: Politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy* [East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes]. Moscow, Aspect Press, 2015. 624 p.]
8. Захаров А.Н., Булатов А.С., ред. *Юг: путь к экономической независимости*. Москва, МГИМО-Университет, 2019. 324 с. [Zakharov A.N., Bulatov A.S., eds. *Yug: put' k ekonomicheskoi nezavisimosti* [South: the Way to Economic Independence]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2019. 324 p.]
9. Семенов Ю.И. *Политарный (“азиатский”) способ производства. Сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки*. Москва, Ленанд, 2019. 376 с. [Semenov Yu.I. *Politarnyi (“aziatskii”) sposob proizvodstva. Sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii. Filosofsko-istoricheskie ocherki* [Politarian (“Asian”) Method of Production. The Essence and Place in Human and Russian history. Philosophical and Historical Essays]. Moscow, Lenand, 2019. 376 p.]
10. Мельянцева В.А., Матюнина Л.Х. *Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е годы)*. Москва, Ключ-С, 2019. 192 с. [Melyantsev V.A., Matyunina L.Kh. *Ocherki makroekonomicheskogo i finansovogo razvitiya stran Vostoka i Zapada (1980–2010-e gody)* [Essays on Macroeconomic and Financial Development of the Countries of East and West (1980s–2010s)]. Moscow, Klyuch-S, 2019. 192 p.]
11. Wallerstein I. *The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914*. Berkley, University of California Press, 2011. 396 p.
12. Reinert E.S. *How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor*. London, Constable, 2008. 398 p.
13. Gills B. Interview with Boris Kagarlitsky. *Third World Quarterly*, 2016, vol. 37, no. 4, pp. 744–748. DOI: 10.1080/01436597.2015.1128818
14. Leech M. *What is Development Studies?* The British Academy, February 20, 2020. Available at: https://www.thebritishacademy.ac.uk/blog/what-is-development-studies/?gclid=EAlaIqobChMlqJT_m-nB6QIVC08YCh14KwmkEAAAYASAAEgKpyPD_BwE (accessed 10.08.2020).
15. Fanon F. *The Wretched of the Earth*. New York, Grove Weidenfeld, 1963. 250 p.
16. Campbell H.G. African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project. Part 1. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 115–130. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-115-130
17. Бузгалин А.В., Воейков М.И., ред. *Маркс после Маркса: Постсоветская школа критического марксизма*. Москва, Ленанд, 2019. 568 с. [Buzgalin A.V., Voeikov M.I., eds. *Marks posle Marksa: Postsovetskaya shkola kriticheskogo marksizma* [Marx after Marx: Post-Soviet School of Critical Marxism]. Moscow, Lenand, 2019. 568 p.]
18. Эйфари А.К. *Развивающиеся страны и “Капитал” К. Маркса*. Москва, РУДН, 2019. 303 с. [Eifari A.K. *Razvivayushchiesya strany i “Kapital” K. Marksa* [Developing Countries and the “Capital” by K. Marx]. Moscow, RUDN, 2019. 303 p.]

19. Peet R., Hartwick E., eds. *Theories of Development: Contentions, Arguments, Alternatives*. New York, The Guilford Press, 2009. 324 p.
20. Гавристова Т.М. Африка: “постколониальная библиотека”. *Азия и Африка сегодня*, 2020, № 3, сс. 80-85. [Gavristova T.M. Afrika: “postkolonial’naya biblioteka” [Afrika: “Post-Colonial Library”]. *Asia and Africa Today*, 2020, no. 3, pp. 80-85.] DOI: 10.31857/S032150750008720-4
21. Easterly W. *The Elusive Quest for Growth: Economists’ Adventures and Misadventures in the Tropics*. Cambridge, MIT Press, 2001. 400 p.
22. Дегтерев Д. Политическая экономия международной помощи. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 4, сс. 26-35. [Degterev D. Politicheskaya ekonomiya mezhdunarodnoi pomoshchi [Political Economy of Foreign Aid]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no. 4, pp. 26-35.]
23. Moyo D. *Dead Aid: Why Aid Is Not Working and How There Is a Better Way for Africa*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2009. 208 p.
24. Ndikumana L., Boyce J.K. *Africa’s Odious Debts: How Foreign Loans and Capital Flight Bled a Continent (African Arguments)*. London, Zed Books, 2011. 152 p.
25. Prashad V. *Poorer Nations: A Possible History of the Global South*. London, Verso Books, 2012. 304 p.
26. Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2019, т. 19, № 2, сс. 187-200. [Grachikov E.N. Stanovlenie kitaiskoi shkoly mezhdunarodnykh otnoshenii: analiticheskie podkhody i metody issledovaniy [Formation of the Chinese School of International Relations: Analytical Approaches and Research Methods]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 187-200.] DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200
27. Декларация об установлении нового международного экономического порядка. Принята резолюцией 3201 (S-VI) Генеральной Ассамблеи ООН от 1 мая 1974 года. [Declaration on the Establishment of a New International Economic order. Resolution 3201 (S-VI) of UN GA, May 1, 1974 (In Russ.)] Available at: [https://undocs.org/A/RES/3201\(S-VI\)](https://undocs.org/A/RES/3201(S-VI)) (accessed 10.08.2020).
28. *CODERSRIA Tribute – Samir Amin (1931–2018): A Titan has Gone Home to Rest*. CODESRIA, 2018. Available at: <https://codesria.org/spip.php?article2870&lang=en> (accessed 10.08.2020).
29. Khor M. *The “Singapore Issues” in the WTO: Evolution and Implications for Developing Countries*. Penang, Third World Network, 2007. 65 p.
30. Rodney W. *How Europe Underdeveloped Africa*. London, Bogle-L’Ouverture Publications, 1972. 316 p.
31. Galtung J. A Structural Theory of Imperialism. *Journal of Peace Research*, 1971, vol. 8, no. 2, pp. 81-117. DOI: 10.1177/002234337100800201
32. Sears D., ed. *Dependency Theory: A Critical Reassessment*. London, Pinter, 1981. 211 p.
33. Kvangraven I.H., Styve M.D., Kufakurinani U., Frutuoso S., eds. *Dialogues on Development. Volume 1: Dependency*. New York, Institute for New Economic Thinking, 2017. 112 p.
34. Tausch A. Globalisation and Development: The Relevance of Classical “Dependency” Theory for the World Today. *International Social Science Journal*, 2010, vol. 61, no. 202, pp. 467-488. DOI: 10.1111/j.1468-2451.2011.01786.x
35. Amin S. *Capitalism in the Age of Globalization*. London, Zed Press, 2014. 192 p.
36. Arrighi G. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. New York, Verso, 2007. 418 p.
37. Frank A. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, University of California Press, 1998. 416 p.
38. Рахманов А.Б. Концепция транснационального капиталистического класса в западной социальной мысли конца XX и начала XXI века (подходы Л. Скляра, У. Робинсона и Дж. Харриса). *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 2015, № 2, сс. 98-114. [Rakhmanov A.B. Kontseptsiya transnatsional’nogo kapitalisticheskogo klassa v zapadnoi sotsial’noi mysli kontsa XX i nachala XXI veka (podkhody L. Sklyar, W. Robinson i J. Harris) [The Conception of the Transnational Capitalist Class in the Social in the Late 20th and the Early 21st Centuries (Perspectives of L. Sklyar, W. Robinson and J. Harris)]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2015, no. 2, pp. 98-114.]
39. Massad J. *How the US Empire Stole the Left’s Ideas*. Middle East Eye, January 17, 2020. Available at: <https://www.middleeasteye.net/opinion/us-and-new-imperial-order> (accessed 10.08.2020).
40. Taylor I. Sixty Years Later: Africa’s Stalled Decolonization. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 39-53. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-39-53
41. Bond P. The BRICS’ Centrifugal Geopolitical Economy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2018, vol. 18, no. 3, pp. 535-549. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-535-549
42. Norton B., Blumenthal M. DSA/Jacobin/Haymarket–sponsored “Socialism” Conference Features US Gov-Funded Regime-Change Activists. *The Gray Zone*, July 6, 2019. Available at: <https://thegrayzone.com/2019/07/06/dsa-jacobin-iso-socialism-conference-us-funded-regime-change/> (accessed 10.08.2020).
43. Zhikui Z. *Introduction to Socialism with Chinese Characteristics*. Linden, Prunus Press, Beijing, Beijing Publishing Group, 2016. 284 p.
44. Воскресенский А.Д., ред. *Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы*. Москва, Стратегические изыскания, 2019. 736 с. [Voskresensky A.D., ed. *Model’ razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy* [The Development Model of Modern China: Estimates, Discussions, Forecasts]. Moscow, Strategicheskie izyskaniya, 2019. 736 p.]

45. Виноградов А.В., Дегтерев Д.А., Спирина Д.В., Трусова А.А. “Пекинский консенсус” в международном и внутрикитайском политическом дискурсе. *Проблемы Дальнего Востока*, 2018, № 3, сс. 17-28. [Vinogradov A.V., Degterev D.A., Spirina D.V., Trusova A.A. “Pekinskii konsensus” v mezhdunarodnom i vnutrikitaitskom politicheskom diskurse [Beijing Consensus] in the International and Domestic Chinese Political Discourse]. *Far Eastern Affairs*, 2018, no. 3, pp. 17-28.]
46. Degterev D.A. Multipolar World Order: Old Myths and New Realities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 404-419. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419
47. Gereffi G. Global value chains in a post-Washington Consensus world. *Review of International Political Economy*, 2014, vol. 21, no. 1, pp. 9-37. DOI: 10.1080/09692290.2012.756414
48. Klein E., Morreo C.E., eds. *Postdevelopment in Practice. Alternatives, Economies, Ontologies*. London, Routledge, 2019. 350 p.
49. Rahnama M., Bawtree V., eds. *The Postdevelopment Reader*. London, Zed Books, 1997. 464 p.
50. Wiarda H.J., ed. *Non-Western Theories of Development. Regional Norms versus Global Trends*. Fort Worth, Harcourt Brace College Publishers, 1999. 180 p.
51. Escobar A. *Encountering Development: the Making and Unmaking of the Third World*. Princeton, Princeton University Press, 1995. 312 p.
52. Chevalier J.M., Buckles D. *Participatory Action Research: Theory and Methods for Engaged Inquiry*. London, Routledge, 2013. 496 p. DOI: 10.4324/9780203107386
53. *QS World University Ranking by Subject, 2019. Development Studies*. Available at: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2019/development-studies> (accessed 10.08.2020).

NON-WESTERN THEORIES OF DEVELOPMENT IN THE GLOBAL CAPITALISM ERA

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 113-122)

Received 31.08.2020.

Denis A. DEGTEREV (degterev-da@rudn.ru; degterev@mgimo.ru),

People's Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation;

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation;

St. Petersburg State University, 1/3, Smolnyi Str., St. Petersburg, 191060, Russian Federation.

Acknowledgements. The article has been prepared at RUDN University and supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Project no. 19-111-50655 (Expansion) “Non-Western Theories of Development in the Age of Global Capitalism”. The author also expresses his sincere gratitude to P. Bond (University of the Western Cape, South Africa), T.M. Gavrystova (YarSU), E.N. Grachikov (RUDN University), Li Yan (CASS, China) and V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS) for their valuable comments.

This article is devoted to the evolution of non-Western theories of development in the epoch of global capitalism, i.e. after 1990. It describes in detail what is meant by this concept – models of socio-economic development, alternative to the Western neoliberal paradigm and associated with the modernization of non-Western countries, primarily in the “Global South”. Periodization of these approaches is given in connection with the process of decolonization (early 1960s), the end of the bipolar world, and the strengthening of China (since 2010s). Two main directions of such theories – neo-Marxian tradition, as well as post-colonial and anti-colonial studies – are shown. The author concludes that the “non-Westernness” of post-colonial studies is conditional, while anti-colonial and neo-Marxian studies are very much intertwined. The article shows the role of such organizations as CODESRIA and Third World Network in shaping the intellectual development agenda of the Global South. It traces the evolution of neo-Marxist approaches to development of the poorest countries, which originated in Latin American structuralism, American neo-Marxism, the works of J. Galtung and W. Rodney. By the early 1980s, the world-systemic approach was already dominant, its representatives were relatively capable to explain the collapse of the socialist system, and also made attempts to describe the growing influence of China. Nevertheless, the theory of the transnational capitalist class that emerged in the 1990s and 2000s was more successful from this point of view. The article investigates the phenomenon of an emerging confrontation between China and the United States in the ideological field – for the influence on leftist intellectuals around the world, and shows the main resources of both sides in this conflict. Special attention is paid to Postdevelopmentalism that developed in the 1990–2000s in line with postmodernist approaches; both strengths and weaknesses of this concept are presented. In conclusion, the author summarizes that neo-Marxist approaches play a key role as the major alternative to neoliberal capitalist development in the countries of the “Global South” while national modernization theories are lacking in the non-Western countries.

Keywords: development, modernization, Global South, non-Western theories, postcolonial studies, neo-Marxism, dependency theories, world-system theories, transnational capitalism, social movements, post-development.

About author:

Denis A. DEGTEREV, Doctor of Political Sciences, Candidate of Economics, Associate Professor

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Состоялось очередное заседание межинститутского семинара “Современные проблемы развития” (руководитель д.и.н. В.Г. Хорос, ИМЭМО РАН), на котором с докладом “Религиозная динамика современного мира” выступил д.и.н. Е.Б. Рашковский (ИМЭМО РАН). Второй доклад “Кризис секуляризма в Индии” сделал к.полит.н. Д.Б. Абрамов. В обсуждении докладов приняли участие к.полит.н. Д.Б. Абрамов (ИМЭМО РАН), к.полит.н. Е.И. Буркова (ИМЭМО РАН), д.и.н. А.Г. Володин (ИМЭМО РАН), к.и.н. А.Д. Гронский (ИМЭМО РАН), д-р теологии О.М. Запрометова (Библейско-богословский ин-т им. Андрея Первозванного), д.полит.н. И.Н. Куклина (ИМЭМО РАН), д.и.н. К.Г. Холодковский (ИМЭМО РАН), д.и.н. В.Г. Хорос (ИМЭМО РАН). Читателю предлагаются некоторые материалы семинара.

РЕЛИГИЯ, ПОЛИТИКА И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА СЕГОДНЯШНЕГО МИРА

© 2021 г. Е. Рашковский

РАШКОВСКИЙ Евгений Борисович, доктор исторических наук, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (eug.rashkov@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 11.01.2020.

Статья представляет собой попытку осмыслить цивилизационную и политическую динамику сегодняшнего мира через анализ предметного содержания и глубинных, подчас скрытых смыслов религиозной сферы как таковой. Без подобного рода анализа невозможно представить себе характер символического оформления человеческих идентичностей, антагонизмов и взаимного понимания между группами, обществами, государствами, цивилизационными массивами. Благодаря своей символической насыщенности и охвату человеческих проблем религиозная сфера тесно соприкасается с самыми различными областями человеческой деятельности, вплоть до юриспруденции, политики, международных отношений. Что же касается политической области, то автор предлагает рассматривать современные религиозные отношения в контексте тройственной системы взаимосвязей: Религиозные институты – Государственность – Гражданское общество. Такой подход призван уравнивать и закреплять принципы уважения к культурному наследию, светского государства и свободы, достоинства и прав человека.

Ключевые слова: развитие, религия, цивилизационная динамика, государственность, гражданское общество, глобализация, смыслы, идентичность, секуляризация, “реванш Бога”, диалог.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-123-131

“Развитие” (понимаемое как макроисторическая и макросоциологическая категория) всегда связано с процессами самоорганизации индивидуального и коллективного опыта людей в их постоянном и непрерывном историческом взаимодействии. Причем духовные стороны этого опыта, связанные с вопросами, однозначное решение которых по существу не дано (жизнь и смерть, порождение и деградация, любовь и отторжение, власть и бессилие, предопределенность и свобода), всегда ситуативно сопряжены в истории со стремлением осмыслить, символически оформить и утвердить самые что ни есть мирские антагонизмы и притязания (территории, рынки, ресурсы, гегемония и право на прямое насилие...).

И в этом контексте даже многие распространенные в нынешнем секулярном и информационно открытом мире общегуманитарные, правовые или экологические идеи волей-неволей приобре-

тают некоторое трансцендентное (читай: религиозное) звучание. Тем более важным представляется изучение религиозной сферы как таковой и ее современных “земных” преломлений.

Когда обсуждается категория развития, то большинство исследователей, определяя конкретные характеристики этого самого “развития”, вынуждены обходить его характеристики базового и, стало быть, ценностного порядка: развитие чего? Развитие чего ради? Развитие куда?

Оно и не удивительно. В нынешнем глобальном мире человечество столкнулось с такими проблемами, с такими универсальными контекстами, цивилизационными надломами и кризисными процессами, которые, по существу, беспрецедентны. Ибо мир пронизан множеством, по сути дела, мгновенных информационных, технологических, экономических, социокультурных связей, стремительными миграциями многомиллионных люд-

ских масс. Мир предстал современному сознанию противоречивым, болезненным, но притом относительно единым организмом. Та принципиальная, но далеко не всем понятная в прошлом технико-экономическая универсализация мира, о которой писали еще в 40-е годы XIX столетия Маркс и Энгельс [1, сс. 426-431], стала ежеминутной повседневной достоверностью.

Поставлены под вопрос жесткие разграничительные линии ареалов, цивилизаций, культур, народов, государств, религий, идеологий. Вызовы сегодняшнего дня столь сложны, что апелляции к культурному опыту и наследиям прошлых эпох едва ли способны рассчитывать на адекватный отклик.

Нынешний глобальный мир, при всех его информационных, культурных и цензурных барьерах, оказывается миром, открытым для познания. Но сама структурная и содержательная сложность сегодняшнего мира — вопреки его информационной открытости — тем не менее весьма затруднительна для нашего познания. Здесь — непочатый край для разработки новых подходов социальных и гуманитарных наук. А вопрос о сквозных религиозных измерениях этих глобальных процессов при всей очевидной его актуальности представляется особо неразработанным.

Скорее всего, не вполне прав Самуэль Хантингтон, усматривавший в религиозных традициях основную определяющую черту конкретных цивилизационно-культурных общностей и, следовательно, основную определяющую причину их несостыковок и антагонизмов. Действительность намного сложнее. Тем более что зачастую религиозные традиции могут служить делу символического оформления как раз антагонизмов и притязаний “от мира сего”, но также и делу приспособления к условиям меняющейся жизни. Так что без понимания религиозной сферы, без понимания ее сквозных принципов и заведомой ее вариативности, боюсь, мы не разберемся ни в истории, ни в самых жгучих проблемах сегодняшней глобальной действительности.

I

Мир религий связан прежде всего с самоорганизацией внутреннего пространства и коммуникативного опыта человека в непрерывности и постоянстве их взаимосвязи. Эта самоорганизация так или иначе вершится через взаимодействие интериоризованных человеком символических и ценностных представлений и смыслов. Такие взаимосвязанные представления, которые теологами и религиоведами принято обозначать как “Святыня” (*das Heilige, the Holy*), могут принимать самые различные формы: анимистические, пантеистиче-

ские, теистические (поли- и монотеистические), даже атеистические¹.

Вообще, как говорилось выше, область религиозных отношений строится на тех неотступных вопросах индивидуального и коллективного человеческого существования, которые ускользают от прямых и однозначных ответов. Ибо ответы эти, как показано еще Кантом, не подвластные усилиям “чистого разума”, возможны лишь в формах символических гипотез, нередко принимаемых на веру. Но коль скоро человеческий опыт имеет важные коллективные измерения [2, сс. 51-52], — во все времена, в любых лингвистических, культурных и цивилизационных условиях возникают непохожие друг на друга верования и религиозные институты, или же — в эпоху секуляризации — их идеологические заменители: политические партии, землячества, профессиональные объединения, научные школы [3], эстетические группировки²...

Однако помимо некоторых сакральных сочетаний гипотетических представлений самого общего порядка никаких понятий о человеке, обществе и культуре, о мире сквозных, но столь по-разному варьируемых смыслов в столь не похожих одна на другую цивилизациях [4], нам попросту не дано. Равно как и понятий о добре и зле. Социополитические, экономические, технологические реальности человеческой жизни, разумеется, не могут быть сведены к кругу религиозных представлений. Но без учета последних наши знания о человеческой действительности рискуют оказаться отрывочными и обедненными.

Может, правда, возникнуть вопрос о развитии агностицизма и внеконфессиональной религиозности и новых религиозных или обновленческих движений в высокоразвитых странах Запада, в Японии, отчасти в Южной Корее или в Латинской Америке. И даже у нас, в России. Но и здесь религиозные ценности и смыслы выступают в формах общегуманитарных или “зеленых” понятий: здесь реализуется нечто вроде разработанной основателем философии позитивизма Огюстом Контом (1798—1857) абстрактной “религии человечества”. А общегуманитарные, правовые, экологические или социалистические идеи сами приобретают некоторое трансцендентное звучание.

Дело, разумеется, не обходится без массовой вульгаризации этих современных духовных исканий:

¹ В последнем случае — культы Родины, науки, искусства, класса, расы, нации, партии, государства, несхожих политических форм и т. д.

² Не случайно эстетические манифесты первой половины XX столетия (футуристы, имажинисты, сюрреалисты и др.) так похожи на воинственные программы тогдашних крайних политических партий: в основе — постулаты, которые должны быть приняты именно на веру, и обличения возможных или мнимых противников.

окультизм, поспешные смешения разнородных и несовместимых религиозных, мифологических и околонучных представлений. Огромную роль в развитии и тиражировании этих “смесительных упрощений” (термин русского философа К.Н. Леонтьева) играют средства массовой коммуникации и Интернет с их особым, отрывочным, “клиповым” мышлением. Но эти передержки нынешних интенсивных межкультурных, межэтнических и межрелигиозных контактов являются отражением стремительных и в значительной мере необратимых изменений глобального порядка. Тех изменений, с осмыслением коих мы едва ли справляемся.

Во всяком случае религиозная сфера — наряду с наукой, технологией, искусством, философией, общественной мыслью, юриспруденцией — одна из необходимых и всегда рискованных форм человеческой интеллектуальности, одна из необходимых и всегда рискованных форм освоения человеком как своей Вселенной, так и самого себя. Форма, связанная, повторяю, с неотступными, но заведомо неразрешимыми вопросами взаимодействия жизни и смерти, любви и отчаяния, солидарности и одиночества, свободы и причинности. Символической насыщенностью и глубиной своих чаяний эта сфера пересекается с искусством, своими вопрошаниями о смыслах, строении и динамике Вселенной — с философией и наукой, своими поисками принципов индивидуального и группового существования и сосуществования — с юриспруденцией и политикой...

Религиозная символизация может принимать подчас самые причудливые и фантастические формы. Однако следует иметь в виду, что она является тем восполнением человеческой жизни, которая не дана сознанию непосредственно, прямолинейно. Но — напротив: она дана через посредство языка, психологии, социокультурного опыта, экономики, отношений власти и подчинения [5].

Однако вернемся к проблеме базовых и сквозных религиозных смыслов и представлений.

Собственно, без этих представлений не может быть понята и описана и актуальнейшая для нынешних социогуманитарных наук проблема человеческой идентичности [6]. На мой взгляд, проблема поисков человеческой идентичности есть неотъемлемая часть более широкой современной проблемы — проблемы социально-исторического развития, когда отдельные личности и группы пытаются отыскать свое место и свою роль в универсальной и сквозной динамике времен. Именно *развития* не как одностороннего наращивания материального богатства и силовых функций, но как подвижного становления многоплановых основ социокультурного опыта личностей, групп, народов, регионов. И в этом смысле религиозная

реальность предстает нам как одна из многозначных и неотъемлемых предпосылок человеческого самоопределения в истории.

II

Одна из важных и актуальных проблем нашего разговора — волновое чередование религиозных “бумов” и “накатов” секуляризации³. Такое волновое чередование в плане общего понимания феномена человека во многом определяется амбивалентным, инверсионным характером человеческой психики и социальных страстей. Это явление известно в европейской истории с первых столетий Нового времени, с первых столетий мирового научного, технологического, а с ним и политического лидерства Запада. Такого рода волновые чередования были характерны для европейской истории Нового времени: от затяжных Религиозных войн (включая и Тридцатилетнюю войну) до кануна Первой мировой [8, с. 386].

Не обошло оно и историю российскую, хотя российское Православие (даже в его бывших украинско-белорусских вариантах) не несло в себе тех преобразовательных, трансформационных предпосылок, которыми было исполнено прошедшее искусство схоластического рационализма, Ренессанса, Реформации, Контрреформации и ранних буржуазных революций Западного христианства. Инициатором секуляризационной и модернизационной “волны” выступило у нас не столько общество (и не Церковь как неотъемлемая его часть), сколько самодержавно-крепостническая система мирской власти.

С драмой Старообрядческого раскола и жесточайших религиозных и социальных распрей уходящей Московской Руси и с последующими преобразованиями Петровской власти этот процесс волнового чередования стал постепенно выходить за пределы Западной цивилизации. Через посредство местной европеизированной или полувоевропеизированной интеллигенции этот процесс — в тех или иных вариантах и с разной степенью интенсивности — передавался народам Славянского мира, Эллады, Эгейского бассейна и Ближнего Востока, Латинской Америки, Бенгалии...

В нынешнем глобальном мире процесс волнового чередования принял, по существу, универсальные черты. Что, впрочем, не исключает богатства и своеобразия национальных и региональных вариантов этого чередования. За глобальным религиозным “бумом” последней четверти прошло-

³ Последующее рассуждение подсказано трудами академика Нодари Александровича Симонии, а также концепцией социокультурных волн, разработанной выдающимся русским философом Михаилом Александровичем Розовым (1930–2011) [7, сс. 290–306].

го – первых лет нынешнего столетия мы наблюдаем некоторый постепенный “откат” этой волны и очередной “накат” секулярных идей, настроений и практик.

Разумеется, все эти волновые “накаты” и “откаты”, все эти идеи, настроения и практики взаимосвязаны, причем своеобразно взаимосвязаны на разных участках нынешнего глобального мира. Наряду с особенностями мировой обстановки и мировых конъюнктур, эти чередования во многом обуславливаются и предметными содержаниями тех или иных религий, и особенностями взаимодействия “больших” и “малых” традиций в каждом из современных цивилизационно-культурных ареалов.

Синхронизация этих волновых чередований на всемирно-исторической шкале – дело трудное и требующее особых разысканий. Однако всемирно-исторический “накат” религиозных исканий и практик, а также и религиозно-политической активности явно просматривался в течение последней четверти прошлого века. И притом зачастую в несхожих цивилизационных условиях: “исламская революция” в Иране; понтификат Иоанна Павла II; польская “Солидарность”; подспудные разноконфессиональные искания на землях бывшего СССР, приведшие – наряду со множеством других экономических и политических факторов – к обесценению тогдашней абсолютистской идеологии “марксизма-ленинизма”; активизация “библейского пояса” в Соединенных Штатах; усиление индуистских обертонов в политической жизни Индии; католическая “теология освобождения” в Латинской Америке и на Филиппинах; кризис социал-демократической гегемонии и натиск религиозных партий в Израиле...

Французский теолог Жиль Кепель назвал это явление “реваншем Бога” [9]. Категория, как мы видим, хлесткая и не лишённая эвристической ценности. Но уж если говорить о “реванше Бога”, то таковым “реваншем” можно было бы посчитать и характерный для двух первых десятилетий нынешнего века почти что повсеместный протест против политизированного клерикального прессинга, против забалтывания и опошления духовных ценностей, которому свойственно раздражать не только человеческий здравый смысл, но и глубину религиозного чувства⁴.

⁴ Неслучайно еще в 90-е годы позапрошлого века Вл. Соловьев, один из величайших христианских философов России и Европы, усматривал в антиклерикальных европейских идеях и движениях Нового времени и некий провиденциальный смысл, видя в них протест против отчуждения и властной узурпации духовной сферы. То есть в некотором роде своеобразный “реванш Бога” и вместе с тем “реванш” человека против синдрома “Великого инквизитора”. Хотя в любом случае любой из “Божеских”, а точнее, человеческих “реваншей” может иметь страшные исторические издержки.

Подобного рода “откат” замечен даже в такой твердыне религиозного фундаментализма и радикализма, как Арабо-исламский мир. В особенности – среди молодежи и даже среди девушек. Подспудные антиклерикальные сдвиги в Арабо-исламском мире отчасти связаны и с новейшими изменениями социально-классового ландшафта тамошних обществ. В частности, с возрастанием в населении удельного веса тружеников современных и, по существу, секулярных, интеллектуальных профессий [10, 11].

В нынешних постмодернистских условиях каждый из этих ареалов подвергается интенсивным процессам взаимного “облучения” (*radiation* – термин А.Дж. Тойнби) и взаимного проникновения. Действительно современная научно-техническая мысль и практика (западогенные в своей основе, но уже подкрепляемые интенсивными процессами развития народов Дальневосточного ареала и Индии), современная динамика информации, капиталов, транспортных связей и многомиллионных миграций придают нынешним процессам религиозной динамики уникальные черты стремительности, мощных информационных напоров, скорого формирования нетрадиционных религиозных анклавов, процессов прозелитизма и синкретизации.

Былые характерные культурно-исторические членения (Запад–Восток, Север–Юг, отчасти даже Центр–Периферия), не теряя исторических своих траекторий, все же утрачивают свой былой абсолютный характер. Сама сегодняшняя глобальная история – в процессах небывалого социального, культурного и духовного брожения. Это касается и сегодняшних судеб России, которые мы по инерции продолжаем трактовать в цивилизационных и геополитических категориях позапрошлого и прошлого столетий.

Во всяком случае, некоторые базовые религиозно-ведческие познания (а не просто наборы описаний конкретных теологий и религиозных практик, и статистик верующих) представляются существенной предпосылкой современного политологического и – шире – социогуманитарного знания⁵.

Перейдем к более конкретной разработке этого вопроса, не упуская из виду представлений о сквозных, глобальных характеристиках религиозной сферы как таковой.

III

Если изучать историю и предметное содержание каждой из исторически устоявшихся мировых религий, то в любой из них можно обнаружить стабильный и инновационный потенциалы.

⁵ Это, если угодно, толстовский вопрос: “Чем люди живы?”.

Причем оба этих потенциала даны нам в уникальных сочетаниях и уникальных формах их исторического взаимодействия, связанных со всей сложностью их предметного содержания.

В последнем случае особо важно уникальное для каждой из религий сочетание их базовых мистических интуиций (боги и Бог, Изначальный хаос, Мировое Древо, Космический круговорот, начало и конец Вселенной и т. д.) и представлений с идеями о *явленном* (“откровенном”) Абсолюте. В основе этих интуиций и представлений могут лежать идеи о Природе, Культуре, Времени, Сакральном тексте, Социальном порядке, Традиции, Личности. Причем возможны самые причудливые сочетания этих идей.

Вероятно, многих шокировала в прошлом и продолжает шокировать поныне некая символическая перегруженность религиозных представлений. Неслучайно Кант или Лев Толстой пытались отчасти “разгрузить” эту символическую насыщенность. Однако последняя во многом объясняется тем, что основные предметы и запросы религиозных представлений и идей всегда рядом с каждым из нас, но прямых ответов в опыте повседневной жизни нам не дано: об этом говорилось выше, в начале нашего исследования...

Каждая из великих религиозных традиций, имея даже несомненные и длительные исторические предпосылки, врывается в историю именно как новация [12]; ее инновационный потенциал может надолго, даже на века как бы засыпать, но время от времени, повинувшись историческим вызовам, он просыпается и, привнеся в историю некий новый “вопросник”, может вновь как бы засыпать...

IV

“Традиционные” религии были в своем роде смысловыми стержнями прежних, относительно замкнутых локальных цивилизаций. Но — лишь относительно⁶. В нынешнем же, всепроницаемом мире, который опрокинул все былые представления о времени и пространстве, традиционные цивилизационно-культурные пограничья (*лиме-сы*) драматически проходят, по существу, через бытование и опыт каждого человека, каждой человеческой общности, каждой территории. И все они — под беспрецедентным информационным, технологическим и социокультурным напором условий сегодняшнего дня.

⁶ Принцип соразвития, синергии традиционных цивилизаций, несомненно, издревле имел место в истории. Однако усмотрение и понимание этого принципа в далеком прошлом требует немало профессионализма, фактологических знаний и умения работать с историческими источниками и с лингвистическим материалом [13].

“Традиционные” религиозные и социокультурные ценности, сложившиеся в условиях “традиционных” цивилизационных миров, зачастую жестоким образом конфликтуют с повседневным опытом современного человека, провоцируя самый широкий диапазон возможных ответов: от капитуляции перед окружающей средой до замыкания в узких группах единомышленников [14].

Что же касается не только духовной и социокультурной, но и психологической стороны вопроса, то условия нынешнего, постмодернистского мира подталкивают людей к поспешным религиозным синкризмам⁷, к разочарованиям и скепсису, а кого-то — и к безоговорочному внутреннему ожесточению⁸. Объектами этого ожесточения может быть все что угодно: “чужаки”, соотечественники, ценности, предания и институты чужих и собственных религий и культур. Отсюда и столь частые случаи глумления над религиозными символами и памятниками культуры, демонстративных убийств во время богослужений, осквернения храмов, поклонных крестов, мемориальных стел и кладбищ, преднамеренного глумления над красотой и святыней природы⁹... Это — как раз то самое, захватывающее миллионы людей технологизированное равнодушно-агрессивное отношение к миру, которое покойный М.К. Мамардашвили обозначил как антропологическую катастрофу [15].

Суть этой катастрофы можно было бы определить как сугубо технологическое отношение (то есть отношение как к безответным внешним объектам) к людям, к природе, к миру, да и к тому же — ради сиюминутных и скоропреходящих интересов и конъюнктур. Хотя и понятно, что мир технологических отношений (отношений сугубо процедурных) находится по ту сторону базовых *человеческих смыслов*, таких как любовь, сострадание, солидарность, признание неповторимости собственной и чужой жизни.

Это определение, данное грузинско-российским мыслителем, относится к рубежу 80–90-х годов прошлого века. Ныне, благодаря не только современному опыту, но и более разработанным религиозно-философским познаниям, мы и более детально осмысливаем характер современной “антропологической катастрофы”.

⁷ Мне самому приходилось встречаться с христианами разных исповеданий, верящими в трансмиграции душ.

⁸ По совести говоря, агитаторская бестактность и не в меру сильные властные претензии некоторой части духовенства лишь подогревают эти негативные настроения и страсти. Это обстоятельство я наблюдал не только у нас в России, но и за ее пределами.

⁹ Примеры глумления: разрастание коммерческих свалок, лесные пожары (по злему умыслу: Южная Франция, Италия, Португалия, Греция, Израиль, вероятно, Австралия; у нас или в Бразилии — во многих отношениях по причинам доморощенного равнодушия и алчных лесопорубок).

Человеческое в человеке (то есть опыт самосознания, любви, сострадания, солидарности с другими) подрывается как бы с двух сторон. “Сверху” — вследствие развития современных технологий и сугубо технологического, управленческого отношения к миру, “снизу” — накатами неоархаического варварства. Причем эти технократическое “сверху” и народно-люмпенское “снизу” находятся именно в варварской взаимосвязи: технократизм принимает варварские решения, неоархаизм опирается на новейшие информационные, террористические и военные технологии. Что же касается неоархаики, то она уничтожает жизни многих сотен тысяч людей в практиках религиозных гонений — вплоть до геноцида [16, 17], демонстративных казней, этнических “чисток” и торговли заложниками [18].

Неслучайно столь сильны в сегодняшнем мире многозначные силы протеста (от гуманистических до грубо-анархистских): протеста культурного, социального, экологического, гендерного, бытового. Протеста против отчуждения человека и природы, Неба и Земли.

И в этих условиях разные религиозные системы волей-неволей вынуждены избирать разные стратегии приспособления к миру, меняющемуся буквально на глазах. Приведу несколько примеров таких стратегий.

- Стратегия яростного насильственного и безоглядного сопротивления “чуждым” культурным влияниям (радикальный ислам с его отрицанием принципа историзма и с постулатом вечного возвращения к беспримесной чистоте коранического архетипа, которого и не было в реальной истории).

- Стратегия постижения закономерных вызовов секулярного мира и частичной интеграции этих вызовов в собственный философский, проповеднический и религиозно-общественный опыт (католицизм).

- Стратегия приспособления к целям и практикам государства (российское и украинское православие, издавна ориентировавшееся на силу и инициативы секулярных властей).

- Стратегия акцента на добросовестный труд и на корпоративную лояльность (если угодно, на индивидуальную дхарму членов корпорации) ради накопления заслуг в веренице будущих перевоплощений (японский синтоистско-буддийский синкретизм)¹⁰.

¹⁰ Вообще, народы Сино-иероглифического ареала ныне входят в круг научно-технического глобального авангарда. Это явление знаменитый британский синолог Джозеф Нидем предсказывал еще в середине прошлого века, говоря о некоторых его предпосылках социокультурного и религиозного порядка (развитое чувство долга, уважение к трудовым процессам, сакральный статус самого знания и людей знания, изощренность эстетического видения). Но это тема

- Стратегия обновления старых реформационных традиций Европы в новых, зачастую внеевропейских условиях. Это касается судеб многих миллионов людей в Латинской и Англо-саксонской Америках, в Южной Корее, на Филиппинах; эти тенденции заметны в странах Северной Европы и даже на российских перифериях [19].

- Стратегия сознательного “обволакивания”, прессинга и постепенного приручения и интеграции религиозных меньшинств (современный политизированный индуизм, не гнушающийся преследованиями инаковерующих, прежде всего мусульман и христиан).

- Стратегия рассчитанного на годы и годы подпольного или полуподпольного выживания под пятой атеистического режима (буддийские, христианские¹¹ и исламские направления в КНР: здесь также дело касается судеб миллионов и миллионов людей; аналогичные тенденции можно наблюдать и во Вьетнаме).

- Стратегия эклектического сочетания средневековых религиозных представлений и прагматических уступок императивам сегодняшней жизни (официальный ислам аравийских нефтяных монархий; отчасти это касается и более технологически отсталых, но более политически продвинутых монархических режимов Иордании и Марокко).

И каждая из мировых религиозных систем (или подсистем) волей-неволей вынуждена искать возможности соотнесения и умиротворения соперничающих духовных направлений и субкультур (инновационных и консервативных) в своем же собственном лоне. Осмысление всех этих процессов и приспособление к ним — весьма мучительное дело не только для религиозного сознания, но и для человеческого сознания как такового.

V

Нынешние глобальные вызовы, размывая традиционную цивилизационно-культурную раздробленность былого человечества, порождают все новые и новые формы подчас даже экстерриториального религиозного опыта, все новые и новые формы духовной и общественной самоорганизации людей на разных континентах. Не говоря уже и о новых формах, возможно, более гибкой, чем прежде, религиозной дифференциации. Хотя и драматические издержки этих процессов (взаимное непонимание среди людей; своекорыстие

особого разговора, который касался бы ареальной религиозной специфики Дальнего Востока.

¹¹ Традиционные формы христианства, как считают многие в Китае, едва ли вписываются в традиции и нынешнюю социально-историческую динамику страны. Отсюда и характерное “стремление (*movement*) отойти от идеи христианства-религии к христианству-вере” [20].

лидерских, бюрократических и бизнес-групп; интересы коммуникаторов, потакающих предрассудкам масс, и т. д.) общеизвестны. О многих из этих издержек сказано выше...

Присмотримся к некоторым религиозно-политическим особенностями этих процессов.

Среди многих светских и конфессиональных бюрократов разных исповеданий и стран (сам имел печальный опыт в этом убедиться) господствует бинарная, двухполюсная трактовка современных религиозных отношений:

Религиозные институты – Государство.

Такая, на мой взгляд, подслеповатая бинарная трактовка поддерживается и многими церковными и светскими учеными.

Однако более гибкой и перспективной трактовкой представлялась бы мне трактовка *тернарная*, в свое время отчасти предугаданная Вл. Соловьевым [20]:

Религиозные институты – Государство – Гражданское общество.

Во всяком случае, имена и наследие таких духовных лидеров прошлого века, как пастор Мартин Лютер Кинг, Кароль Войтыла (папа Иоанн Павел II) или протоиерей Александр Мень, заставляют призадуматься о многом.

Идеальной согласованности, идеальной гармонии между тремя членами этой триады не было и быть не может. У них разные задачи, и опираются они на несходные человеческие контингенты с несходными ментальными складами и психологиями. И действуют они в несхожих социальных, культурных и цивилизационных ландшафтах. Но важно понять: при всем несхождении их интересов и конфликтности их положений они необходимо дополняют и корректируют друг друга.

Если же говорить об их отношении к трем измерениям исторического времени, то:

– *государственность* более всего связана с проблематикой прошлого и настоящего;

– *гражданское общество* – в лице прежде всего интеллигенции (то есть мыслящего и ищущего общественного класса) – с проблематикой настоящего и будущего [21];

– тогда как *религиозные институты* связаны прежде всего с миром вечных, родовых, транс-исторических ценностей и смыслов. (Хотя подчас эти ценности и смыслы могут быть перегружены разного рода мифологическими образами и ассоциациями, но также и моментами ностальгии по преданиям позапрошлых времен.)

Иными словами, за тремя членами этой триады угадываются несхожие, но непреложные импера-

тивы индивидуального и коллективного человеческого существования:

– упорядоченности внешней жизни;

– человеческого достоинства и прав и необходимой подвижности истории;

– духовной связи между людьми в единстве прошлых, текущих и будущих поколений.

Из сказанного выше недвусмысленно вытекает, что развитие культуры социального, политико-правового и философского *диалога* (в противоположность стремлению унижить и затоптать оппонента) есть одна из непреложных потребностей выживания и развития современных обществ. Не исключая и Россию.

VI

...Былые кабинетные или массовые мечтания об “изживании” религии в нынешней техницистской среде, равно как и мечты религиозных фанатиков и манипулируемых ими масс о безусловном глобальном торжестве какой-либо из религиозных систем – под большим вопросом.

Под большим вопросом и мечтания о конвергенции религий. Ибо в последнем случае речь может идти лишь о расплывчатой метафизике, лишённой свойственного религиозному опыту символического наполнения, без которого вообще немислима человеческая психология и культура. На практике же нынешняя религиозная динамика порождает как тенденции растущего взаимопонимания, так и тенденции отталкивания.

Серьезные религиозоведческие подходы приоткрывают нам новые образы, новые философские, правовые и политические проблемы многозначного и внутренне открытого глобального мира. Не говоря уже о проблемах социоэкономического порядка, во многом определяемых их человеческим контекстом.

VII

Что же явствует из сказанного?

Прежде всего, что *развитие* есть по преимуществу *человеческая проблема*. Или, выражаясь характерным языком нынешних наших “общественных наук”, проблема многозначной субъектности нашей текущей истории. Но при этом важно понять, что многозначная проблема субъектности истории предполагает изучение и осмысление трех измерений времени – прошлого, настоящего и, по существу, неизведанного будущего – в их универсальном контексте и непрерывном взаимодействии. Об этом уже было отчасти сказано чуть выше...

Как решать эту человеческую проблему? Душается, никто из нас не обладает какой-то единой

методологией решения всех на свете вопросов. Но никакое, даже частичное решение невозможно, покуда проблема не *поставлена*. Однако же моя задача скромна: привлечь к постановке проблемы развития наработанный мною в ходе многих десятилетий особый религиозно-философский дискурс, пытающийся осмыслить религиозную сферу не как набор частных фактов, но как таковую, и притом — в опоре на обширную религиозно-философскую фактографию народов и цивилизаций Запада, России и Востока. Осмыслить в ее прошлом и настоящем и — по возможности — усмотреть некоторые векторы будущего. Дискурс, думаю, не достаточный, но тем не менее необходимый, проясняющий междисциплинарные задачи постижения нашей глобальной действительности.

Небесполезен в этом отношении взгляд немецкого экономиста Петера Антеса, данный в одной из его статей в им же отредактированном итальянском переводе: при подходе к человеческой действительности необходимо иметь в виду всегда многозначную связь между материальным богатством (*beni materiali*) и богатством духовным (*ricchezza spirituale*):

осмысление этой многозначности может быть противоядием от крайностей материалистического или же, напротив, отвлеченного и псевдодуховного, “спиритуалистического” нигилизма [22].

И, наконец, последнее.

Каждая историческая эпоха трагична и несет в себе апокалиптические черты, ибо рушатся или переформируются привычные условия человеческого существования. Изучение истории мировых религий показывает, что религиозная сфера — каждый раз и в каждой культурно-исторической среде — пытается на свой лад преломить, восполнить и скорректировать эти “зияния” истории. Это как раз то самое, что современные теологи называют “принципом надежды (*Hoffnungsprinzip*)”. И в этом смысле современные духовные искания так или иначе связаны не только с реакциями на вызовы “техно-тронного” мира, но и с поисками человеческих корректив основных тенденций современного развития. Хотя и сами эти искания несут на себе отпечаток современной проблематики во всех ее противоречиях и трагизме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений*. Изд. 2-е. Т. 4. Москва, Госполитиздат, 1955, сс. 419-459. [Marx K., Engels F. Manifest Kommunistischer Partei [Communist Manifesto]. Marx K., Engels F. *Sobranie sochinenii*. Izd. 2. T. 4. [Collected Works. 2nd ed. Vol. 4.] Moscow, Gospolitizdat, 1955, pp. 419-459.]
2. Левада Ю.А. *Социальная природа религии*. Москва, Наука, 1965. 261 с. [Levada Yu.A. *Sotsial'naya priroda religii* [Social Nature of Religion]. Moscow, Nauka, 1965. 261 p.]
3. Blume St.S. *Toward a Political Sociology of Science*. N.Y., Free Press, 1974. xii+288 p.
4. Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа). *Восток—Запад—Россия*. Москва, Прогресс-Традиция, 2002, сс. 36-66. [Rashkovskii E.B., Khoros V.G. *Mirovyie tsivilizatsii i sovremennost' (k metodologii analiza)* [World Civilizations and Contemporary Epoch. Methodological Analysis]. *Vostok—Zapad—Rossia* [East—West—Russia]. Moscow, Progress-Traditsia, 2002, pp. 36-66.]
5. Вормс Ф. Как Бергсон вводит проблему жизни во французскую философию XX века. *Логос*, 2009, № 3 (71), сс. 45-59. [Worms F. *Kak Bergson vvodit problemu zhizni vo frantsuzskuyu filosofiyu XX veka* [Bergson: Inserting a Problem of Life in XX Century French Philosophy]. *Logos*, 2009, no. 3 (71), pp. 45-59. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2009/5.pdf (access 09.11.2019).
6. Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность; личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание. Москва, Весь мир, 2017. 992 с. [Semenov I.S., ed. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika*. Ehntsiklopedicheskoe izdanie [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic edition. Moscow, Ves' Mir, 2017. 992 p.] Available at: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_017.pdf (access 09.11.2019).
7. Рашковский Е.Б. *Философия поэзии, поэзия философии*. СПб., Алетея, 2016. 312 с. [Rashkovskii E.B. *Filosofia poezii, poezia filosofii* [Philosophy of Poetry, Poetry of Philosophy]. St. Petersburg, Aletheia, 2016. 312 p.]
8. Кареев Н.И. *Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. Общая характеристика государства и сословного общества “Старого порядка”*. Москва, ГИИИ, 2009. 463 с. [Kareev N.I. *Zapadnoevropeyskaya absoljutnaya monarkhia XVI, XVII i XVIII veka. Obshchaya kharakteristika gosudarstva i soslovnogo obshchestva “Starogo poryadka”* [West European Absolute Monarchies: XVI, XVII & XVIII Centuries. General Characteristics of States and Estate Privileges' Societies in the Period of “Ancien régime”]. Moscow, GPII, 2009. 463 p.]
9. Kepel G. *La revanche de Dieu: chrétiens, juifs et musulmans à la reconquête du monde*. Paris, Le Seuil, “Points”, 1991. 282 p.
10. Hodal K. Arab World Turns its Back on Religion — and its Ire on the US. *The Guardian*, 24 June 2019. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development/2019/jun/24/arab-world-turns-its-back-on-religion-and-its-ire-on-the-us#:~:text=The%20Arab%20world%20is%20turning,has%20plummeted%20in%20recent%20years> (access 09.11.2019).
11. Hamzawi A. *An Expiry Date for Despots? A new wave of Arab uprisings suggests that the authoritarian bargain of the past may be collapsing*. Carnegie Middle East Center. December 4, 2019. Available at: <https://carnegie-mec.org/diwan/80455> (access 10.12.2019).

12. Waardenburg J.-J. "Leben verlieren" oder "Leben gewinnen" als Alternative in prophetischen Religionen. *Leben und Tod in den Religionen. Symbol und Wirklichkeit*. Hrsg. von G. Stephenson. Darmstadt, Wiss. Buchgesellschaft, 1985, SS. 36-60.
13. Огнев А. Палимпсесты Татьяны Баскаковой. *Троицкий вариант*, 2019. № 13 (282), сс. 7-9. [Ognev A. Palimpsesty Tatyany Baskakovoy [Tatiana Baskakova's Palimpsests]. *Troitskii Variant*, 2019, no. 13 (282), pp. 7-9.] Available at: <https://trv-science.ru/2019/07/palimpsesty-tatyany-baskakovoj/> (access 09.11.2019).
14. Сысоева Ю. *Записки попады. Особенности русского духовенства*. Москва, Время, 2008. 208 с. [Sysoyeva Yu. *Zapiski popad'i. Osobennosti russkogo dukhovenstva* [Notes of a Priest's Wife. Some Peculiar Features of Russian Clergy]. Moscow, Vremya, 2008. 208 p.]
15. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. *О духовности*. Тбилиси, Мецниереба, 1991, сс. 26-41. [Mamardashvili M.K. Soznaniye i tsivilizatsia [Conscience and Civilization]. *O dukhovnosti* [On the Matters of Spirit]. Tbilisi, Metsniereba, 1991, pp. 26-41.]
16. Mounstephen Ph., Rt. Rev. *Bishop of Turo's Independent Review for the Foreign Secretary of FCO Support for Persecuted Christians*. Final Report and Recommendations. Crown Copyright. 2019. 176 p. Available at: <https://togethernetnetwork.org.uk/uploads/shared/final-report-and-recommendations.pdf> (access 18.01.2020).
17. Митрополит Волоколамский Иларион. Преследования и дискриминация христиан в современном мире: причины, масштабы и прогнозы на будущее. *Церковь и время*, 2011, т. LVII, № 4 (57), сс. 95-130. [Ilarion, mitr. Volokolamskii. Presledovaniya i diskriminatsia khristian v sovremennom mire: prichiny, masshtaby, prognozy na budushcheye [Ilarion, Metropolitan of Volokolamsk. Persecutions and Discrimination of Christians in the Present-Day World: Preconditions, Scale, Forecasts]. *Tserkov' i vremya*, 2011, vol. LVII, no. 4 (57), pp. 95-130.]
18. Грачева В. Современное рабство как эпидемия. *Независимая газета*, 23.07.2019. [Gracheva V. Sovremennoye rabstvo kak epidemia [Epidemic of the Present-Day Slavery]. *Nezavisimaya gazeta*, 23.07.2019.]
19. Zaprometova O.M. Theology of the Heart and Cognitio Dei experimentalis (Experiential Knowledge of God). *Dialogue. A Journal of Theology*, 2016, vol. 55, no. 4, pp. 299-307.
20. Рашковский Е.Б. Владимир Соловьев и гражданское общество. *Связь времен. Историко-философский альманах*. Москва, Прогресс-Традиция, 2001, сс. 127-137. [Rashkovskii E.B. Vladimir Solovyev i grazhdanskoye obshchestvo [Vladimir Solovyev and Civil Society]. *The Joint of Time. Historical and Philosophical Almanac*, 2001, pp. 127-137.]
21. Рашковский Е. Бюрократия и интеллигенция: к пониманию внутренних противоречий современного общества. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 1, сс. 129-135. [Rashkovskii E. Byurokratiya i intelligentsiya: k ponimaniyu vnutrennikh protivorechii sovremennogo obshchestva [Bureaucracy and Intellectuals. Toward Interpretation of Basic Contradictions in Present-Day Society]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 1, pp. 129-135.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-129-135>
22. Antes P. Economia e ricchezze nelle tradizioni religiose. *Religioni e società*, 2003, no. 46, pp. 8-17.

RELIGION, POLITICS AND CIVILIZATIONAL DYNAMICS IN THE MODERN WORLD

(World Economy and International Relations, vol. 65, no 4, pp. 123-131)

Received 11.01.2020.

Eugenii B. RASHKOVSKII (eug.rashkov@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (ИММО), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The paper attempts to interpret civilizational as well as political dynamics of the modern world in terms of contents and pivotal meanings in the religious sphere as such. According to the author, it is impossible to imagine all the complex of human identities, antagonisms, sympathies, and mutual understanding without taking into account specific features of religious symbolism. Thanks to these kinds of features religious sphere constantly interacting with different fields of law, politics, and international relations. As for the political field, the religious sphere is viewed in intrinsic triple connections: Religious Institutions – Statehood – Civil Society. This kind of approach tends to balance the principles of cultural heritage, secular state as well as of human rights and dignity.

Keywords: development, religion, civilization, statehood, civil society, globalization, meanings, identity, secularization, "La revanche de Dieu", dialogue.

About author:

Eugenii B. RASHKOVSKII, Dr. Sc. (History), Principal Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-123-131

КРИЗИС СЕКУЛЯРИЗМА В ИНДИИ

© 2021 г. Д. Абрамов

*АБРАМОВ Дмитрий Борисович, старший научный сотрудник,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (dimaodin@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 11.01.2020.

В статье рассмотрена проблема развития кризисных тенденций индийского секуляризма, исследуются причины трудности межобщинного диалога и сокращения общественного пространства для толерантности. На примерах последних усилий разрешения кашмирской проблемы и принятия “Закона о гражданстве” автор пытается оценить взаимовлияние секулярного самосознания индийцев и религиозной динамики на политические процессы. В работе дана оценка воздействия идеологии “хиндутвы” на снижение градуса секулярности в современной Индии и роли индусских этнонационалистических организаций “Сангх Паривар” в дальнейшей “шафранизации” политики страны.

Ключевые слова: секуляризм, мультикультурализм, толерантность, религиозная динамика, Индия, политическая культура, гражданское общество, хиндутва, культурный расизм.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-132-138

В статье Е.Б. Рашковского прозвучала мысль, что одна из важнейших и актуальных тем для изучения религиозной динамики в современном мире – волновое чередование религиозных “бумов” и “накатов” секуляризации [1]. В непосредственной связи с гипотезой о ее волновом характере встает ряд дополнительных вопросов. Обозначу лишь два из них. Первый касается корреляции кризиса секуляризма с общим кризисом либеральных ценностей в мире. Накаты архаизации сознания, в том числе и политической, нетерпимость, ксенофобия, культурный расизм и гендерный шовинизм порою встречаются несоразмерные и не менее дикие формы отпора со стороны приверженцев либеральных идей. Второй связан с тем, насколько способен секуляризм в том виде, в каком он выступает в конкретном социуме, добиваться поставленных целей общественного примирения. От особенностей политической культуры и ее способности к осмыслению таких ключевых понятий, как секуляризм, мультикультурализм, толерантность, плюрализм и веротерпимость, не только зависят перспективы того или иного общества на его пути модернизации, но и определяются судьбы этих обществ в целом.

Секулярные тенденции преобладали по всему миру вплоть до наступления последней четверти XX в. От исламской революции в Иране (в 1979 г.), которая может считаться переломной точкой в истории распространения и развития идей политического секуляризма в мире, до тенденций к исламизации Турции, что вызывает протест тех, кто всерьез обеспокоен угрозой утраты наследия кемалистской революции, секуляризм переживает кризис. Такие государства, как Пакистан (в 1947 г.)

или Бангладеш (в 1971 г.), после обретения независимости приняли светские Конституции, однако постепенно отошли от принципов секуляризма. В 1956 г. Пакистан объявил себя Исламской Республикой, а в июне 1988 г. президент Бангладеш Хоссейн Эршад принятием 8-й поправки к Конституции провозгласил ислам государственной религией. В последнее время прослеживается угроза секулярным преобразованиям эпохи Неру в сфере политической жизни Индии. Наблюдается эрозия понятия секуляризма, а культурная и историческая политика индусских правых в период руководства страной Нарендры Моди далеки от принципа толерантности.

Конфликты, которые мы рассматриваем как религиозные, достаточно часто имеют вполне мирскую подоплеку, хотя и разгораются только с облечением их в религиозные одежды. Хрестоматийным примером такого конфликта служит опыт ближневосточных противостояний. В индийской же внутренней политике примером подобного рода конфликтов является значительная часть межобщинных столкновений. Они сознательно вызваны дестабилизирующей политической деятельностью этнонационалистических организаций, стремящихся к “индуизации” государства. Периодически вспыхивающее противостояние между Индией и Пакистаном за Кашмир – внешнеполитический пример подобного конфликта.

На уровне малых групп за общинными столкновениями мусульман и индусов нередко проглядывает экономическая подоплека, в том числе зависть менее успешных предпринимателей-индусов к более успешным соседям-мусульманам. Такого рода конфликты участились после первых успехов

индийских реформ Манмохан Сингха 90-х годов, способствовавших большей открытости экономики страны [2]. Экономически приниженные в Индии мусульмане стали активнее взаимодействовать, например, с арабскими рынками труда, сбыта и капитала, что обеспечило им большие преференции во взаимодействии с единоверцами. За многими погромами принадлежащих мусульманам магазинов, лавок и домов в Айодхье (1991 г.) или Гуджарате (2002 г.) стояли местные предприниматели-индусы, давно ждавшие повода свести старые счеты.

Власть призвана обезоруживать конфликтующие стороны, изобретая пути обеспечения существования общин в состоянии “худого мира”, и осуществлять неусыпный контроль за зыбким внешним спокойствием. Но путь умиротворения угнетенных общин за счет различных форм социальной поддержки по религиозному, кастовому или иному традиционному признаку, такой как “политика позитивной дискриминации” [3], помогая обездоленным, одновременно усиливает риски их отчуждения и разобщенности.

СЕКУЛЯРНАЯ ИДЕЯ В ИНДИИ

Одна из важнейших проблем, с которой столкнулось молодое индийское государство сразу после обретения независимости в 1947 г., – взаимодействие-противостояние многочисленных религиозных общин Индии, определяемое как коммунизм. Ее особая острота проявляется в столкновении двух наиболее многочисленных и влиятельных общин Индии – индульской и мусульманской. Препятствия к выстраиванию взаимоотношений между этими общинами имеют глубокие исторические корни, а диалог между ними оказывается все более затруднен [3].

Политические адепты секуляризма в стране, исторически представленные главным образом Индийским национальным конгрессом (ИНК), на фоне коррупционных скандалов постепенно утрачивали свой авторитет. Декларируемые ИНК цели и задачи политики секуляризма по построению гражданского общества, в котором религиозная, кастовая, племенная, лингвистическая или любая иная традиционная идентичность уступает место общегражданской, не находит достаточного сочувствия и понимания у населения Индии. Реанимировать, обновить смысловое ядро секуляризма в рамках открытой дискуссии лидеры ИНК опасаются из-за страха утраты единства позиций внутри Объединенного прогрессивного альянса (ОПА), возглавляемого им, и нежелания оттолкнуть проиндусски настроенный электорат.

В отличие от секуляризма ИНК партия действующего премьер-министра Моди – “Бхаратия Джаната парти” (БДП) последовательно отстаивает проиндусскую этнонационалистическую идеологию хиндутвы. БДП выступает в качестве политического авангарда разветвленного “семейства” националистических организаций “Сангх Паривар” (*Sangh Parivar*), возглавляемого “Раштрия сваямсевак сангх” (РСС – Союз добровольных служителей нации). Как политическая организация, РСС оказалась под запретом в связи с причастностью ее членов к убийству М.К. Ганди. После последовавшего через год снятия запрета РСС была вынуждена начать позиционировать себя исключительно как “культурная организация” индусов. В действительности, возглавив “Сангх Паривар”, РСС постепенно охватила своей идеологической работой практически все сферы жизни страны.

Поборники “культурной гегемонии индуизма” – активисты БДП и “Вишва Хинду Паришад” (ВХП – Всемирный совет индусов), другой структуры “Сангх Паривар”, стали основными инициаторами и участниками погромов в г. Айодхье (штат Уттар-Прадеш), приведших к разрушению в декабре 1992 г. мечети Бабура – древней святыни мусульман. Десятилетие спустя, в 2002 г., уже в бытность Нарендры Моди на посту главного министра штата Гуджарат, в этом северо-западном штате произошли кровавые погромы против мусульман, совершенные теми же индусскими организациями и повлекшие тысячи жертв среди мусульманской общины штата. Эта акция “возмездия и устрашения” общины мусульман до настоящего времени до конца не расследована, в том числе в части деятельности полиции и иных силовых ведомств штата, находившихся в тот период в прямом подчинении Моди.

ИСПЫТАНИЯ ИНДИЙСКОГО СЕКУЛЯРИЗМА НА ПРОЧНОСТЬ

На рубеже 2019–2020 гг. политика секуляризма в Индии подверглась двум испытаниям. Правительство БДП, воодушевленное убедительной победой на общегосударственных выборах, решило не откладывать в долгий ящик предвыборное обещание лидера своей партии и переизбранного премьер-министра страны Нарендры Моди о лишении штата Джамму и Кашмир (ДиК) особого статуса, предоставляемого ему ст. 370 Конституции Индии, и о преобразовании этого штата в две союзные территории: “Джамму и Кашмир” и “Ладакх”. О намерении интегрировать штат ДиК в состав Индии на общих основаниях Моди впервые заявил еще в период первой избирательной кампании 2014 г., но до реализации этого проекта дело так и не дошло.

До отмены 31 октября 2019 г. действия ст. 370 Конституции Индии штат ДиК обладал особым правом вето на вступление в силу на своей территории индийских законов, за исключением вопросов внешней политики, обороны и связи. Помимо этого, особый статус Кашмира предполагал наличие собственного флага и даже Конституции ДиК. Включение ДиК в состав Индийской Республики, по мнению большинства руководства страны конца 50-х годов, в том числе первого премьер-министра Дж. Неру, не могло осуществиться без предоставления ему особых полномочий, на которых настаивал последний независимый правитель княжества — махараджа Хари Сингх. Таким образом, в 1957 г. бывшее княжество “Джамму и Кашмир” обрело значительную автономию, но вошло в состав Индии, а не Пакистана. Граница Индии, проходящая по территории бывшего княжества, до сих пор представляет собой линию размежевания войск на момент окончания Первой индо-пакистанской войны и не признана в качестве таковой международно-правовым образом.

Процедура “индуизации” штата ДиК, предложенная Моди в конце 2019 г., заключалась в его передаче под прямое управление центральному правительству в виде *двух союзных территорий* и была призвана разрубить старый кашмирский узел. Реакцию мусульман Индии на лишение Кашмира особого статуса (штата), ставшую неожиданностью для большинства населения, можно охарактеризовать в спектре от нейтральной до одобрительной. Исключение составила лишь радикальная часть кашмирской общины мусульман, и в первую очередь ее элита.

Особенно очевидным преимущественно равнодушное отношение индийских мусульман к лишению Кашмира автономного статуса выглядело на фоне другого знакового для секулярной политики Индии события, а именно захлестнувших страну протестов, вызванных принятием дискриминационного закона об упрощении получения индийского гражданства для немусульманских беженцев из соседних государств. “Закон о гражданстве”, вступивший в силу 10 января 2020 г., предоставляет амнистию нелегалам, бежавшим в Индию до 2015 г. из трех соседних стран: Афганистана, Бангладеш и Пакистана. Документ упрощает предоставление гражданства буддистам, христианам, индуистам, джайнам, парсам и сикхам, то есть фактически для всех его соискателей, за исключением мусульман.

Выделение общин по религиозному принципу для предоставления им преференций противоречит секулярному принципу, заложенному в Конституции Индии. Несмотря на тот факт, что мусульмане в странах, о которых говорится в законе, как правило, являются гонимыми, а упомянутые

выше общины — жертвами и изгнанниками, выделение групп беженцев для предоставления им особых преимуществ в получении гражданства возмутило большинство индийцев. Особые опасения проявили жители северо-восточных штатов страны, где узаконенный статус новых граждан Индии, по их мнению, может существенным образом исказить традиционный этнорелигиозный состав населения. Недовольство индийцев приобрело форму массовых протестов благодаря лидерам оппозиционной ИНК. Конгресс давно искал способ громко заявить о себе на фронте борьбы индийцев за права меньшинств, то есть там, где они традиционно являются сильным и неудобным соперником индусских правых.

Последние решения правительства БДП об “индуизации” Кашмира или о легализации немусульманских беженцев из приграничных стран направлены на достижение целого комплекса социально-политических и экономических целей. Часть из них представляет собой попытку решить назревшие проблемы развития: ускорения экономического роста региона, запуска его структурных реформ, борьбы с коррупцией или назревшей либерализации рынка земли. Другие цели направлены на отработку задач собственной партийной повестки, на обеспечение целей хиндутвы. Либерализация рынка земли, запрет на продажу которой для нерезидентов Кашмира был введен еще Британской администрацией в XIX в., помимо целей по включению ее в общий оборот, должна способствовать размыванию мест компактного проживания религиозной общины мусульман за счет притока населения из других регионов страны. Схожие задачи преследует выделение особой союзной территории Ладакх, где порядка половины населения составляют буддисты ламаистского толка, лояльные федеральному правительству.

Предоставление Кашмиру особых автономных полномочий, по мысли Моди, стало серьезной ошибкой руководства страны периода ее становления, о чем он неоднократно заявлял. Индусские правые небезосновательно полагают, что курс Неру на урегулирование территориальных споров путем уступок был избран лишь благодаря ранней кончине Валабхаи Пателя, лидера консервативного крыла ИНК, который не боялся решать территориальные споры с позиции силы. Заверения Моди о возвращении ДиК статуса штата в будущем звучат для местных мусульман особенно неубедительно на фоне призыва начальника генштаба индийских ВС генерала Бипин Равата к незамедлительному созданию в Кашмире лагерей “дердикализации” по образцу уйгурских “лагерей по перевоспитанию” в Китае.

ВОПРОС О ГРАЖДАНСКОМ ДИАЛОГЕ

Религиозная динамика встроена в индийскую политическую культуру столь глубоко, что практически любое значимое социально-политическое решение затрагивает непосредственные интересы и вечные, родовые ценности и смыслы своих граждан как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Религиозная или кастовая принадлежность составляет для индийца основу его идентичности, а политические решения, принимаемые им, как правило, опираются на мнение местной общины и ее лидеров. Поэтому секуляризм в понимании большинства индийских граждан не включает императивное требование разделения сфер религии и политики.

В связи с вышесказанным тернарная трактовка религиозной динамики Е.Б. Рашковского обретает на индийском материале особые оттенки. Прежде всего триаду государства, религиозных институтов и гражданского общества в индийском варианте не столь легко разделить, как в случае постсекулярного западного общества. Индийское гражданское общество практически полностью делится на религиозные общины, и политическая общегражданская идентичность начинает соперничать в сознании индийца с его традиционными идентичностями и ценностями.

Индийское политическое экспертное сообщество дважды ошиблось: вначале почти единодушно оценило решение кабинета Моди об отмене особого статуса Кашмира как чреватое неминуемым социальным взрывом и в то же время не сумело предвидеть столь негативной реакции общества на решение по “Закону о гражданстве”. В связи с этим прецедентом встает закономерный вопрос: почему обратная связь между государством и гражданским обществом, государством и религиозными общинами страны оказалась затруднена, а реакция на инициативы правительства плохо предсказуемой?

Полагаю, что в последнее время всеми заинтересованными сторонами прикладывается недостаточно усилий для возобновления диалога с гражданским обществом и для поиска продуктивных форм обратной связи. Многие решения руководства страны, касающиеся религиозной сферы и межобщинного взаимодействия, спускаются вниз без всестороннего обсуждения, а в обществе, в свою очередь, заметны усталость и раздражение при обсуждении наиболее острых вопросов секулярных отношений, особенно в пассионарной среде нового среднего класса и молодежи.

Португальский ученый индийского происхождения Амит Сингх попытался нащупать подходы к ответу на этот вопрос и опубликовал результаты социологического исследования на основании

опроса студентов в древнейшем и сакральном для индусов духовном центре — городе Варанаси [3]. Параллельно опрашивались студенты индусского колледжа и исламского университета, расположенных неподалеку друг от друга. Выяснилось, что большинство студентов солидарны с тем, что право на свободу выражения мнений не должно быть абсолютным. Свобода слова, по их мнению, может быть ограничена государством для защиты гармонии общества в культурной и религиозных сферах. Прежде всего, основные религиозные символы не должны подвергаться осмеянию или унижению.

Студенты-индусы заявляли, что не существует ценностей, ради которых можно было бы издеваться над священными символами индуизма, такими как “священная корова” и “воды Ганга”. Студенты-мусульмане сочли недопустимым оправдывать оскорбления в адрес Пророка Мухаммеда и Корана защитой секулярных ценностей или идеей толерантности. При опросе выяснилось, что в суждениях студентов из числа как мусульман, так и индусов, несмотря на светский характер образовательного учреждения последних, преобладала религиозная идентичность. Большинство респондентов предпочли основывать свой этический выбор на религиозных ценностях. В их картине мира принципы секуляризма, прав человека и свободы выражения мнений оказывались менее значимы, и они готовы были оправдать государственную цензуру ради защиты религиозной гармонии и ценности общественного спокойствия.

В связи с итогами опроса вызывают опасения сокращение общественного пространства для диалога и неготовность значительной части общества услышать мнение оппонента. Секулярный дискурс в Индии нуждается в основательной “перезагрузке” и обновлении собственного смыслового ядра. Свертывание пространства откровенного диалога между государством, гражданским обществом и религиозными общинами чреватое пассионарными социальными вспышками, от которых один шаг до насильственных акций. Недавняя история демонстрирует, что стихийные формы гражданского протеста на индийской почве, прикрываясь секулярными лозунгами, способны срастаться с ксенофобией по отношению к беженцам или использоваться оппозицией в собственных политических целях.

СЕКУЛЯРИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНДУИЗМ

Другой комплекс причин, приведших к кризису секуляризма в Индии, многие исследователи связывают с популярностью политического лидерства Нарендры Моди, которую лишь отчасти можно объяснить его успехами на пути модернизации

Индии. Либеральные экономические институциональные и структурные реформы, включая конституционные изменения, проводятся зачастую методами, близкими к авторитарным и под индусскими националистическими лозунгами. Под политическим руководством его партии БДП и при активном участии РСС, членом которой Моди является с восьмилетнего возраста, происходит постепенная “мягкая шафранизация” политической жизни Индии.

Индоктринация индусов начинается с государственного раннего школьного образования, которое постепенно становится основным распространителем и пропагандистом идеологии хиндутвы для подрастающего поколения. С первых шагов в представлении школьников отождествляются история индийской цивилизации и история брахманизма. Помимо начальных школ, существующих за счет средств “Сангх Паривар”, которые являются основными распространителями межобщинной ненависти и религиозного фанатизма, многие государственные школы и колледжи находятся “под их опекой”. В таких государственных школах преподаются обязательные курсы по ведической астрологии и основам ведического законодательства. Началось введение обязательных курсов по патриотизму в государственных университетах, научных и профессиональных колледжах. Правительство БДП активно финансирует индусские культурные фестивали из своих фондов.

Параллельно проводится идеологическая работа с исторической памятью [4], где происходит “шафранизация” научных исследований, что составляет важное направление внедрения идей хиндутвы в официально признанную версию истории. Индусские историко-культурные исследовательские центры и программы РСС связывают между собой многие влиятельные научно-образовательные учреждения¹. Целые институты и проекты, такие как “Цивилизация Инда Сарасвати” (*Indus Saraswati Civilization*) или “Археология и Традиции” (*Archeology and Tradition*), создаются под эгидой РСС исключительно для разработки “идеологически правильного” взгляда на историю Индии.

Средства массовой информации также используются для пропаганды взглядов и некритического восхваления образа жизни индусов. Цель состоит в том, чтобы продвигать индийскую культуру как преимущественно индусскую, описанную на основе брахманических взглядов и представлений о ней исключительно на основании древних эпосов, мифов и легенд. Не могут не вызывать тревогу

¹ Индийский совет исторических исследований (*Indian Council of Historical Research*), Индийский институт перспективных исследований в Симле (*Indian Institute of Advanced Studies in Simla*), Межуниверситетская комиссия по грантам (*University Grants Commission*) и многие другие.

участвовавшие в последние годы случаи идеологической цензуры фильмов и культурных программ, а также публикаций в прессе относительно некорректного, по мнению проиндусских активистов, отношения к мифологизированному прошлому страны [5].

В 2017 г. вокруг фильма «Падмавати» индийского режиссера С.Л. Бхансали разгорелись нешуточные страсти. Его и исполнительницу главной роли Дипику Падукон индусские радикалы публично обещали изуродовать и даже убить за искажение “подлинной истории индусской нации”. На самом же деле режиссер фильма лишь романтически интерпретирует средневековую легенду XIV в., и о “подлинной истории” в таком контексте говорить вообще не приходится. Причем это не тот случай, когда неизвестные лица угрожают артистам. Один из членов правящей БДП, главный координатор по прессе в штате Харьяна – Сурадх Пал Аму публично пообещал 100 млн рупий (более 1.5 млн долл.) потенциальным убийцам. Хотя позднее БДП осудила это заявление, случай показателен.

Одной из жертв подобных ксенофобских призывов стала в 2017 г. журналистка Гаури Ланкеш, известная своей критикой индуистского радикального национализма. В 2003 г. она осуждала попытки РСС индуизировать (сделать индусским) суфийское святилище. В 2012 г., участвуя в протестах в Мангалоре и критикуя индусский сексизм, Гаури Ланкеш заявила, что индуизм – не религия, а “система социальной иерархии, в которой женщины считаются людьми второго сорта”. Ланкеш была убита 5 сентября 2017 г. возле своего дома. Посмертно она была награждена премией им. Анны Политковской за противодействие религиозной и кастовой дискриминации, а также за последовательное отстаивание прав индийских женщин.

Подводя итог, можно утверждать, что секуляризм в Индии не был осмыслен большинством населения в качестве абсолютной максимы, жестко разделяющей сферы религии и политики. Такое положение стало характерной чертой индийской политической культуры в целом. Прижившаяся в стране гандистская интерпретация древнего принципа “Сарва дхарма самбхавя” утверждает право равно уважительного отношения к любой вере на основании представления индийской традиции об общем корне всех религий, который заложил основы самобытного секуляризма Индии.

Среди молодых индийцев заметно растет нежелание и опасение затрагивать болезненную для общества тему межобщинных противоречий, возникающих на основе различия вер, религиозных символов, вопросов кастовой принадлежности, традиционных укладов жизни, что ведет к даль-

нейшему обособлению общин, росту ксенофобии и подозрительности. Вместе с тем в широких слоях индийцев укоренилось, вероятно, не вполне от-рефлексированное, но отчетливое представление о неприемлемости дискриминации каких-либо этнонациональных групп по религиозному признаку.

Прогресс Индии на пути модернизации и экономический рост оказались способны сглаживать острые углы межконфессиональных взаимодействий, но возникает проблема углубления неравномерности развития, которая сама способна породить новые конфликты. Надежной основой для преодоления этносоциокультурных противоречий может и должна служить политика выстраивания верной иерархии идентичностей с общегражданской секулярной идентичностью в качестве ее ценностного ядра. Такая политика идентичности могла бы укрепиться в ходе открытых общественных дебатов.

Религиозная или иная традиционная идентичность не должна служить целям политической мобилизации, а общеиндийская идентичность — ставиться под сомнение государством в зависимости от текущей политической конъюнктуры. Тернарная модель описания религиозных отношений, предложенная к обсуждению Е.Б. Рашковским (Государство — Религиозные институты — Гражданское общество), способна высветить характерные для Индии особенности взаимодействия

составляющих ее институтов. Стоит особо подчеркнуть возросшую роль “улицы” в качестве обратной связи с государством в условиях сокращения пространства общественного диалога и нарастания авторитарных тенденций в управлении.

Что касается вопросов, поставленных в начале статьи, то, на наш взгляд, прослеживается опосредованная, но все же отчетливая зависимость между сокращением пространства секуляризма в Индии и кризисом либеральных ценностей. Наблюдается заметное ускорение процесса эрозии светских ценностей толерантности и веротерпимости в научно-образовательной сфере и СМИ.

Вместе с тем, думается, что резкая общественная реакция, включая уличные протесты, способна предоставить для государства достаточную обратную связь для ответа в виде отыскания баланса политических институтов. Надежды на балансировку партийной системы связаны прежде всего с наметившейся тенденцией постепенного восстановления авторитета партии ИНК в текущем избирательном цикле. ИНК, исторически взяв на себя миссию проводника секулярных идей, пытается вернуть себе лидерство в вопросе созидания в Индии гражданской нации. Во всяком случае, приостановка “наката” архаистических страстей и ксенофобий и развитие институтов и форм гражданского диалога представляются одной из наболевших потребностей сегодняшней Индии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Рашковский Е. Религия, политика и цивилизационная динамика сегодняшнего мира. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 4, сс. 123-131. [Rashkovskii E. Religiya, politika i tsivilizatsionnaya dinamika segodnyashnego mira [Religion, politics and civilizational dynamics of today's world]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 123-131.] DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-123-131
2. Абрамов Д. Особенности индийской модели развития: Опыт и перспективы. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 5, сс. 109-117. [Abramov D. Osobennosti indiiskoi modeli razvitiya: Opytu i perspektivy [Features of the Indian development model: experience and perspectives]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no 5, pp. 109-117.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-109-117>
3. Singh A. Conflict between Freedom of Expression and Religion in India — A Case Study. *Social Sciences*, 2018, no. 7. Available at: <https://www.mdpi.com/2076-0760/7/7/108> (accessed 25.12.2020).
4. Roger G. Forces of communalism in India. Samson Prabhakar, ed. *Inter-play of Religion, Politics, and Communalism in India*. BTESSC/SATHRI, Bangalore, 2004, pp. 26-42.
5. Глушкова И.П. Индия: медиафеномен “оскорбленных чувств” как политический проект. *Политическая наука*, 2013, № 2, сс. 48-80. [Glushkova I.P. Indiya: mediafenomen “oskorblennykh chuvstv” kak politicheskii proekt [Indiya: Mediafenomen “Oskorblennykh chuvstv” kak politicheskii proekt]. *Politicheskaya nauka*, 2013, no. 2, pp. 48-80.] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/indiya-mediafenomen-oskorblennykh-chuvstv-kak-politicheskii-proekt/viewer> (accessed 25.12.2020).

THE CRISIS OF SECULARISM IN INDIA

(*World Economy and International Relation*, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 132-138)

Received 11.01.2020.

Dmitrii B. ABRAMOV (dimaodin@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article discusses the problem of the decline in the spirit of Indian secularism, both in connection with the significant loss of popularity of the INC party and the general crisis of liberal values in the world, examines the reasons for the complication of intercommunal dialogue and the reduction of public space for tolerance. The understanding of such key ideas as secularism, religious tolerance, multiculturalism, pluralism in political culture and society determines not only its prospects on its path to modernization, but also determines the fate of these societies. In addition to the ideological confrontation around the listed concepts within the Indian political system, the study examines the special role of educational institutions at all levels and the media in expanding the space of public dialogue and also outlines the difficulties faced by the country's political institutions. Based on the examples of recent experience in resolving the Kashmir problem and the adoption of the Citizenship Law, an attempt is made to assess the mutual influence of the secular self-awareness of Indians and religious dynamics in a complex structured Indian society on political processes. The paper assesses the impact of the Hindutva ideology on reducing the degree of secularity in modern India and the role of the Sangh Parivar family (Hindu ethno-nationalist organizations) in the course of the country's forced "saffronization" policy.

Keywords: secularism, multiculturalism, tolerance, religious dynamics, India, civilization, civil society, identity, dialogue, Hindutva, cultural racism.

About author:

Dmitrii B. ABRAMOV, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher Center of Development and Modernization Problems.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-132-138

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

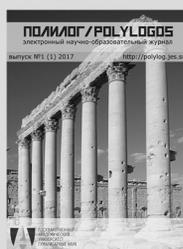
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

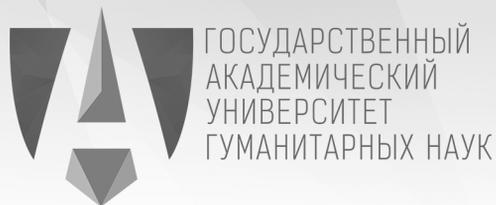
НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

